

БАБУ

НОВАЯ ИСТОРИЯ КОЛОБКА

*МММ
Как я
рассказываю*

ЯНЯ
ЯНЯ
ЯНЯ

Annotation

Меня зовут Елена Колобкова, и жизнь моя... катится.

Провести одну жаркую ночь с героически спасшим меня незнакомцем, устыдиться наутро и вытолкать его за дверь? Могу!

Оказаться в положении, бросить все и уехать в другой город, чтобы начать жизнь с чистого листа? Умею! Напороться на отца своих детей спустя три года, когда тот заявился отжимать у любимого начальства любимое дело? Пр-р-рактикую!

Но где наша не пропадала? Я ж "и от бабушки ушел, и от дедушки ушел". Сейчас ка-ак спою песенку...

В тексте есть: юмор, авторская раса, милота

- [Яна Ясная](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Эпилог](#)
-

Яна Ясная

**Новая история Колобка, или Как я
добегалась**

Пролог

Мне было, наверное, лет десять, когда в нашей семье впервые всплыла сказочка про “маньяка с топором”. Однажды мама пришла с работы и трагическим голосом объявила, что ей сказала Светка, а Светке сказала Оля, а Оля слышала от тетки, которая приходится двоюродной сестрой... ну вы поняли. В общем, все вышеупомянутые сверхнадежные источники утверждали в один голос: в нашем районе завелся маньяк с топором, а значит, отныне и впредь все прогулки будут совершаться исключительно в дневное время, а с музыки меня на остановке будет встречать папа, ибо семь часов вечера — это самое то время для маньяков.

Потом, конечно, суровые комендантские меры себя изжили (очевидно, сам маньяк испугался того, что он еще и маньячить не начал, а о нем уже все знают), а шутка осталась. Упоминание “маньяка с топором” сводило всю мамину строгость на нет и туда же отправляло мой собственный страх перед темными улицами.

Да и вообще, не такая уж она была и темная. И даже и не улица, а аллея в парке, освещенная оранжевым фонарным светом, падающим из вычурных плафонов с матовым стеклом. И время не такое уж позднее. Подумаешь — десять. Детское время-то!

Кто бы привел это все в качестве аргументов четверем амбалам, окружившим меня, когда выход из парка уже маячил перед глазами, а мыслями я была уже в горячей ванне, заслуженной после тяжелого дня.

Я застыла сусликом, испуганным зверьком, растеряв все зачатки разума, которые у меня имелись.

Бежать? Кричать? Отбиваться?..

Я вцепилась в свою сумку и с трудом разжала пальцы, когда один из типов потянул ее на себя. Это просто вещи, просто деньги. Они заберут, что надо и уйдут, не тыкая в тебя вот этими вот ножичками размером с ладонь.

Руки сами потянулись вытащить из ушей сережки.

— Умненькая девочка, — хмыкнул сзади хриплый голос. — И раз умненькая, то понимаешь, да, что этого мало? Придется натурой доплачивать.

И он хохотнул, будто рассказал веселую шутку.

Козел какой.

Но вообще-то, чувство юмора стремительно меня покидало, вместе с самообладанием, а на их место напрашивалась паника.

Даже так — паника-паника-паника!

Я терпеть не могу боль. Я терпеть не могу принуждение в отношении себя. Я терпеть не могу ситуации, в которых я не контролирую ситуацию.

Да, и отдельно я не люблю наглой лапы, опустившейся на мой зад. Вот ее прям больше всего.

К горлу подкатила тошнота. Руки, так и замершие возле сережек, похолодели. Ноги ослабли.

Давай, скажи им что-нибудь, Елена. Самое время. Не будь жертвой. Заговори с ними. Заставь их увидеть в тебе человека!

— Ребят, а вам не страшно? Тут, говорят, маньяк с топором гуляет...

Дружный жеребячий гогот был мне ответом.

Меня сейчас вырвет. Интересно, они передумают, если меня вырвет?

Успокойся, успокойся, это всего лишь тело, жизнь дороже, ты же умная девочка, ты же не хочешь, чтобы тебя покалечили, да? Просто не сопротивляйся, притворись, что ты на все согласна, усыпи бдительность, оставь им сумку и беги!

— Сама разденешься, или помочь?

— Я... не надо, пожалуйста. Я сама...

Ночь, аллея, скудный свет фонаря, четыре урода, которым морально-нравственный закон не писан, я и мой ужас.

— Ребят, а что это вы тут делаете? — веселый нахальный мужской голос разбавил нашу теплую (душную, я бы сказала) компанию. — А можно с вами?

Они сдвинулись передо мной широкими спинами как-то очень... слаженно, что ли? Отработано. Будто долго репетировали, тренировались. Только в результате этих тренировок, трое вдруг оказались впереди, перед шутником, а четвертый рывком выдернул меня из скудного круга фонарного света, с натопанной дорожки, умело зажав рот и вывернув руку так, что боль копьем прострелила от сустава до сустава, от локтя до плеча. И когда я попыталась закричать — как

угодно, сквозь его ладонь, лишь бы дать понять, что я не добровольно здесь, что я в беде! — легкого движения хватило, чтобы вместо крика о помощи у меня вырвался вопль боли. И всё равно захлебнулся мычанием в пятерне насильника.

Мою сумку он пинком отшвырнул еще дальше в сторону кустов. Чтобы не мешалась под ногами, видимо.

— Слышь, ты, иди куда шел, понял?

— Так я ж к вам! — радостно отозвался все тот же голос, и моя робкая надежда на спасение пошатнулась.

Господи, помоги мне. Господи, спаси меня...

— Ты кто такой? — настороженно уточнил один из четверых.

— Маньяк, — понизив голос, сообщил вновь прибывший, будто выдавал какой-то серьезный секрет. — Вот только топор дома забыл, не обессудьте.

Я не поверила своим ушам. Грабители-насильники, кажется, тоже. Кто-то из них даже начал протяжное “чего-о-о?!”, но окончить на правильной ноте не успел.

Глухой звук удара и неприятный хруст, от которого у меня свело зубы и желудок подпрыгнул к горлу.

Удерживающий меня тип попятился, увлекая меня за собой в густую темноту между парковых деревьев. Я, осознав, что меня, кажется, все же спасают, воспряла духом и попыталась укусить его за руку, лягнуть или вывернуться из захвата, но добилась только того, что из глаз брызнули слезы, а рука по ощущениям оторвалась.

— Давай, шевелись, курица!

Он тащил меня все дальше, но все равно голос маньяка нас нагнал.

— Стоять.

Насильник замер, будто и впрямь подчинился приказу.

— Вали отсюда, — резко развернувшись огрызнулись у меня над ухом. — А то порежу девчонку.

— Порежешь девчонку — сверну тебе шею, — буднично уведомил голос.

И не знаю, как мой навязанный спутник, а вот я как-то сразу поверила — свернет. Как пить-дать свернет! И вот честно, я была бы совсем не против, но давайте, пожалуйста, не через мой труп!

Он тоже поверил.

Резкий болезненный толчок в спину, и я лечу прямо на спасителя,

врезаюсь в него, и только чудом мы удерживаемся на ногах. А позади уже слышится треск и грузный топот — кто-то ломанулся сквозь парк со всех ног.

“Маньяк” дернулся, и я машинально плотнее вцепилась в его одежду.

Шумно выдохнув — горячий воздух щекотнул лоб — мужчина оставил мечты о погоне, и, взяв меня за плечи, слегка встряхнул.

— Ты как? Нормально? Посмотри на меня? Что-то где-то болит?

Параллельно с вопросами, не особенно рассчитывая на адекватные ответы, он мазнул руками по моему телу, ощупывая на предмет повреждений, и я вздрогнула, опомнилась, отступила на шаг назад и впервые посмотрела на того, кого судьба уготовила мне в спасители.

М... судьба, ты издеваешься, да?

Под ложечкой противно засосало.

Первое, что бросалось в глаза в парковой темноте — это толстовка с живописно белеющим черепом, бритая голова и поблескивающая в ухе серьга.

Высокий. Одежда вроде нарочито мешковатая, но в то же время странным образом дающая понять, что под ней далеко не дистрофик. Дранные джинсы. Кривоватая зловещая ухмылка.

Впрочем, последнее вполне могло дорисовать буйное воображение, уже согласившееся с тем, что я попала из огня да в полымя.

А вдруг правда маньяк?..

Какова статистическая возможность одной девушке напороться в парке на двух насильников? Может, они из враждующих группировок? Место не поделили, вот и...

— Телефон твой где? — осведомился “маньяк”, так и не получив ответов на предыдущие вопросы.

Я все также молча ткнула в ту сторону, откуда меня приволокли.

Ладно, телефон так телефон. Он новенький и его, конечно, тоже жалко, но не так жалко, как себя — практичный мозг отсек угрозу телу и вновь вернулся к размышлениям о материальном. Может, ему денег дать? Пусть хоть документы оставит, а то их восстанавливать — это с ума сойти, в прошлый раз, когда вытянули кошелек в автобусе я месяц по инстанциям бегала, все восстанавливала. Самое смешное, что сложнее всего мне дался университетский читательский билет. Ангелина Федоровна у нас была круче МФЦ...

Тел со свернутыми шеями на месте происшествия не обнаружилось. А вот сумка, как ни странно нашлась, хоть и пришлось ради этого поползть по земле. Документы были спасены, а телефону — хана. На него, очевидно, кто-то наступил, то ли так удар пришелся — экран вдребезги.

“Маньяк” при виде этого раздосадованно цокнул языком, и у меня по спине вновь пробежал холодок.

— На мой тогда, — он полез в карман, выудил блестящий черный гаджет с узнаваемым яблоком и протянул мне.

Я сморгнула. Что-то новое в системе рэкета.

— Звони домой, пусть встретят.

— Я... — язык ворочался с трудом и вообще от нервов получился какой-то высокий полузадушенный писк. — Я одна... мне некому...

И прикусила язык. Ну вот, теперь он еще и квартиру обнесет?..

— В смысле, мне не далеко. Здесь, близко.

Маньяк вместо того, чтобы ухмыльнуться и довольно потереть руки, закатил глаза и вздохнул.

— Ладно, идем, провожу.

— Спасибо, я сама, — наконец-то придя в себя, отозвалась я твердо и решительно.

— Докуда ты сама, до ближайшей подворотни? — мужчина (парень? я никак не могла прикинуть сколько ему лет) вздернул бровь.

Аргумент, конечно, хороший, учитывая обстоятельства, не спорю, но нет уж!

— Я не имею привычки водить к себе домой посторонних мужчин, извините. Спасибо вам за помощь, я невероятно признательна, но дальше я сама.

— Во-первых, не домой, а до дома, — возразил маньяк-спаситель, — а во-вторых, Мирослав.

И он протянул мне руку.

Мысли в голове прыснули испуганными зайками в разные стороны. Думать стало нечем, а потому я вполне себе бездумно ляпнула:

— Лера, — и опасливо пожала протянутую ладонь.

Рефлекс называть фальшивое имя вынырнул еще с университетских имен. Я тогда этим пользовалась для отваживания внезапных и нежеланных ухажеров, когда в лоб сказать, что мне это неинтересно, не хватало духу. Ненастоящее имя и вымышленный номер

телефона — и знать не знаю, кто вы такой! Мне казалось, что с тех пор я посмелела, а гляди ж ты! Старые привычки легко не забываются...

— Ну, веди, Валерия, — весело объявил маньяк, которого Мирославом у меня звать не получалось.

Я передернула плечами и... повела, что уж.

Держалась бодрячком, не раскисала, и даже мысли какие-то в голове в варились. Одна даже сформировалась в вопрос:

— Слушай... А откуда ты про маньяка с топором знаешь?

Он ухмыльнулся — ночные фонари живописно и угрожающе подсветили рожу типичного гопника:

— Да от тебя и услышал, — серьга в ухе блеснула, и я неодобрительно нахмурилась. — Я за тобой почти от начала аллеи иду. У нас там чуть дальше общий сбор. Машину на парковке оставил. Решил срезать. Ну и вот... срезал.

А я с удивлением взглянула на своего спасителя, снова пытаюсь сообразить, сколько ему лет? Вид он имел “лихой и придурковатый”, и такая бесшабашная молодецкая удаль свойственна, скорее, очень молодым парням, почти мальчишкам. Но такие, как правило, не оставляют машины на парковках, когда идут пить. Они приезжают на пьянки на родных колесах, а потом горько-горько плачут и тянут деньги с мам и пап, когда их лишают прав “менты-козлы”.

Холодный нервный ком в животе, возникший еще в тот момент, когда мне перегородили дорогу темные фигуры, никак не желал рассасываться. Присутствие рядом незнакомого (он имя себе тоже, может, придумал, как я! Хотя Мирослава фиг придумаешь...) мужчины рядом нервировало, но что-то мешало все же твердо послать его в дальнее пешее. Наверное, мысль о том, что он не дай бог, пойдет за мной позади. А “слежка” моим бедным нервам понравится еще меньше.

Ладно. Спокойно. Парень тебя спас и просто хочет убедиться, что не напрасно. А что выглядит, как гопник, так сейчас мода такая — полгорода выглядит как гопники. Не будь злобной старушенцией в свои какие-то двадцать четыре.

Ты ведь, Елена Премудрая, его даже не к себе ведь домой ведешь, так что расстанетесь у двери и все, концы в воду! И ничего не придется объяснять даже папе с мамой.

Наденюсь Наташке, которая слезно умолила меня пожить у нее две недели, пока она в отпуске — покормить котов, полить цветочки — это

не аукнется.

Мы шли молча.

Маньяк попытался вытянуть меня на беззаботный нио чемный треп, но получив на пару вопросов многозначительное “угу”, понятливо заткнулся.

Подъездная дверь хлопнула за спиной, заставив вздрогнуть, свет на первом этаже не горел, каблук соскользнул со ступеньки, я пошатнулась и маньяк любезно поддержал меня под локоть, заставив покраснеть, к счастью, невидимо. Соберись, Колобкова! Что ты как я не знаю! Не то что до дома дойти, по лестнице без приключений добраться не можешь!

На третьем этаже я замерла посреди лестничной площадки и обернулась к навязавшемуся спутнику.

— Пришли. Спасибо большое. Я вам крайне признательна за все.

— Вы бесстрашная девушка, Валерия, — улыбнулся маньяк.

На третьем этаже свет горел и при свете он, наконец, показался мне не таким уж и страшным. Ну череп, ну серьга, ну подумаешь... улыбка зато приятная. И глаза красивые. Удивительные, оказывается, не голубые даже, а почти синие, глубокого чистого цвета. Никогда таких не видела.

— Всего доброго, — он шутливо козырнул и почти вприпрыжку, как десятилетний мальчишка, поскакал вниз.

Я выдохнула с полным облегчением и полезла в сумку за ключами.

Ключи нашлись быстро, а вот дальше случилось непредвиденное...

У меня дрожали руки.

Тряслись. Ходили ходуном. Да так, что попасть в замочную скважину категорически не получалось.

Я закусила губу, сжала и разжала кулаки, снова поднесла ключ, но противный замок мало того, что не поддавался, так еще и принялся расплываться перед глазами.

Теперь меня трясло уже всю.

Откат от удивительной выдержки оказался ошеломляющим.

Ключи, лязгнув, упали. Я нагнулась, чтобы их поднять, и, всхлипнув, осела на пол рядом. Холодный ком вместо того, чтобы рассосаться, поднялся до груди, до сердца, разросся там, выдавливая из меня рыдания...

Сильные руки стиснули меня за плечи и без усилий вздернули вверх.

Синие глаза, бритый череп и дурацкая сережка.

— Н-никакая я-я не бес... бесс... бесстрашная, — выдавила я, клацая зубами и дрожа подбородком. — П-прос-сто т... т... тормознутая.

Маньяк поперхнулся воздухом, с трудом удержав неуместный смешок, и уткнул мой нос в свой череп. Не тот, который бритый, а который на толстовке.

— Ну-ну, все хорошо, все позади...

И чужие незнакомые руки гладили мои волосы, сжимали плечи, похлопывали по спине и проделывали все прочие манипуляции, теоретически призванные, успокоить рыдающую девицу. На практике девица успокоилась только тогда, когда сил рыдать уже не осталось.

Я шмыгнула напоследок носом и, забив на приличия, утерла его рукавом кофты, другим хотела размазать по лицу остатки слез, но замерла с недоумением уставившись на буровато-красные пятна. Посмотрела вниз.

— У вас... к... кровь!

— Где? — изумился маньяк и тоже уставился вниз, на зияющую прорехой на боку толстовку.

На черной ткани ничего не было видно. А вот на моей бежевой, голубой и синей — кофта, блузка, юбка — очень даже!

— Неловко вышло, — посетовал Мирослав. — Ну ничего, сейчас под холодную водичку сразу, должно отстираться...

— Вы с ума сошли? — нервно икнула я. Руки обрели утерянную было твердость, ключ вошел в дверной замок как нож в масло, и я уже совершенно не думала о том, что распахиваю дверь в чужую квартиру перед совершенно посторонним человеком. — Заходите, я немедленно вызову скорую.

— Да ерунда, царапина. Не кипешишь, Валерия.

Язык едва не дернулся поправить: “Я Лена”, но я закусил губу и вместо этого отрезала:

— Все вы так говорите, потом помираете за углом, а я неси тяжкий крест по жизни.

— Вы так уверенно говорите, уже бывали прецеденты? — заинтересовался маньяк.

Умиравшим он определенно не выглядел, как и страдающим от шока и неспособным здраво оценивать свое состояние. Но пятна на

моей одежде все равно были, и даже если там и правда всего лишь царапина...

— Заходите уже, — поторопила я. — Дайте я хотя бы обработаю. Или для этого мне надо прецеденты про гангреноу привести?

Мирослав хмыкнул, но подчинился, прошел в распахнутую дверь, вежливо скинул на коврик ботинки. Дуська, толстая рыжая кошка, сидя в проеме, ведущем в комнату, глазела на меня и незнакомого мужика так, что мне отчаянно засвербело перед ней оправдаться — да я его на минуточку впустила, сейчас вот обработаю и сразу же выставлю, чесслово!

— Ванная здесь, — я распахнула дверь, зажгла свет и нырнула в недра шкафчика в поисках аптечки. — Вы пока раздевайтесь, а я сейчас...

Да! Подруга, ты запасливое золото, я тебя люблю! Было бы отчаянно неловко, не окажись сейчас у Наташки ни бинтов, ни антисептика.

Я выпрямилась с добычей, обернулась — и обомлела.

Даже рот сам собой приоткрылся.

Маньяк послушно стащил толстовку и футболку и теперь щеголял великолепно вылепленным полуобнаженным торсом, но великолепие этого торса я оценила только во вторую очередь, а в первую...

По загорелой коже причудливо змеились тонкие линии.

Татуировка покрывала все тело, по крайней мере, видимую его часть. Причудливая, завораживающая. Я не была большим любителем росписей, но от этой не могла оторвать взгляд, и только спустя несколько мгновений до меня дошло, что я обласкиваю вниманием не столько удивительный узор, сколько выпуклые мышцы рук и плеч, рельефную грудь и треклятые “девичья погибель” кубики.

В и без того маленькой ванной стало очень тесно.

Я прерывисто вздохнула, резко вспомнив, как это делается, и облизнула пересохшие губы, а потом наконец заметила то, из-за чего нежной женской психике моей пришлось пережить такое потрясение.

Царапина, влажно поблескивающая бисеринками крови, расчерчивала бок. Совсем не пугающая, хоть и длинная — действительно, просто царапина.

Я окончательно встрепелась и полезла в аптечку. Маньяк то ли не заметил моего краткосрочного оцепенения, то ли сделал вид, что не

заметил. Может, ему к такому и не привыкать! Он оперся задом на белый бок стиральной машины и разглядывал меня, от чего щекам почему-то стало очень жарко. Непривычные-с мы к пристальному вниманию полуголых мускулистых татуированных и бритых маньяков!

Страх-то какой, а не описание...

В голове дурацкой мыслью бился бородатый анекдот.

“ — На меня вчера маньяк напал.

— Сексуальный?

— Очень!”

Я смочила антисептиком ватный диск и занялась делом.

Приятный аромат мужского одеколona щекотал ноздри и вкупе с близостью красивого и такого привлекательного в своей необычности тела кружил голову. Я медленно и вдумчиво обрабатывала царапину, а сама исподтишка разглядывала татуировку. Линии вблизи оказались не чисто черными, а с легкой синевой и как будто даже немножко переливались на свету — но это уже, наверняка, обман зрения.

Я метнула взгляд выше, напоролась на внимательные синие глаза и тут же потупилась, нервно заправив за ухо выскользнувшую прядь. Что вы, что вы! Я приличная девушка!

— И часто вам приходится рыцарей в беде спасать? — вдруг подал голос маньяк, заставив меня вздрогнуть и сильнее чем нужно прижать вату к ране, от чего он тут же дернулся и даже издал короткое шипение.

Я наградила мужчину укоризненным взглядом, скопировав оный у Дуськи и покачала головой, а потом доверительно понизив голос сообщила:

— Вы у меня первый.

Пошлячка Лена! Флиртует и не краснеет!

Красиво очерченные губы дрогнули и расплылись в самодовольной ухмылке. Серьга сверкнула в белом свете дневной лампы. Эх, все же простые эти мужики, как табуретка!

— Какая невиданная честь, — и низкий мужской голос стал еще на полтона ниже. — Я польщен!

Подача принята, одобрена, Мирослав легко включился в древнюю игру, в которой все в конечном итоге сводится к: “вы привлекательны, я — чертовски привлекателен, чего зря время терять?”.

Мысль эта внутреннего протеста не вызывала. Голова продолжала кружиться и что-то хмельное, куражное, незнакомое просыпалось

внутри. Разгоралось из искорки в огонек, и огонек этот жег изнутри, посылая по телу волны жара.

Я вдохнула и выдохнула, призывая ошалевший от выбросов всяких-разных гормонов организм к порядку, и принялась наносить на царапину антибактериальную мазь.

— Мне знаете ли тоже, — Мирослав вдруг немного подался вперед, наклоняясь ко мне, и от этого движения моя ладонь, испачканная в мази, прижалась неожиданно плотно к гладкой горячей коже. — До сих пор девиц спасти не приходилось.

Дыхание обожгло ухо и пустило россыпь мурашек от него и вдоль позвоночника.

Ах, что ж ты, ирод, делаешь!

Кончики пальцев, осторожно касающиеся раны, заныли. Острое желание коснуться совсем иначе, провести по рельефу кожи, очертить парочку линий практически обжигало. Никогда я еще не испытывала такой изматывающей жажды прикоснуться к мужчине.

В ванной стало душно и влажно, будто кто-то из нас только-что принял душ с паром. Горячий, горячий душ...

Я представила, как капли воды могут скатываться по этой коже — гладкой и загорелой, как в рекламе какого-нибудь мыла, и поняла, что душ срочно нужен мне — холодный!

Пока я накладывала повязку, вынужденно обнимая обнаженный торс, чтобы сделать оборот бинта, руки едва заметно, но ощутимо подрагивали. Вот только закрепив кончик марли, я не сделала шаг назад, не увеличила дистанцию, на разорвала странное наваждение.

Возможно, потому, что мне не дали.

Тяжелые ладони легли на талию — неожиданно весомо и приятно и погладили большими пальцами живот сквозь тонкую ткань.

Глаза в глаза. Нереальная синева и что-то магнетически животное в этом взгляде. Пробуждающее древние инстинкты. Мне хотелось потереться об него кошкой, вцепиться ногтями в твердые мышцы, прижаться так, чтобы на гладкой коже остался запах моих духов.

Наваждение.

Мирослав качнулся вперед, я закрыла глаза в ожидании поцелуя, но вместо этого он легонько боднул меня в лоб и потерся носом о кончик носа. Губы тронуло только чужое прерывистое дыхание. А потом щеки коснулись кончики пальцев, прочертили невесомую линию вниз, по

шее, вдоль выреза блузки, царапнули верхнюю пуговицу, заставив меня судорожно выдохнуть и тут же снова задержать дыхание.

— У тебя стресс, — медленно произнес мужчина, снова утвердив ладонь на моей талии, но не отодвигая головы — она все также прижималась к моей.

Было в этом промедлении, в этой нерешительности что-то томительно сладкое. Приятное. Заботится, не хочет воспользоваться. Джентльмен во всех отношениях, даром, что маньяк.

— Стресс, — легко согласилась я. — А стресс надо снимать.

И расстегнула ту самую верхнюю пуговицу блузки, делая вырез уже и длиннее.

Это движение стало роковым, тем самым, которое разрушило тягучее предвкушение. Чужие, твердые, горячие, настойчивые губы впечатались в мой рот, тяжелые ладони вдавили меня во все это прекрасное — мужское, мускулистое, расписное. Грудью, животом, как мне только что мечталось, и я впиалась ногтями в жесткие плечи, с ликованием ощущая, как от моего прикосновения под кожей пробежала дрожь.

Я целовала этого незнакомого, совершенно чужого мне мужчину так, как не целовала еще никого и никогда. Так, будто моя жизнь или рассудок зависели от этих поцелуев. Хотя рассудок тут, пожалуй, совершенно не при чем. Как раз-таки наоборот. Безрассудное, сумасшедшее — в омут с головой и не выныривать.

В этом было что-то пьянящее — вот так вот нарушать правила. Негласные правила, диктующие, как следует вести себя приличной девушке из хорошей семьи, а как — категорически не стоит.

Мы поменялись местами, и я оказалась на стиральной машине, и блузка снялась с меня вместе со стрессом, а восхитительные губы теперь терзали нежное полушарие, выглядывающее из кружева бюстгальтера. Не пересекая полупрозрачную границу, но заставляя меня отчаянно этого желать.

Юбка задралась, и грубая ткань мужских джинсов касалась теперь тонкой обнаженной кожи, и от каждого характерного движения бедер, вжимающихся в меня, внутри будто плескало кипятком. Я никогда в жизни никого так не хотела.

— Ты такая сладкая.

Хриплый шепот на ухо был просто набором звуков, от которого у

меня по спине пробегали мурашки, и куда больше меня сейчас волновали пальцы, рисующие причудливые петли на внутренней стороне моего бедра и неотвратно пробирающиеся туда, где их уже давно ждут.

Но звук голоса немного вернул в реальность. Я открыла глаза, увидела плитку, шторку с котятами, стопку Наташкиного белья с кокетливыми розовыми стрингами сверху и неожиданно поняла, что так — не хочу.

Не хочу торопливо, даже толком не раздевшись, отдаться на стиральной машине левому мужику...

...если уж отдаваться левому мужику, так с чувством, с толком, с расстановкой!

И, угрем вывернувшись из ласкающих меня пальцев, текучей водой соскользнув на пол, я ухватила Мирослава за руку и потащила в спальню.

Ноготок скользил по тонкой линии. На очередном пересечении я несколько мгновений раздумывала, куда свернуть, пытаюсь угадать направление, которое выведет меня к соблазнительному завитку вокруг плоского соска. Но лабиринт черных линий был необъятен, как мужская грудь, на которой лежала моя голова, к тому же мне было лень ее поднимать, чтобы внимательнее изучить возможные “ходы”.

Мирославу, кажется, было щекотно, потому что кожа под пальцем иногда подрагивала, но он мужественно терпел, позволяя мне играть с татуировкой. Лежал без движения, прикрыв глаза, только пальцы руки, зарывшиеся в мои волосы, ненавязчиво перебирали растрепанные пряди и массировали голову.

От этих движений слипались глаза. Сытая томная нега завладела телом, превратила его в пластилин, неспособный гнуться по собственному желанию — исключительно по воздействию извне. А надо было где-то найти силы, чтобы встать, одеться, изобразить какую-то деятельность, пожалуй...

— Как сокращается имя “Мирослав”? — на деятельность меня упорно не хватало, хватало только на дурацкие вопросы.

Палец соскользнул с линии, царапнул по ребру, и мужчина дернулся от щекотки, а я хихикнула, спрятав нос у него на груди.

— Мир.

— Миру — Мир! — жизнерадостно объявила я, приподнимаясь на локте и пытаюсь нашарить рукой одеяло, чтобы прикрыться.

— Давай мир пока что без Мира обойдется? — маньяк неожиданно перехватил мою руку. Кувырок — и я оказалась подмята тяжелым телом.

Запястья вдавлены в матрас и синеглазая тень нависает надо мной почти угрожающе, но мне ни капельки не страшно.

А поцелуй неожиданно бодрит.

Ладно! Ты хотела изображать деятельность? Вот! Изображай! Ради этой даже не надо вставать с кровати, а маньяка можно и чуть попозже выставить...

— С добрым утром, — мурлыкающий шепот на ухо, и губы нежно прихватили мочку уха.

Слегка шершавая ладонь обрисовала изгибы тела, слегка сжав нижнюю округлость, и я выгнулась, потягиваясь — какой приятный сон!..

И тут же подскочила пружиной, вертикально — вверх, как испуганная кошка. Даже волосы так же дыбом встали. Разве что кошки не прижимают к груди одеяло, чтобы прикрыться. Свое-то я, конечно, прикрыла, а вот чужое...

Долго любоваться на дело рук своих не стала. Потому что стыд и позор, Ленка, и не на что там глазеть, даже если и есть на что!

То, что казалось прекрасным и правильным ночью, при свете дня становилось дурацким, необдуманым и откровенно неправильным. Докатилась! Маньяков по подворотням цеплять и таскать в чужую квартиру. Это почти как котиков таскать, только хуже!

...я представила, как Наташка возвращается домой, а у нее тут вместо двух котов (вместе с двумя котами) маньяк без топора — зевает, трется и жрать просит...

Хотя, если так посмотреть (и вот так, и вот сак, и вообще с любой стороны хорош), Наташка, возможно, была бы и не против...

— Лер...

Мое-не-мое имя вырвало меня из уползших непонятно в какую сторону размышлений и окончательно расставило все на свои места.

— Тебе надо уйти, — твердо произнесла я, глядя сверху вниз в синие глаза. И, подумав, добавила: — Извини.

Ответный взгляд был мучительно долгим, но я и не думала отворачиваться, несмотря на полный и абсолютный душевный раздрай.

— Хорошо, — наконец кивнул Мирослав, поднялся и принялся одеваться. А я метнулась в ванную за его верхней одеждой, чтобы только ускорить его уход и не задерживаться лишнее мгновение в одном помещении.

Он больше ничего не сказал, натянул послушно протянутую футболку и толстовку, вышел за дверь. И едва все не испортил, обернувшись на лестничной площадке. Он открыл рот, а я, не медля больше ни мгновения, захлопнула дверь и провернула замок. А потом, выдохнув, прильнула к глазку.

Мужчина немного потоптался на лестничной площадке, даже поднял руку, собираясь надавить на кнопку звонка, но потом передумал, повернулся и принялся спускаться по лестнице.

Когда бритая макушка скрылась из поля зрения, я выдохнула, и сползла по двери вниз и там и осталась сидеть прямо как и была — голая, растрепанная, завернутая в одеяло.

М-да...

Жжешь, Колобкова!

Отжигаешь прямо-таки.

Кряхтя, как столетняя бабка, я поднялась с пола и переползла в ванную. В зеркало на себя смотреть было страшновато и, как оказалось, не зря!

Удивительно, право слово, что маньяк сам от меня не сбежал!

Длинное шатенистое каре, как и предполагалось — дыбом, под глазами синяки от туши, которая хоть и стойкая, но не настолько, сами глаза — опухшие, болотно-зеленые и заспанные. На щеке — след от подушки. На шее засос, на груди засос, даже на бедре, прости господи, засос. Батюшки, да я вампира подобрала!

Неодобрительно покачав головой на собственное отражение, я принялась набирать ванную. Сейчас как утону, так сразу полегчает!

Дуська сидела на пороге напару с Люськой, и теперь на меня с укором смотрели две пары кошачьих глаз. “А еще “чесслово” давала! Сразу, мол, выставлю! Ну и мряулодежь пошла!”.

— Так, — вздохнула я. — Я вам банку с кроликом, а вы — ни слова Наташке!

И выпнула обе кошачьи попы за дверь.

Покачиваясь в мягких облаках ароматной пены, я медитировала на шторку с котятами и выдумывала себе оправдания и утешения.

А потом решительно махнула на все рукой.

В конце концов, что такого?

Это просто одна ночь.

Без привязанностей. Без ответственности. Без последствий.

Так и о чем тут переживать?..

Глава 1

Домой! Домой-домой-домой, в любимую берлогу, скорее бы домой!

Лифт еле полз и дребезжал на весь дом металлическим нутром — болтами, шайбами, роликами и тросами.

Лестничная клетка — и уже почти дома, вот они, желанные двери, и соседка напротив копошится с ключами...

— Добрый вечер, Вера Максимовна.

Ответного приветствия я то ли не дождалась, то ли не услышала. Ну так не очень-то и хотелось.

— Да что ж это за мать-то такая, детей на чужую девку бросила, шляется невесть где до ночи... — почтенная пенсионерка бухтела как бы себе под нос, но так, чтобы я точно услышала.

В обычное время я бы и внимания не обратила — Максимовна на весь дом известна мерзостью характера, но сегодня пришлось стиснуть зубы, чтобы не ответить какой-нибудь гадостью. А то огрызнусь, она с радостью ввяжется в свару — и готово, настроение безнадежно испорчено, а его потом домой нести, в родное логово.

Но задело, да. Зацепило. Усталость сказывалась — броня ослабла, щиты приспустились. Укол прошел, не смертельный укол, а так, мелочь и пустяк, даже не до крови. Но перекошенную физиономию лучше выправить здесь, перед дверью, а то Адка заметит ведь с её нечеловеческой проницательностью и в два счета вычислит причины.

Нужна мне соседская война на лестничной площадке? Не нужна. Вся это кровяца, ошметки мяса по стенам и затяжной грохот артиллерийских орудий с обеих сторон. Адка у меня, конечно, не промах, бесстрашна и свирепа, но на стороне Веры Максимовны возраст, опыт и группа поддержки из всех подъездных “божьих одуванчиков”, которые здесь всегда жили, а мы вперлись, квартирантки, кто вас сюда звал, езжайте себе и там командуйте, а то ишь, моду взяли! (Продолжать можно бесконечно).

Пока ровняла лицо, пока подтягивала ослабившиеся ремни на доспехах, и вообще вспоминала как оно изображается — счастливое-беззаботное лицо, наша дверь щелкнула замком, приоткрылась, и на

лестничную площадку высунула нос Ада, явно услышавшая, что о ней подумали.

Высунула, зыркнула козым раскосым глазом на меня, на соседку...

— Добрый вечер, Вера Максимовна! — пропела она специальным сладким голосом, от которого у некрупного медведя мог бы приключиться диабет, — А чего это ваших внуков давно не видно? Не дает Маринка? Ой, а почему?.. Вы же такая хорошая бабушка!

Соседка пошла пятнами, будто нечисть, которую сбрызнули святой водой, а добрая девушка как ни в чем не бывало ухватила меня за запястье и втянула в квартирное нутро. Занятая раздумьями, подслушивала ли она под дверь, или в очередной раз просто метко попала, я послушно втянулась домой. Вся — мысли, характер, проблемы, усталость. Щупальца, ложноподии и тентакли. Скопление молекул, Елена Владимировна Колобкова.

Втянулась — и осела на банкету у дверей, и вытянула ноги, натруженные за день, и откинулась на стену, запрокинув голову... Устала. Вся, вместе с характером, мыслями и проблемами.

В доме пахло домом. Можжевельником и лавандой — Адка любит траву во всех ее проявлениях, сама удивляется, откуда в ней это, но вот есть и всё, и она с наслаждением тащит в дом ароматные сочетания, подбирает и совершенствует. В интернет за советами принципиально не лезет, интернет ей в этом деле только мешает. Сама, только сама, следуя за своей интуицией, за своим ощущением правильности и уместности.

Пахнет детьми и их детским шампунем — из ванной тянет, и, кажется, неугомонные мои чудовища опять устроили пенную вечеринку, что ж это такое, когда это закончится! И, надеюсь, не тем, что мы затопим соседей снизу... А я опять все пропустила, я-люблю-мою-работу!

Духами моими. И тут одно из двух: либо мелкие утащили флакон, а старшая их покрывает, и тогда духов у меня скорее всего теперь нет, а вот это вот последнее скоро выветрится, либо в Адке наконец-то стала просыпаться женственность, и она понемногу примеряет на себя ее аксессуары. Хорошо бы второе, конечно, но тогда надо бы присмотреться, сама ли женственность пробудилась, или есть внешний стимул, и если есть — то нужно на этот стимул внимательно взглянуть, мало ли. Мы девушки разборчивые, нам не всякий стимул подойдет, и проследить, чтобы не вздумал обижать, а то я ведь и машиной сбить

нечаянно могу...

Едой пахнет, теплым ужином, и от этого запаха наворачиваются слезы: я, оказывается, так голодна! Я так хочу есть!

Сделав волевое усилие, я отклеилась от стены, потянула вниз молнию на сапоге. А Ада, заперла дверь (верхний замок, нижний замок, цепочка, два раза подергать ручку — ритуал, видишь ли!) и провозгласила:

— А нас из садика выгнали!

Да что ж ты! Рука дернулась, бегунок застрял в молнии, и я спросила, мысленно холодея от ужасных предчувствий:

— На какую сумму? — так, заведующая мне не звонила, Адка слишком жизнерадостная для крупных проблем, так что вряд ли что серьезное, но попа все равно тоскливо сжалась в предчувствии финансовых потерь.

— Совершенно бесплатно! — хохотнула “старшенькая”. — Дядя Паша сильно ржал, но обещал всё собрать еще до вечера... Но эта корова всё равно нас выперла из садика до завтра.

Дай боженька здоровья детсадовскому сторожу-дворнику-кочегару дяде Паше! Этот добрый человек воспылал привязанностью к моей зондер-команде еще при знакомстве и с тех пор исправно чинил, клеил, скручивал и таскал тайком в мусорный бак не подлежащее ремонту. Покрывал, словом, моих беспредельщиков. Если бы не он — подозреваю, выперли бы нас давно из сего славного дошкольного учреждения...

Корова — это заведующая детским садом, Лора Федоровна, дама тучная, дородная и... э-э-э... сложная! Да. Это хорошее слово. Сложная. Если быть честной, я ее понимала, мои детки тоже не мед с халвой. Но если быть еще честнее, как же я заколебалась ее понимать!

Я подергала бегунок на молнии туда-сюда, поняла, что закусился он намертво, сдалась и взялась за второй сапог.

— Ты рассказывай, рассказывай, душа моя, не стой, потупив взор! — подбодрила я свою няню, подругу, подопечную, старшую приемную дочь и младшую названную сестру в едином лице.

Она меня услышала, но увы, лишь отчасти: перевела взгляд на потолок, ручки за спину, ножки крестиком... Батюшки святы, театр одного актера, ТЮЗ на дому!

На всякий случай, я тоже посмотрела вверх. Потолок как потолок,

не протек, не обвалился, и спасибочки ему за это.

— Ада, — вкрадчиво напомнила я о себе.

Она вздохнула, и поведала мне последние вести с детсадовских фронтов. Вести оказались фееричны: мои чада в разобрали три детские кровати. Три. Кроватки. Разобрали мои дети. Мои дети. Не так давно справившие трехлетие. Иногда мне просто интересно, каким чудом все еще стоит на фундаменте наш дом? Ведь в нем же столько всего интересного! Электричество, газ, канализация! Как они еще живы-то, отпрыски мои? Педагогическими талантами Адки, не иначе.

Мучительно хотелось разреветься, бросить о стену сапог, и закатить картинную истерику, и чтоб меня непременно утешали.

Подумала и не стала. Ну его, завтра физиономия опухшая будет, а на работе гости столичные заявятся, а тут я вся такая красивая. А сапог вообще с ноги не слезает, потому что я его расстегнуть не могу, как в таких условиях его в стену швырнуть?

Какая-то я не внезапная стала. Не порывистая.

Старость, наверное.

Потом вспомнила, что никогда-то я внезапная и не была, и хотела было совсем загрустить, но вместо этого, наоборот, успокоилась и аккуратно расстегнула второй сапог.

Ура, без приключений!

Полюбовалась ногами: одна длинная, красивая, на умеренном, но изящном каблуке, а вторая счастливая и свободная.

— Помоги, а?

Адка хмыкнула и нагнулась. Секунда, вторая — и непокорный замок сдался.

Задумчиво пошевелив пальцами, я вздохнула:

— Завтра я рано уеду, так что когда мелких повезешь в детсад, возьми из НЗ денег и купи игрушку. Подаришь садику.

И на причитания “Да когда ты уже вашего юриста соблазнишь, пусть он эту жабу ненасытную засудит насмерть, там весь парк игрушек за наш счет уже второй год пополняется!” только хмыкнула.

Песенка была привычная, мотив родной. Но что поделать — Лора Федоровна нам жизнь осложнить может запросто, а юриста нашего, Артема Цвирко, я терпеть не могла и имела по этому поводу полную взаимность.

Я считала его скользким, наглым и не слишком-то чистоплотным в

моральном плане. Он меня — стервой, готовой за деньги Родину продать.

Другими словами, мы изо всех сил делили влияние и толкались локтями за место рядом с начальником.

Ну, и оценивали друг друга адекватно, да.

С соблазнением в таких условиях не развернешься.

— И, Ада, как так вышло, что Лорочка позвонила тебе, а не мне?

— Пойдем, я тебя ужином накормлю!

Вот и поговорили!

А еще у меня даже ноздри затрепетали от нетерпения.

Точно, я же голодна! Я просто опять забыла об этом, а теперь вдруг разом вспомнила!

А на кухне меня ждал сюрприз.

Паста с морепродуктами.

Ада это дело любила, но считала по нашим доходам дороговатым, и потому блюдо у нас было не то чтобы праздничным — но требующим какого-то события.

Что у нас ещё стряслось?

Простите, но три разобранных койко-места я даже за события не считаю!

— Ада?

— Что?

— Ада!

— Ой, да ладно! — она вдруг смутилась. — Ну на тебя просто смотреть больно с этим визитом! Вот я и... Утешить!

Последние дни выдались напряженными. Драгоценные столичные гости, набивающиеся к нам в партнеры, начали мотать нервы еще до собственно визита, на стадии подготовки. То есть, гости ничего такого ввиду может и не имели, но нервы мотались. И Адка, выходит, золотая моя девочка, всё это видит.

Н-да, я думала, я получше держу себя в руках, да и навыком оставлять работу на работе овладела давно. Ан нет. Увидела, и сделала, что могла. Оградила меня от проблем с детским садом и приготовила пасту с морепродуктами.

Неспешный, тихий разговор о дне минувшем.

Блаженные сорок минут в ванной — релакс-который-я-заслужила.

И бесценные мгновения счастья в комнате у спящих детей, когда

нежность болезненно подкатывает к горлу и закипает на глазах горячим, соленым. Когда ты страстно, неистово клянешься себе и им в очередной раз, что преодолеешь всё, всё, потому что главное у тебя уже есть, и любви к ним так много, что она просто распирает тебя, и кажется, что сейчас разойдутся швы и любовь хлынет из тебя всезаливающим потоком...

Из детской я выходила крадучись, ступая мягко и сторожко.
Чтобы не разбудить паршивцев.

А ночью я проснулась, как от удара. Подорвалась с кровати, успев мельком заметить время на часах — три ночи, и еще непроснувшееся тело запнулось о ковер, споткнулось, а я, до краев наполненная ужасом, даже не заметила болезненного удара коленями о пол, вскочила и снова рванулась. Из спальни — в общую комнату, скорее, скорей, спотыкаясь и задевая неуклюжим телом мебель и дверные косяки, без причин, без оснований, просто зная — беда!

Адка спала. Тихо. Мирно.

Не было беды.

Вот, видишь, уймись, приближная, всё в порядке! А что руки трясутся и внутренности обливают ледяной жутью — ерунда, скоро пройдет.

Спит. Просто спит. Всё хорошо.

Я осторожно качнула ее за плечо... Ноль реакций.

Устала. Не надо ее будить. Весь день с мелкими — это вам не фунт изюма. Грех мешать человеку после такого спать.

Я потрясла узкое девичье плечико чуть сильнее. Нет реакции.

Рот заполнила вязкая кислая слюна, в животе мерзко затянуло.

— Ада, Ада! — расслышала я со стороны свой шепот, сначала осторожный, а потом напористый, — Ад, проснись!

Её рука безвольно соскользнула с дивана, костяшки пальцев стукнули об пол.

А дальше я растворилась. Набат, который удалось было задавить, снова грянул по моим нервам. Но мне уже не было до него дела. Мир стал прост и понятен и развернулся во времени и пространстве, а я была в нем стрелой, летящей к цели. По идеальной прямой, кратчайшим путем. В этом мире мне очевидно было, что следует делать. Даже странно, что я потратила столько драгоценных мгновений на какие-то

бессмысленные глупости, вроде сомнений и паники.

Женщина, которая рыдала в телефон: “Я просто проходила мимо и случайно заметила, что с ней что-то не так! Скорее, скорее, она умирает!” — вовсе не хотела рыдать. Она просто старалась привлечь к себе как можно больше профессионального внимания. Ей было необходимо, чтобы на том конце связи ей поверили. За них испугались. И щедро делилась в трубку своей паникой.

Она перемещалась по квартире рывками: документы, одежда, белье, телефон. Адкина сумка.

В мою — телефон, зарядное, кошелек. Заначку с неприкосновенным запасом. Всю — не жмись, Ленка, ты их на черный день и откладывала. Верхняя одежда, обувь — грудой у двери.

И паники больше не было. Была хищная злоба, готовность рвать на куски, зубами выгрызть у судьбы Адкину жизнь. Звериное, первобытное, страшное поднялось к поверхности со дна моей души, и оказалось, что там, моей в душе, его было на удивление много. Я не сопротивлялась этому древнему. Зачем? Если кто-то встанет сегодня между мной и целью... что ж, это его выбор.

Я делала все быстро, собранно и, только стучась к соседке снизу, поняла, что стою перед ее дверью в одном тапке. Отметила это с полным равнодушием и продолжила стучать. Звонок у нее второй год не работал, а телефон эта чудесная старушка, сидевшая с моими мелкими с тех пор, как Адка поступила на первый курс, на ночь благоразумно отключила. Но ничего. Я не гордая.

В приоткрытой двери наконец появилось заспанное лицо пожилой женщины, и я зачастила скороговоркой:

— С Адкой беда, я с ней в больницу, переночуйте у нас, умоляю, они уже спят, просто переночуйте у нас на всякий случай!

И она отозвалась заторможенно:

— Хорошо, сейчас я приду...

— Да, да... я сейчас сбегаю вниз, скорую встречу, а вы да, собирайтесь, конечно...

— Да, конечно, милая... — и взгляд, настороженно опустившийся по мне от макушки до ног, — Леночка! Вы бы обулись...

— Да, я... я сейчас, да.

Вверх по лестнице, домой — проверить, есть ли у Адки пульс, отметить, что лицо ее стало вроде бы бледнее — пропали веснушки.

Вниз, большими скачками, не приехала ли скорая?

Да, вот она — белая карета с характерной маркировкой, и ребята в синих форменных куртках поднялись за мной.

Они задавали прямо на ходу вопросы, на которые я отвечала, попутно понимая, что грош цена моим ответам — были ли травмы? Имеются ли хронические или наследственные заболевания? Она на что-то жаловалась в последнее время? Употребляет ли больная какие-либо препараты, иные вещества?

И я могла ответить разве что на половину, да и то без уверенности, потому что понятия не имела о ее наследственности, да и с жалобами — Адка не жалуется! И только на последний вопрос сорвалась, агрессивно окрысившись — но тут же взяла себя в руки и извинилась.

Буднично и деловито у Адки проверили пульс, и сунули под нос ватку. По комнате поплыл резкий запах нашатыря. Нет эффекта.

У меня в висках стучало. Я сосредоточенно, безотрывно следила за крепкими широкими руками врача, проводившего осмотр. Зрачки, давление, ЭКГ...

Щелкнул замками, раскрываясь, чемодан с медикаментами. Серебристая игла проткнула кожу и вошла в вену на сгибе локтя.

Замершие, зависшие в воздухе мгновения, когда человек в синей куртке с нашивкой “Скорая помощь” ничего не делает. Он ждет, сжав хрупкое, бледное запястье.

И дрогнувшие ресницы — символом возвращения.

Снова расспросы — и дивная новость, она, оказывается, вчера упала и ударилась головой. Да, головные боли были, но несущественные, и она не обратила внимания. Нет, голова не кружилась — ну... может один раз, утром, но это же у всех бывает! Нет, не тошнило. Да, точно не тошнило. Да правда не тошнило!

Мне хочется взять лопату, и добить дуру, чтобы не смела больше молчать. Не смела так пугать. Либо сползти на пол и рыдать, уткнувшись в колени и накрыв голову руками.

Я ее сожру. Начну с ног.

— Сейчас как себя чувствуете?

Адка мнется, и я вижу, что она мучительно хочет соврать, но под моим взглядом не решается.

— Ну... Мутит... чуть-чуть. И слабость...

— Голова болит, кружится?

Моя балда кривится, мнется, но сознается, что да. И болит, и кружится... Слегка. Немножко. уже проходит!

Желание дать ей по ушибленной башке лопатой становится непереносимым.

— Так, понятно. Мы ее забираем. Соберите вещи и документы. Есть кому поехать с ней?

— Да, конечно!

Адка пытается вякнуть что-то против, но затыкается на полуслове, поймав мою многообещающую улыбку, и покорно натягивает на себя одежду. Её слегка пошатывает, и врач сердобольно придерживает мое долговязое чадушко за плечо, а я...

А мне так ее жалко в этот момент, что я даю слабину и отменяю данное самой себе обещание, сожрать идиотку с костями, как только ей станет лучше.

Черт с тобой, живи! Не буду я от тебя отгрызать по кусочку за это твое молчание, за пренебрежение к самому ценному что у нее есть — к себе... Что с вами, недолюбленными, поделаешь.

— Гематома, — объявил мне усталый врач ближе к шести утра. — Не слишком большая, не беспокойтесь. Пройдет курс лечения, будет как новенькая...

Эти два с половиной часа я провела под дверями ординаторской. Может быть, он надеялся, что я куда-нибудь саморассосусь, и даже наверняка — очень уж тоскливым сделался его взгляд при виде меня, но что поделать. У всякой профессии свои недостатки, а у его — еще и мои.

Я поехала не зря, хоть неразумная моя няня и намекала, что это ни к чему. Еще как к чему оказалось — эти чудесные люди, дай им бог здоровья и зарплат внушительных, собрались отложить МРТ на утро. Простите великодушно, но зачем мы тогда сюда среди ночи приехали? Могли бы с тем же успехом явиться утром!

Вранье, конечно — в больницу мы отправились потому что я до ужаса перепугалась этого ночного обморока. А потом еще и в карете скорой помощи догналась, выясняя у мировой паутины, чем нам может грозить удар головой при падении (“с высоты собственного роста” — любезно подсказал мне поисковик).

В больницу я приехала уже накачанная страхами до нужной

кондиции, и когда сонный дежурный врач попытался убедить меня, что там ничего страшного, и всё прекрасно ждет до утра, я просто улыбнулась.

Улыбка эта у меня проходила под названием “Кое-что из личной жизни богомоллов”, она таилась в углах губ, путалась в углах глаз, пряталась в ямочке на щеке...

Восхищайся мной. И бойся меня.

Доктор сглотнул.

Смотри, мужик, смотри. Такого тебе по “Дискавери” не покажут.

Это улыбка человека, который тебя сожрет. Но сначала вы... мозг вынесет.

Мое мягкое женское обаяние сделало своё дело.

Доктор отчитывался мне о результатах тоном “я же говорил”. Ничего по-настоящему серьезного, пройти лечение необходимо, но прогноз благоприятный.

— Езжайте домой. Вам не о чем волноваться!

Он говорил так, будто волноваться изначально было не о чем, и я устроила панику из ничего.

Но... Но я знала, что в тот момент, когда игла шприца вошла в Адкину вену, ее организм решал, по какую сторону жизни ему свернуть.

Тигрик сыто урчал мотором и вез меня на трудиться. Адкин врач всё же сумел вытурить меня со своей территории почти сразу отчета о проделанной работе, и благодаря этому мне хватило времени принять душ, собраться, расшаркаться с Марией Егоровной, сунуть двойную плату за ночные часы, не слушая слабых попыток отказа, оставить инструкции по поводу детского сада...

...а еще наобниматься, натискаться, надышаться — сонных, сладких, жмущихся ко мне. Полуоткрытые с ночи глазенки, и трущие их кулачки, и волосы пепельно-русые дыбом. И секретики прошлого дня на ушко. И снова это пронзительно-острое чувство нежности и желание остановить мгновение, остановить гонку, застрять вот в этом — сладком, сонном.

Ну ничего, скоро отпуск.

Так что к месту трудового подвига я ехала свежая. Но злая после бессонной ночи. Того и гляди, что-нибудь упущу, допущу, задущу... Хотя последнее — из другого ряда. А жаль. Сегодня бы я да.

Ночью выпал снег, и прилично, пожалуй, рекордно на эту зиму. Коммунальщики сработали оперативно: прочистили, отсыпали. Молодцы. Могут же, когда хотят! Едь и радуйся!

Радости хватило на две трети пути: стоило свернуть с трассы на повороте на Лабазное, радость закончилась, я оказалась в местах, где не ступало колесо снегоочистительной техники.

— Ну не козлы ли, а? — от души спросила я снежную целину. — Ведь договаривались же, по-человечески!

Здесь из населенных пунктов — только Лабазное и Денисовка, а за ними уже наша база отдыха “Тишина”. Села небольшие, чистить их особо не спешат, так что Максим своевременно озаботился вопросом. Сделал благотворительный взнос муниципалитету “на обеспечение транспортной доступности заповедника”. Заповедник-то вот он, сразу перед нами, и поворот проселочной дороги в его сторону прямо перед воротами базы, так что и к нам дорога в любом случае прочищается, а заповедник что, наша база с заповедника живет, так что в их доступности мы тоже кровно заинтересованы...

Нам клятвенно обещали, что наш участок дороги будет чиститься в первых рядах. А на деле, выходит, муниципальные власти деньги у хозяина “Тишины” взяли, а на клятвы с обещаниями положили болт.

Сволочи-подлецы-негодяи! Злоба, только ждавшая повода, чтобы воспрянуть духом, пришлась как нельзя кстати. Я мельком взглянула на часы. До начала рабочего дня запас есть. Тигрик взвизгнул шинами, разворачиваясь.

— Алло! — хрипло отозвалась на мой призыв гарнитура, когда через полчаса я снова вернулась на курс, и названивала начальству.

— Я комбайн снегоуборочный везу, — вместо “здравствуй” объявила я. — Сейчас внутреннюю территорию как игрушку уберем.

— Молодец, — согласился Максим. — Сколько денег мы теперь должны?

— Натурой сочтемся, — пообещала я, внимательно следя за дорогой. — Это Сереги Балоева, у него дочь работу ищет, я обещала к нам устроить. Кстати, ты сегодня что, на базе ночевал? Ты в курсе, что нас с утра еще не чистили?

Молчание, тяжелое, как матерное слово, стало мне ответом. Нехорошее молчание, и я поторопилась его разбавить:

— Я договорилась, Серега грейдер выслал, счет через хозяйство

выставит. Но...

Добавлять что-то еще я не стала. Разумная осторожность — секрет профессионального успеха, а судя по молчанию в трубке, Максим Михалыч Елистратов, любимый мой начальник, курага моего сердца, инжир души моей, и так опасно близок к геноциду.

— И именно сегодня! — произнес Елистратов наконец, явно задушив все другие слова, что рвались наружу.

И я вспомнила.

Сегодня день Хэ.

Сегодня к нам приезжают столичные гости, которые рвутся в партнеры, и считают, что они тут уже практически хозяева.

Твою-раскую.

Спасибо вам, силы небесные, что я не пообещала Балоеву трудоустроить его дочь вот-пряма-щас. Только необученного администратора при важных гостях базе и не хватало!

Я пришпорила железного коня, и он радостно надал ходу.

Взгляд на часы. Уже восемь, уже можно и позвонить.

— Ада? Солнышко, как ты? Да, из машины звоню. Нет, через гарнитуру. Ад, ну что за детский сад, конечно через гарнитуру, я же обещала! Давай, рассказывай, как ты? Да что мелкие, их Мария Егоровна отведет, о мелких вообще не думай, это не твоя головная боль — и да, за головную боль мы еще отдельно разьясим. Мне пока что доктор волновать тебя запретил, а так мне есть, что сказать, ты не думай, дорогая! Да, я отдохнула перед работой. Нет, не вру. Ну что за глупости, не стану я детьми из-за такой ерунды клясться! Ада! Ты мне расскажешь, в конце концов, как у тебя дела?!

Забор из заостренных бревен, врытых вплотную. Высокий, бронзово-красный на стесах, а ниже потемневший от времени... (Вранье, от противопожарной антисептической влагостойкой пропитки он потемнел. Но сурово и стильно.).

Деревянные ворота бесшумно разошлись перед носом моей машины и так же тихо и внушительно закрылись за спиной. М — магия. (Опять вранье, охранник в будке, спрятанной за елями, в камеру разглядел номер авто и лицо водителя и открыл ворота с пульта).

Дежурная смена на въезде обменялась со мной приветственными кивками.

Я привычно и абсолютно автоматически, помимо участия мозга,

обшарила взглядом подъездную территорию. Ну, здесь порядок, молодцы.

И снова сосредоточилась на допросе Адки по телефону:

— Тебе всего хватает? В палате не холодно? Как соседи?.. Нет, ноутбук без разрешения доктора не привезу. Господи, да не думай ты про свой университет! Никуда он от тебя не денется! Я сегодня же позвоню... Ну, хорошо, хорошо, ты сама, как скажешь! Ты, главное, лечись, и ни о чем не беспокойся, ладно? Сейчас всё, кроме твоего здоровья, второстепенно... Господи, Адка, как ты меня напугала!

Я заглушила мотор и, хлопнув дверцей внедорожника, вышла из машины на стоянку, которую уже начали чистить, а от парковки между кустов уходила расчищенная дорожка к административному корпусу.

Ну, здравствуй, прекрасный новый день!

Прекрасный новый рабочий день.

Здесь, внутри территории, отгороженной от внешнего мира и дикого (бугага!) леса высоким забором, было хорошо. Правда, хорошо. Какой-то особой хорошостью.

Стилизованные под старину высокие терема, числом два — направо административный корпус, налево гостевой. За административным теремом — службы, бани, конюшня. За гостевым — домики под сдачу, уходящие вглубь территории: невысокие бревенчатые избушки. Крыши, почти упирающиеся в землю, покрыты теми же бревнами, расщепленными пополам (для этого же есть какое-то мудреное слово, которое я не помню, и слава богу, и так голова, как свалка). Конек каждой оседлал резной деревянный зверь. Официально, избушки пронумерованы. А на самом деле, гостю выдается брелок в форме фигурки, выпиленной на коньке, и на нем болтается ключ. В итоге, на стойке администратора они обычно говорят — “Мы в “сове” живем”. Или — “Девушка, мы из “медведя”, пришлите пожалуйста уборку”.

Я усмехнулась. Вдохнула свежий морозный воздух.

Тишина.

Хорошее имя Максим дал своему детищу. Я бы назвала такую базу “Княжий терем” или “Княжье подворье”, как-нибудь так. И это было бы хуже.

Запрокинула голову в небо, чувствуя, как холод щиплет лицо, и в голове проясняется наконец.

Первый глоток воздуха этого места всегда бальзамом ложился на душу и тело. Потом, в суете трудового будня, это ощущение, конечно, смазывалось, растворялось. Таяло в людях и работе. Но первый глоток всегда был только мой.

— Доброе утро, Еленвладимировна! — Сеня Нестеров деликатно дождался, пока я отомру, и только тогда подал голос.

Наш механик только с виду казался нелюдимым и диким. А в деликатность умел получше многих. Вот и сейчас не счел возможным прервать момент.

— Привет, Сень, — я протянула тигриные ключи.

Он за ними и подошел — перегнать в машину в гараж, возможно сплясать какой-нибудь шаманский танец вокруг.

— Кто-нибудь из дворников уже пришел?

— Угу, — он кивнул вечно нахохленный Нестеров. — Марат уже на территории, на обход пошел, а Леха только подъехал, еще в здании.

Неплохо. По случаю снегопада два дворника из трех приехали пораньше — это ценно.

— Сень, в Тигрике в багажнике комбайн снегоочистительный, как парни появятся — выдай, пожалуйста.

— Он на дизеле или на бензине?

— Не знаю.

— Заводится как?

— Понятия не имею.

— А инструкция где?

— Мне не дали.

— Я понял, Елена Владимировна, — буднично кинул Семен.

Ни тебе иронии. Ни тебе недовольства. задача уточнена и принята к исполнению.

Вздыхнув, я признала провал очередной попытки нащупать у Нестерова чувство юмора и нырнула в машину.

Сережа Балоев свою игрушку любил с тем же пылким трепетом, с каким я любила Тигрик, и к заводской инструкции приложил рукописные ценные указания. Акт приемки-передачи я из папки выдернула, а остальное отдала Семену:

— С возвратом!

— Угу, — и взъерошенная макушка ткнулась в документы, а я забрала сумку и пошла на рабочее место.

У самой живой изгороди оглянулась:

— Сень! А парковку кто чистил?

— Максим Михайлович сегодня на базе ночевал. Когда я приехал, он уже заканчивал.

Какая прелесть! Все же, я определенно в своей жизни сделала что-то очень хорошее, если бог ниспослал мне сначала Елистратова, потом Адку.

Такого начальника надо беречь и ценить.

Я вошла в небольшой уютный холл с ресепшеном, кивнула двум девушкам: одна за стойкой, вторая — перед.

— Доброе утро, Елена Владимировна!

— Доброе, девочки. — я притормозила у стойки. — Ну, что у нас за ночь?

— Пятнадцатый номер вчера досрочно освободился, а так все в порядке! — бодро отрапортовала Маша, сдающая.

И Рита, заступающий администратор, согласно кивнула:

— Смена на месте, начинаем пересменку?

— Начинайте. Я у себя.

И нырнув в неприметную дверь сбоку от стойки, я поднялась по лестнице на второй этаж. Здесь у нас — бухгалтерия, юрист и я, старший администратор. На третьем — кабинет директора, секретарь и комната отдыха.

Кабинет Цwirко был заперт — юрист еще не появился. Так, не забыть — когда появится, попросить провентилировать наш договор с городом касательно дороги к заповеднику.

Мой кабинет встретил застоявшимся теплом и и зимним утренним сумраком. Привычный утренний ритуал: включить свет — запустить компьютер — открыть окно. Всё, можно садиться за стол и начинать работать: пока я возилась с заедающей рамой, умная машина как раз загрузилась и развернула на рабочие программы.

— Елена Владимировна, кофе будете? — в кабинет заглянула ночная горничная, Лада Мазукина.

Лада Мазукина — это протезе Елистратова и наша большая удача. Она живет в Лабазном, это полчаса пешим ходом до Тишины, выходит на смену, когда у нас полная загрузка, или когда нужна подмена, или еще при десятке разных обстоятельств. И берет себе все ночные смены, какие удастся забрать.

А когда год назад Максим привел Ладку за плечо, и сказал, что теперь это наша горничная на подмену, никто не верил, что он всерьез. На вид ей было лет шестнадцать, по паспорту — девятнадцать, оба ее родителя пили по-черному, а Ладка хотела учиться и отчаянно нуждалась в деньгах.

Мы все ждали, когда Елистратовская благотворительность окончится провалом. Она закончилась тем, что щуплая горничная забрала себе треть от всех ночных дежурств.

Со стороны может показаться, что наши ночные дежурства — это когда одна из трех горничных остается ночевать на базе, и ей платят за здоровый сон, и странно, что вообще кто-то из девочек вообще уступает такую халяву. Но тут важно помнить, что наш крепкий ночной сон чередуется с такой феерической хтонью, которую, порой, и на голову не натянешь, и на которую еще нужно уметь отреагировать. Даже приличным людям иногда алкоголь, временная свобода от привычной обстановки и ночная пора иногда заносит в голову неистовую дурь.

Когда за ночную горничную остается Лада, я еду домой со спокойной душой.

Я бегло улыбнулась ей из-за монитора и согласилась на кофе.

Проверила, какие у нас изменения за ночь с бронированиями на сайте.

Подавила желание позвонить Марии Егоровне.

Выпила кофе.

Подавила желание позвонить Марии Егоровне.

Разобрала почту на спам и рабочие письма. На рабочие — ответила.

Положила на место телефон, на котором уже почти набрала номер соседки.

Прочитала мантру “Лена, держи себя в руках!”.

Приняла у сдающего администратора отчет и кассу за сутки.

Дальше стало легче: после пересменки и сведения финансовой отчетности отвлекаться на посторонние мысли было уже некогда, старшие служб подходили по очереди, каждый к своему времени, и эта ежедневная процедура поглощала полностью. Кухня, садовник, техник, лесовед...

Десять утра! Всё, можно звонить!

— Мария Егоровна, доброе утро! Как вы?

Семь минут разговора — и меня ненадолго отпускает. Мелкие

хорошо позавтракали, хотя и покапризничали немного. В садик добрались без приключений, воспитателю сдались с рук на руки, и вообще, “Леночка, ну не волнуйтесь вы так, всё будет хорошо!”

Хорошо бы, конечно!

Поговорить с Цвирко по поводу договора с дорожниками — галочка.

Спуститься на кухню, пробежаться с инспекцией и снять пробу с утвержденного меню — сделано.

Проконтролировать уборку номеров в “тереме” — есть.

Передний двор и службы от снега уже расчистили, и теперь комбайн гудел откуда-то из глубины территории, от избушек. Сходить, спросить, что ли, о впечатлениях? Я бросила взгляд на часы: без десяти одиннадцать.

Нет, после планерки схожу. Опаздывать к директору у нас не принято.

— Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие, — зашел с классики образованный шеф и, переждав наши вежливые улыбки, продолжил: — Но сперва — текущие вопросы. Маргарита Анатольевна, начинайте.

Бухгалтер качнула внушительным бюстом и озвучила. Из ее звуков выходило, что какие-то деньги у нас есть, и, вполне возможно, зарплату в этом месяце мы все получим, но если Елена Владимировна не прекратит плодить расходы — то возможно, что и нет.

Вообще-то, “Тишина” давно и стабильно работает в плюсе. Но у Маргариты Анатольевны есть тайная бухгалтерская суперспособность: сообщать об этом с таким пессимистичным надрывом, что невольно начинаешь ждать немедленного разорения, а там и долговая яма недалеко.

Поэтому Елена Владимировна, с одной стороны, привычно сделала внимающее и готовое к диалогу лицо, а с другой — вывод, что счёт за грейдер Белоев уже выставил, и хотела уже рассказать миру, какая она умница и как спасла сегодня утром ситуацию, но Цвирко, поганец, успел выслужиться раньше:

— Я дорожникам позвонил, выяснилось, что наш договор они в глаза не видели, и деньги тоже осели, не доходя до них, а чистили они нас всю зиму по устному распоряжению сверху и скрипя зубами, — бодро вступила лысеющая сволочь. — Но вчера-сегодня у них завал,

жилые районы чистить не успевают, поэтому на устные распоряжения...

Цвирко быстро взглянул на нас с главбухом и подобрал приличное выражение:

— Не осталось ресурсов. Договор на почту я им отправил, о санкциях за нецелевой расход благотворительных средств предупредил.

Ай, молодец какой! Благодетель! Что б мы без тебя делали!

Ну и ладно. Ну и успел первым отчитаться... Ну... Ну. не очень-то и хотелось!

— Елена Владимировна, что по вашей части?

— По нашей части, Максим Михайлович, всё как всегда, полный порядок, — с некоторым профессиональным снобизмом отчиталась я.

Мол, не то что у дорогого Артема Денисовича, у которого договора не исполняются! У меня-то всё как часы!

У Цвирко еле заметно дернулась щека. Шпилька прошла, и я почувствовала себя отмщенной.

— Из восьмидесяти номеров заняты семь, в том числе четыре избушки. Сегодня освободятся три номера, после двух часов дня ждем заселения еще в два...

Текущие дела закрыли быстро, и Максим дал отмашку:

— Что у нас с подготовкой к гостям?

Гости, любые, хоть прибыль несущие, хоть убыток — это епархия старшего администратора, и я с готовностью отозвалась:

— Номерной фонд подготовили на выбор, кухня готова — кстати, у них там кто-то из четверых вегетарианец, имейте в виду. Администраторы предупреждены, что малый конференц-зал до конца визита держим свободным. Культурную программу с Новицким обсудили, он молодец, всё грамотно продумал и очень в нашем духе. С заповедником договорились. В смету предварительно уложились.

Маргарита Анатольевна благосклонно кивнула, принимая мой реверанс к сведению.

— К двум часам готовы принимать! — закруглила я всё вышесказанное.

На этом мое официальное участие в совещании по большому счету было логически исчерпано.

Строго говоря, мне на нем больше в принципе делать особо нечего было: старший администратор фигура, конечно, в нашем бизнесе

важная, в многих отношениях вообще — ключевая, но... Старший администратор рулит здесь и сейчас, и немножко на завтра, и здесь я сильна и хороша. В долгосрочные планы и стратегии развития я не умею.

— Все свободны, — закончил Елистратов совещание, когда все ключевые моменты были оговорены.

За двинулись стулья, Цвирко что-то спросил у Завгородней, а я прикинула, что надо бы сейчас пробежать по гостевым домикам, и расспросить все же парней по поводу комбайна.

— Елена Владимировна, задержитесь.

Главбух с юристом вышли, обсуждая свой вопрос, а я присела обратно на стул, вопросительно взглянув на любимого начальника.

— Лен, что случилось?

— Адка в больницу загрела, — мрачно призналась я.

Задаваться вопросами “откуда узнал?” да “как заметил?” я перестала уже давно. Хотя гарантию могла бы дать, что веду себя как обычно, и по внешнему виду о моих неприятностях не прочитаешь.

Максим подтолкнул меня нетерпеливым взглядом — “не телись, рассказывай!”. Я поморщилась, и рассказала. Во-первых, моя семья — моя персональная ответственность, конечно, но Максим сильнее, умнее и дальновиднее. Если я что-то упустила — он заметит. Во-вторых, наши с ним отношения далеко выходили за рамки рабочих.

Не дружеские, а, скорее, очень близко к партнерским.

Максим внешне открыт, а на деле нелюдим и замкнут.

Из всего своего окружения безусловно доверял он только мне.

А я за него пошла бы и в огонь, и в воду, и ползком по канализационным трубам. Ни секунды не сомневаясь, что потом Макс придет и зверски накажет всех, кто загнал бедную маленькую меня в такие экстремальные условия.

По необъяснимым причинам, у нас с Елистратовым была мгновенная и обоюдная эмпатия. Сексом тут и не пахло, максимум — я могла словить эстетическое любование этой небритой рожей, когда владелец удосуживался ее побрить (вот как сегодня). Светловолосый, светлоглазый, здоровенный — красавец же! Богатырь! Просто... ну, иногда я считала Макса за еще одного своего ребенка. Иногда такое случается — ребенок под два метра ростом одного возраста с мамочкой. Чудеса природы!

И Артем Цвирко, формально стоящий вровень со мной иерархически, может хоть из шкуры выпрыгнуть, пытаюсь оттереть меня от начальника, но единственное, что сумеет — утереться.

А того, кто расскажет Максиму про моду на бороды, я лично зарублю топором.

Макс, выслушав мой рассказ, зыркнул на меня исподлобья:

— Помощь нужна?

Я почесала бровь:

— Пока нет. Но если припрет, не сомневайся, обращусь.

Елистратов кивнул задумчиво, а я прикусила язык, чтобы не задать в очередной раз сакраментальный вопрос: ну, ка-а-ак?! Как ты определяешь, что с кем-то что-то не так?

Среди моих знакомых так могли уметь двое, Макс и Адка. И если моя коза и сама не знала, как у нее это выходит, то с Елистратова, я самым дорогим чуяла, можно поиметь внятную методику. Но увы, дорогой начальник вёл себя жлобски, на вопросы морщился, утверждал, что я несу глупости и ценное умение распространять среди последователей отказывался. А жаль. Очень бы мне пригодился такой навык! Особенно с некоторыми упрямыми козами.

— У тебя еще что-нибудь есть? — мне после обсуждения веселой ночи полегчало, и я вспомнила, что у меня здесь еще и работа есть, и ее нужно работать. Удивительное дело! — Тогда я пойду.

— Подожди, — попросил Макс и отчетливо помрачнел.

— Чего? — оживилась я, потому как по мрачной физии уже догадывалась “чего”.

— Галстук мне сейчас завяжешь, — угрюмо, совсем не разделяя моего веселья, попросил шеф и ушел переодеваться, а я развеселилась уже окончательно.

Мой начальник, наделенный всеми и всяческими достоинствами исключительно щедро, в одежде предпочитал джинсы-свитера и невыносимо страдал, когда обстоятельства вынуждали его втискиваться в костюмы. Такие, как сегодня, например...

Мрачная физия — это вам не гидрометцентр, исключительно точно в прогнозах!

Глава 2

Они появились пунктуально, к двум часам дня, тремя машинами. Красиво, синхронно остановились, одновременно открыли двери черных “бэx”, сверкающе-блестящих сверху, но уже успевших животами собрать пробы грязного снега со всех окрестных дорог. Вышли так слаженно, будто долго репетировали перед этим. Мне раньше казалось, что такое только в фильмах бывает, даже в голове на заднем фоне заиграло что-то вроде “имперского марша”...

Я бы соврала, если бы сказала, что сразу его узнала.

Нет, когда делегация вышла из машин и, построившись клином, то бишь, свиньей, направилась к нам, стоящим на крыльце (как будто с хлебом-солью, но без), у меня в голове и мыслей подобных не мелькнуло, я только отметила — красиво!

Четверо: трое мужчин и дама. Один из мужчин впереди, остальные за ним в ряд. Очень породистые, холеные, это видно даже на расстоянии было, только один подкачал, уродился плюгавым задохликом, но его предусмотрительно затерли в середину. Наверное, чтобы не смазывал эффект.

Когда мы принялись радостно жать друг другу руки (на деле корчить сдержанно-приветливые рожи и стараться не ломать пальцы), я зацепилась за знакомую синеву глаз.

Но вздрогнула и прозрела только когда в мешанине имен прозвучало "Мирослав Радомилович".

Удар молнии. Пропасть разверзшаяся под ногами. Рояль рухнувший с девятого этажа прямо на голову. Здоровенный такой роялище...

Кто выключил воздух? Включите немедленно! Женщине дурно!

От сдержанно-крепкого рукопожатия теперь горела ладонь. Я старалась не глазеть на него, но все равно глазела.

Бритый череп сменила стильная стрижка, нарочито небрежная, как сейчас модно. Густые пепельно-русые волосы. Серьги не было, хотя, если приглядываться, было видно, что след от нее окончательно так и не зарос. Мужское пальто, ладно сидящее на красивой фигуре, которую

тогдашняя бесформенная толстовка с черепом скрывала.

“Боженька, за что?!” — мысленно взвыла я, улыбнулась, задействовав самое страшное оружие в своем арсенале — ямочки на щечках и искреннее дружелюбие, и пригласила дорогих гостей следовать за мной, раз уж прямо сейчас провалиться, откуда явились, они не могут.

Панические мысли вырывались за пределы головы и носились по всем организму, вызывая то слабость в ногах, то дрожь в коленях, то еще какую блажь. Очень, знаете ли, непросто призвать к порядку нервы, когда ты смотришь на мужчину и получаешь исчерпывающую информацию о том, как будут выглядеть через тридцать лет твои сыновья!

Отлично они будут выглядеть. Офигенно! Не забывайте, мама, налегать на спортивные секции, и невест сможете солить пачками!

Не спрашивайте, зачем мне пачки соленых невест.

Не удержавшись, я стрельнула оценивающим взглядом в даму: короткая стрижка, тонкие черты, умное, волевое лицо. Пепельно-русые волосы и синие глаза.

Я отвела взгляд. Мысленно пнула саму себя и включилась в работу.

За стойкой администратора Рита Викентьева заселяла гостей:

— Ваш паспорт, пожалуйста.

Даму, того из гостей, что шел первым и плюгавого заселили штатно — условия проживания я лично согласовала заранее с кем-то из помощников, и номера были подобраны в полном соответствии с запросами. А вот с Мирославом Радомиловичем возникли трения.

Мирослав, чтоб его, Радомилович, дождавшись пока его оформят и получив обратно паспорт, вдруг объявил:

— Знаете, я бы, наверное, все же хотел отдельный домик.

И улыбнулся. У Риты, кажется, на миг приостановилась мозговая деятельность.

— Но... — Она на секунду смешалась, потому как получила от меня четкие однозначные инструкции, кого и куда, но быстро взяла себя в руки. — Да, конечно! Какую избушку желаете: с подъездом, без?

— А у вас есть номерной фонд без подъезда? — вальяжно поинтересовался уже заселенный Всеслав Всеволодович, тот, который шел от машин первым, и мы с Ритой дружно оглянулись туда, где на стене висела шикарная внутренняя вывеска: на мшисто-зеленом поле

надпись из светлого дерева “База отдыха “Тишина”

Администратор тепло улыбнулась гостю и пояснила:

— Две трети избушек находятся в глубине территории и автомобильного доступа не имеют.

А я с удовольствием отметила, что держится Викентьева отлично, приятно посмотреть, и работает уверенно.

— Знаете что? Мне, пожалуй, тоже отдельный домик. С подъездом, — заявил Всеслав Всеволодович, выкладывая на дубовую стойку администратора выданный ранее ключ, и Рита послала ему улыбку “одну-минуту-я-закончу-обслуживать-предыдущего-клиента-и-решу-ваш-вопрос”.

— А мне — без, — снова улыбнулся бедной Викентьевой Мирослав... Радомилович.

Сволочь! Ей же еще работать!

Но хвалила я Риту не зря — кремень, а не девица! Собралась с силами и разместила капризных гостей.

— Ваша избушка двадцать четвертая, — ответно улыбнулась она, выкладывая на стойку брелок с силуэтом бычьей головы.

— Ваша избушка седьмая, — и переменчивому Всеславу Всеволодовичу вручили брелок с волком.

— Я провожу вас, — вмешалась я, не давая подчиненной начать выяснения, подождут ли они горничную или найдут нужные избушки сами. — Прошу вас, идите за мной.

Развернулась и повела.

Традиция-с. Дорогих гостей старший администратор изволит выгуливает лично-с.

Но никогда еще сие действие не было столь щедро приправлено ощущением сюра.

Впереди шествовала я: пуховик на плечах, как плащ супергероя, и волосы назад (собраны в классическую “ракушку”, на самом деле, но могу же я чуть преувеличить?). К губам прилипла улыбка, в глазах — легкая безуминка (а вот тут никаких преувеличений), рот не закрывается — в режиме гида Колобкова незатыкуема! Общий вид, как у героя, собравшегося на подвиг: “Куда ты завел нас, не видно не зги!”

У Мирослава и Всеслава фамилия общая — Азор. Интересно, она польская?

— База отдыха построена в традициях славянского зодчества

шестнадцатого-семнадцатого веков, не из высоких соображений, а исключительно для красоты. А это, обратите внимание, медвежий орех, ему уже больше ста двадцати лет, у него есть паспорт, и он внесен в “Красную книгу”. На территории базы два таких дерева, и за причинение вреда любому из них законом предусмотрена ответственность, и это в лучшем случае, потому что основной контингент наших гостей — люди, приехавшие в заповедник “Соловьиные Родники”. Люди, любящие и ценящие природу. Если они доберутся до нарушителя раньше закона...

Я многозначительно замолчала, скосив взгляд на своих спутников.

Всеслав Всеволодович шел по мощеной камнем дорожке, которую дворники успели отчистить от снега, и с любопытством вертел головой. Мирослав Радомилович был более сдержан в проявлении интереса, но тоже осматривался. Как приценивался. Когда этот оценивающий взгляд остановился на мне, я только чудом выдержала его, не отвернулась, а, как будто бы даже обрадовавшись вниманию, махнула рукой за пушистые елки и продолжила экскурсионный треп.

Когда Максим, много лет назад, получив в наследство здоровенный кус земли рядом с заповедником, закладывал базу отдыха, он не сэкономил место, потому что его здесь было действительно много. А еще он постарался быть максимально бережным к родительскому наследию.

Поэтому в “Тишине” нет заборов, кроме внешнего грозного частокола. Уединенность между избышками создают живые деревья — частью оставшиеся со времен Елистратовых-старших, частью посаженные уже позже, Максимом.

Осматривайся, сколько хочешь, кроме зеленых лап и шершавых стволов, ничего особо не вымотришь.

— Ваша избышка, Всеслав Всеволодович! — я эффектно развернулась и повела рукой в сторону седьмого домика, с таким видом, будто вот только вчера лично его весь день строгала, вместе с резной волчьей головой на коньке и деревянным кружевом, и теперь жажду предъявить широкой общественности.

А общественность, кстати, не такая уж и широкая. В плечах так уж всяко поуже Мирослава, тудить его в качель, Радомиловича.

Интересно, кем они друг другу приходятся. Всеслав явно моложе, но не то чтоб намного — не сын (на что, кстати, ненавязчиво намекает отчество “Всеволодович”). Во всех предварительных переговорах

звучало только его имя, услышь я хоть раз “Мирослав” — однозначно, зацепилась бы, но нет, ни разу же. И при “боевом построении” в момент прибытия Всеслав шел первым. И при заселении вперед пропустил только даму, Ольгу Радомиловну Шильцеву, которая хоть и другой фамилии, но явно той же породы. А вот ее плюгавого спутника и своего старшего родственника — ни-ни. И когда речь зашла об отдельном домике вместо номера, младший тоже постарался быть первым.

Что характерно, Мирослав на все это реагировал никак от слова вообще: спокойненько пер себе последним, улыбался персоналу так, что аж в обморок бедных девушек ронял, и даже бровь не дрогнула ни разу выражая недовольство..

Что это может значить? Что это нам дает? И, самое главное, что с этим делать?

Ну, с последним вопросом всё понятно — в клювике Максиму отнести. А там уж он и с первыми двумя разберется.

Я еще раз улыбнулась дорогому гостю, прибывшему в наши е... глухомани аж из самой столицы. Ударно улыбнулась: чтоб ресницы, ямочки, лучики в уголках глаз, и чтоб грудь непременно взволновалась, пусть и прикрытая пуховиком.

Чем отвратительней настроение, тем ослепительней улыбка.

Развернулась ко второму:

— Мирослав Радомилович, нам нужно пройти немного дальше.

Узнал? Не узнал? Узнал? Не узнал?..

С одной стороны, улыбается. С другой стороны, он и Рите на ресепшене ничуть не хуже улыбался. С третьей стороны, я-то его почти моментально узнала. С четвертой — у меня последние три года перед глазами было очень устойчивое напоминание.

В животе похолодело. Неприятненько так. Моих драгоценных отпрысков на базе знала каждая белка (и мудро держалась на расстоянии). Да, детские круглые щеки и вздернутые пока носы сходство скрадывали, но все же оно было настолько очевидным...

Не паникуй, Лена. Рано паниковать!

Во-первых, это тебе очевидно, ты мать и в общем-то единственная здесь, кто отца этих детей в глаза видел (пусть и недолго, и большей частью, кхм... ладно!). Во-вторых, а даже если и сопоставят, чай не в дремучее время живем, имею право! Лишь бы только молчали...

Я свернула направо и повела источник своего беспокойства вглубь

территории.

Развилка, другая — и вот она, двадцать четвертая избушка, “бык”. Одна из моих любимых кстати: именно здесь мы предпочитали останавливаться, когда случалось привезти на отдых Аду и мелких.

Небольшой взгорок, густо заросший лесом, перед крыльцом расчищено что-то вроде дворика, с которого улизнуть можно только в одном направлении, по каменной тропинке, а в другие стороны — не пустит колючая ежевика. Достаточно перекрыть этот канал, и можно не опасаться утекания колобчат от мамы с Адой.

— Вот ваш домик, Мирослав Радомилович, — для наглядности я указала рукой, что действительно, вот. — Обратите внимание на ограждение вон там, справа от тропинки — это второе краснокнижное дерево, живущее на территории нашей базы отдыха, будьте с ним любезны, оно было здесь гораздо раньше нас. К семи часам подадут ужин, но до этого в четыре у нас запланировано катание на санях. Сбор в гостевом тереме, дорогу можно найти по указателям, будьте внимательны, не заблудитесь...

Чем больше я вещала, тем шире становилась улыбка Мирослава, вдоль его и поперек, Радомиловича. И в конце концов он просто подхватил мою руку и поцеловал — каким-то совершенно естественным, рыцарским движением.

По-моему, аристократически вздернутая бровь в ответ на этот жест мне на редкость удалась.

— Спасибо за заботу, Елена Владимировна!

— Это моя работа, Мирослав Радомилович, — благосклонно отозвалась я с самым великосветским видом, мысленно всё ещё переживая сладкие молнии, разбежавшиеся от его губ.

Да чтоб тебя! Это вот как прикажете понимать!

И как мне теперь идти вот этими ногами, ты, Мирослав Радомилович, подумал?! Они же ватные!

Ладно, Ленка, давай, попробуй дедовским способом!

Левой! Правой!

Я плавно развернулась, надеясь величественно уплыть (скорее, скорее к себе в кабинет, там можно будет запереться и по стенам побегать!), когда столичный упырь меня окликнул:

— Елена Владимировна!

Еще раз спасибо тебе, боженька, что дал человечеству вздернутую

бровь — вместо тысячи слов.

— Вы ведь что-то хотели у меня спросить?

Я? Хотела?! Ну да если предлагают — отчего бы не спросить!

— Как сокращается в быту имя “Всеслав”? — разрешила я себе пустое любопытство.

Мужчина запрокинул голову и неожиданно легко рассмеялся:

— Да Славик он! Только он этого обращения не любит. А вот меня можно звать просто — Мир!

Да иди ты! “Просто Мир”! Благодарствую, я уже один раз “попростомирилась” — три года нянчу!

Не снисходя до ответного разрешения обращаться только по имени, я улыбнулась ласково, как могла:

— Не опаздывайте на прогулку, Мирослав Радомилович! Я уверена, вам понравится!

“Просто Мир”! Нет, вы подумайте — “просто Мир!”

Он что, меня кадрит?!

Ни стыда, ни совести! Сволочь какая! Мать своих детей! Использовать в конкурентных игрищах!

Да как так можно вообще?!

Настроение, весьма паршивое с утра, абсолютно необъяснимо улучшилось.

И хоть я ничуть не сомневалась, что все эти реверансы в мой адрес, как и в адрес мужественной Ритки, исключительно из профессиональных интересов, было ничуть не обидно, а вовсе даже смешно. Во-первых — это бизнес, детка, здесь всё используют в соответствии с ситуацией. А во-вторых, Мирослав свет Радомилович — теперь я была уверена — даже не представляет, какая у нас с ним ситуация!

Отойдя от бычьей избушки на достаточное расстояние, я достала из кармана пуховика рацию.

— Рита?

— Да, Елена Владимировна?

— Собери смену, пожалуйста, я минут через семь подойду.

— Хорошо, Елена Владимировна.

А я ведь его искала тогда, почти четыре года назад. Ну, как — “искала”... Пыталась искать! Не хочу вспоминать лицо детектива, которому я смогла сообщить унижительно скудный арсенал примет

мужика, которого хотела бы найти. Но я была молода, наивна, и считала, что ребенка делают двое, так что второй участник сего действия имеет право, как минимум, знать о своем отцовстве. Правда, поиски продлились недолго: первое УЗИ показало многоплодную беременность, и я люто пожалела о выброшенной на детектива сумме. Двойня пробивала широкую брешь в моем бюджете, и в изменившейся ситуации мне стало не до чьих-то абстрактных прав. Нужно было шустро соображать, как удержаться на плаву.

Некоторое время я пыталась найти выход и справиться со всем самостоятельно, а потом махнула рукой и пошла просить о помощи тогдашнего моего начальника, мирового мужика. Выложила ему все, как на духу... Он сказал, что зарплату мне повысить не может, но обещал подумать, чем помочь. И подумал. Где-то, во глубине Сибирских руд (вернее, среднеполосных лесов) был у него приятель, который что-то ему когда-то задолжал. И вот в счет погашения морального долга, мог попросить мой тогдашний начальник своего приятеля взять к себе на работу беременного администратора. Перейти предлагалось на такую же зарплату, но в насквозь провинциальном Черноречке матери-одиночке с двумя детьми на нее реально было выжить. Это вам не столица. К тому же чистый воздух, отсутствие пробок, заповедник под боком...

Растить детей в заповеднике показалось мне отличной идеей.

До сих пор считаю это свое решение неоспоримым доказательством моей гениальности. Мне после переезда сюда даже дышаться стало легче, и я весь остаток беременности пропорхала по окрестным лесам пухлым отожравшимся мотыльком.

В комнату отдыха на втором этаже, которую мы приспособили для проведения рабочих собраний, я подошла даже чуть раньше, чем через семь минут, но горничные вместе с администратором уже были на месте.

— Значит так, горлицы мои сизокрылые, — я обвела девушек взглядом, собирая внимание. — У нас в “Тишине” остановились важные гости из столицы. Напоминаю, что шуры-муры с клиентами у нас строго запрещены. Разговоры — на рабочие темы, информацию о базе предоставлять строго в официальных рамках. Начнете строить глазки — пеняйте на себя!

Этот инструктаж я проводила достаточно регулярно, но в свете

столь эффектного появления Азоров, решила, что не лишним будет повторить. А потом, освежив в памяти сотрудниц еще некоторые рабочие требования, я отбыла: нужно было еще найти Максима.

— Хорошо ей говорить, у нее Елистратов есть! — внезапно услышала я из-за неплотно закрытой двери, и чуть не застонала: девушки, если уж вы обсуждаете начальство, то хоть убедитесь, что оно достаточно далеко ушло!

Но не застонала, а вовсе даже наоборот, дыхание затаила и приготовилась подслушивать без зазрений совести.

— Думаешь, Максим Михайлович с ней спит?! — изумился кто-то.

Разобрать приглушенные голоса не удавалось, но это явно новенькая спросила: байке сто лет в обед, старожилы в теме.

— Ну а чего она, по-твоему, здесь царицей ходит?

Вообще-то, сплетни у нас не приветствуются, но этот слух Макс самым жестоким образом пресекать запретил (сделал бровки домиком и сказал: "Лена, твою мать!"). Потому что чем больше горничных поверит в меня, тем меньше пристанет к нему.

Иногда какая-нибудь отчаянная из новеньких решает, что влегкую "подвинет старушку", и тогда мы с Елистратовым на спичках разыгрываем, кто будет её увольнять, потому что каждому хочется плюс в свою репутацию: мне — всевластной Владычицы Морской, ему — прочно занятого мужика. Цвирко, держащий эти самые спички, считает, что мы придурки, но его никто не спрашивает.

— Я не знаю, кто с кем спит, свечку не держала, — мрачно вмешалась Рита, — но у меня знакомая работала в "Щедрой поляне". У них там тоже... приехали к ним клиенты, веселые и при деньгах, чаевые щедрые давали, с персоналом трепались обо всякой ерунде... Ну, эти дуры и рады стараться, языки развесили. Клиенты погостили, и уехали, а через пару месяцев мою знакомую уволили по статье, да с таким волчьим билетом, что ее на работу потом брать не хотели — парни эти из органов были, и под разговоры ни о чем, из нее всякого такого выудили, что владелец "Поляны" на взятках чуть не разорился. Так что я вас прямо предупреждаю: я работы лишиться не хочу. Если что замечу — сразу пишите по собственному, не дожидаясь, пока пинком попрут! Всё, всем работать!

Я хмыкнула, и быстренько свинтила в известном направлении — к Елистратовскому кабинету. Доложить, что я бдую, и вообще, поделиться

наблюдениями.

— Лена! — выдохнула Адка в трубку вместо “алло”. — Ну что, как там твой визит?

— Визит не мой, а Елистратовский, — легкомысленно отмахнулась я, немного переживая, правильно ли угадала с дозой легкомыслия. С Адкой очень важно не пережать. — Пока все штатно, поселили. Сейчас развлечем, покормим... Они, правда, сразу работать хотели, но у нас так дела не делаются!

Перед катанием у меня выдалось всего минут пятнадцать свободного времени, и употребить его следовало с толком. Я и употребляла.

Адка хихикнула в трубку:

— А я всё хотела тебе позвонить и боялась, что помешаю! — призналась она. — А за мелких ты не волнуйся, я бабушке Маше уже звонила, утром они без капризов собрались, вещи она все нашла, такси решили не брать, пешком прогулялись, и прекрасно дошли, бабушка Маша говорит, по дороге считалочку про котенка выучили...

Я с трудом подавила стон.

Бедная, бедная Мария Егоровна! Как она нас всех, с нашей повышенной тревожностью и манией контроля, переносит?

Молока надо будет ей за вредность купить, вот что.

Птичьего.

— Ад, я тебя умоляю, не волнуйся ты и не проедай плешь Марии Егоровне! Если ей будет что-то от нас нужно, она сама нам позвонит! Ты с университетом связалась?

— Угу, в секретариате сказали, когда выпишут, справку обязательно принести, а пока — болеть спокойно.

— Как ты себя чувствуешь? — я проглотила комментарий на тему доброты секретаря, пожелавшей “болеть” а не “поправляться”.

— Нормально, — судя по звуку, Адка зевнула, не разжимая челюстей. — Только спать всё время хочется.

— Ну и спи, раз хочется, — одобрила я. — Вечером заеду. Привезти чего-нибудь вкусенького?

— Ой, не надо, лучше домой едь, а то мелкие скучают! А мне ни...

— Ада.

— Воды мне купи и фруктов каких-нибудь. Только сладостей не

вези, а то я разожрусь!

— Хорошо! Я пойду, Ад, работа. Но если будет что-то важное — звони!

Я нажала отбой и улыбнулась. Беспокойство, все еще сжимавшее сердце острыми ноготками, начало потихоньку отпускать.

В сани, принадлежащие “Тишине”, вмещалось шесть человек. Однажды в них каким-то образом вместились почти два десятка студентов, и с тех пор студентов признавать людьми я категорически отказываюсь.

Сегодня в сани вместились: я, великая и прекрасная (молчать! Метр пятьдесят пять — это прекрасно! И, хм, велИко...), Всеслав Всеволодович Азор, официальный представитель фирмы холдинга “Азоринвест”, Ольга Радомиловна Шильцева, его правая рука, Геннадий Витальевич Орел, личный помощник правой руки официального представителя, и Мирослав Радомилович Азор, очевидно, левая рука одного официального представителя.

Шестым был Максим, и счастливым он от этого не выглядел, потому что, ну, костюм же снять так и не удалось!

Счастливыми здесь вообще выглядели только я, потому что и сани люблю, и лошадей люблю, и план прогулки сама составляла, да Филлипыч, сидящий на козлах. Этот — в силу подлости характера.

Про Игоря Филлиповича Новицкого у нас на базе говорили просто: по профессии егерь-лесовед, по должности инструктор-аниматор, по призванию сволочь.

Столичные гости не хотели кататься, они хотели работать, и переговоры пытались начать чуть ли не с порога, вместо заселения. Мы не то чтобы работать не хотели — мы не хотели работать с ними. Поэтому переговоров сегодня не было и не предвиделось, а прогулка — вот она!

Орловские рысаки перебирали ногами, трясли головами и звенели сбруей: прогулке они были рады, а потому явно примкнули к нашей с Филлипычем партии. Впятером мы имели очевидное преимущество над недовольными, если и не в численности, так в массе.

Мое место впереди, и ехать придется вперед спиной, но я и так люблю. Рядом садится Орел, что логично, а третьим на неудобное место вместо Макса, по долгу хозяина, самовольно садится Мирослав, и у

меня внутри всё почему-то обдаёт жидким огнем. Это от его парфюма, не иначе. Люблю я вкусные мужские парфюмы, что поделать.

Ну, ничего. Только тронемся — запах сразу выветрится!

Игорь оглянулся. Убедился, что все в санях, все сидят. Шевельнул вожжами — и тройка серых в яблоках мягко взяла с места, уверенно направившись напрямиком в забор.

Конные ворота плавно и величественно разошлись в стороны.

Эх, жаль, лошадей заранее сегодня не разогрели — тогда можно было бы и резвее тронуться. Обычно приближающийся частокол без признаков проема западает катающимся в душу!

Заснеженный проселок, сосны, синее небо и летящая тройка — что может быть лучше?

Разве что, всё то же самое, но молча. Но увы, на этой прогулке я снова экскурсовод, а переорать свист ветра — это не абы какие связки надо иметь.

Сани мчатся, щелкает над конскими спинами хлыст и ощущение полета всё ярче.

“Посмотрите направо, те деревья — это граница заповедника “Соловьиные Родники”, в который мы и направляемся, посмотрите налево, а вот этот лес совсем молодой, его своими руками высаживала лично я”...

Щелчок кнута, и сани с небольшого обрывчика вылетают прямо на лёд.

Я держусь, даму милосердный Максим своевременно придерживает за талию, остальные звонко клацают челюстями.

“А сейчас мы едем по реке Елань, тут у нас в прошлом году грузовик газовой службы под лёд ушёл!”

Что поделаешь, событий в провинции мало, и я злорадно делюсь тем, что имеется.

Филиппыч залихватски свистит — и кони совсем уж пластаются в беге, гудит под копытами звонкий лёд, замирает от восторга душа.

...только вот аромат парфюма отказывается выветриваться.

В заповеднике гости из саней вываливаются с такими лицами, будто уже не чаяли, что это случится. Игорь отправляется вываживать коней, приезжие торопятся отойти от саней подальше (никак опасаются, что в следующий раз лёд может оказаться не таким прочным) и попадают в радостно потираемые руки сотрудников “Родников” (где

столичные гости — там благотворительные взносы), а меня аккуратно придерживает за локоток Максим:

— Лен, это обязательно было, про грузовик рассказывать?

— Да ты что! Я же их только ради этого на речку и потащила!

Жаль только, что мое торжество быстро смазал один из работников заповедника, у которого Ольга Радомиловна не постеснялась тревожный факт уточнить.

— Какой грузовик? А-а-а, так если вы то место хотели посмотреть, это вам с другой стороны заезжать надо было — возле Осиповки стремнина, лед промывает... А вы от Лабазного приехали, там отмель, Елань чуть ли не до дна промерзает!

Мирослав, оглянувшийся, чтобы посмотреть с укором, получил в ответ только мою широченную улыбку.

— А на обратной дороге я покажу вам то место, где видели медведя-шатуна! — жизнерадостно познакомила я гостей с продолжением программы, выбрав момент, когда сотрудников заповедника рядом не было.

А то ведь с этих кайфоломщиков станется объяснить, что шатун — событие сомнительной свежести и случилось еще до меня.

А после моего прибытия — ни-ни, ни одного шатуна.

Злые языки улавливают между этими явлениями некую связь, но обращать внимание на подобные слухи — ниже моего достоинства.

— Ле-е-ена, — еле слышно застонал рядом Елистратов. — Не надо шатуна! До туда же крюк здоровенный, пожалей лошадок!

— Да ничего, им не во вред, они здорово застоялись в последнее время! — Филлипыч возник рядом, довольно щурясь.

Начальник мрачно посмотрел на меня. На него. Безошибочно констатировал сговор. И попросил:

— Меня. Меня пожалейте. Как людей прошу!

На минутку я потеряла контроль над совестью и испытала угрызения, но могучим волевым усилием пресекла эту несанкционированную активность.

Вот сейчас я гостям шатуна не покажу, а завтра они страх потеряют, да?

— Лена!

Я скосила глаза на Елистратова и неохотно уступила:

— Ну, ла-а-адно...

Филлипыч за плечом раздосадованно хмыкнул, а начальник отправился исполнять долг гостеприимства.

Кстати, раз шатуна в программе не будет, у меня где-то час времени высвобождается. Улучив минутку, я перехватила Максима под локоток, и поинтересовалась интимным шепотом:

— А можно я домой сегодня пораньше?

— Лена, блин! К чему все эти акции запугивания?! Я бы и так отпустил!

— Макс, ну ты как маленький. Не тебя же запугивали!

О, этот взгляд! Проникновенный, будоражащий, говорящий...

Говорящий: у тебя совесть есть? А если найду?

Вот право слово, взрослый человек, а такая детская вера в чудо!

— Катись, — буркнул он вслух.

Ему сегодня “пораньше” не светило. Ужин, банька, водочка, дев... Перебор. Девки на территории были строго запрещены, специализация у нас другая, семейная, и за допущенных на территорию работников эскорта виновного казнили через увольнение. И, возможно, для кого-то Елистратов и мог бы нарушить собственные правила — но уж всяко не ради гостей, которые ему поперек души.

Я отчасти его печаль-тоску понимала. Но разделить не могла. У меня сегодня Адка.

И теперь, руля домой сквозь рано густеющие зимние сумерки, я думала без конца о белобрысой козе, сетовала на ее упрямство и безответственность по отношению к себе. Я ж ее еле-еле в университет зачихнула. Дуреха так и собиралась положить себя на алтарь благополучия нашей большой-маленькой семьи, только потому, что была убеждена, что я ее спасла от жизненной беспросветности.

Кто кого спас...

Шел пятый месяц беременности. Я тогда только-только устроилась на новую работу, и объезжала окрестности — знакомилась. Машина, выданная на работе и поименованная Тигриком, довольно урчала мотором и дула в ноги теплом. Списанный армейский внедорожник, дубоватый на ходу и тяжеловатый для женской руки в управлении, но надежный и устойчивый на любой дороге, бодро месил дождевую грязь шинами. Погода последнюю неделю царила премерзкая. Будто кто-то там наверху опомнился и решил добавить разом все неадекватные за удивительно безоблачное лето осадки.

Любуясь относительно мрачными пейзажами, я заметила человека, бредущего по обочине, по той самой грязи, на своих двоих. Он сутулился и периодически пытался голосовать, но без особого успеха — участок трассы между городом и россыпью окрестных поселков был пусть и довольно оживленным, но желающих подобрать то ли подростка, то ли сублильного взрослого, не наблюдалось. Я бы тоже проехала мимо, блюдя собственное частное пространство и безопасность (мне теперь не только о себе переживать, а люди разные бывают), но беременность сделала меня сентиментальной. Я затормозила и сдала назад.

И это решение стало вторым неоспоримым доказательством моей гениальности.

Неожиданный попутчик оказался попутчицей — симпатичной светловолосой девчонкой с веснушками на носу, на вид ей было лет восемнадцать, а то и меньше.

— Аделаида, — представилась она, пристегнув ремень безопасности. — Это город, в Австралии.

— А я — Лена, будем знакомы, — этим не по возрасту серьезным глазам так и тянуло улыбнуться, и я улыбалась, с удовольствием и от души. — Замерзла? Чай будешь?

Тигрик голодно утюжил дорожное полотно — застоялся в гаражах “Тишины”, всё никак не мог накататься.

Настроение у меня было неубиваемо хорошим, впервые с того момента, как УЗИ показало мне двойню, пожалуй.

Рассосался гадский узел в солнечном сплетении, мешавший свободно дышать, и финансовый вопрос, висевший надо мной Дамокловым мечом, потерял остроту.

Место, где предстояло работать, мне понравилось, работу я знаю и люблю, начальник неплохой мужик и разрешил пожить на базе, пока не подберу квартиру в городе, и даже посоветовал надежное агентство...

Жизнь налаживалась.

— Ты чего пешком-то? — с беспечным видом забросила я удочку.

— Да так... Автобус уехал, вот и пришлось...

Она не очень хотела рассказывать, эта веснушчатая девочка со стылым отчаянием в глазах, но крокодилья хватка, прикрытая шуточками и беспечностью, чай в термосе и дезориентирующее пузо (никто не ждет подвоха от беременной, а зря, я вот, к примеру, была

воплощением коварства!) сделали свое дело.

Адка ездила из Черноречка, где училась, в райцентр, воевать с чиновниками за положенное сироте по закону государственное жилье. Битва эта не то, чтобы была проиграна, жилье-таки положено же, но скорее походила не на битву, а на затяжную осаду, где стороны в качестве боеприпасов обстреливают друг друга бумажками, к тому же противник не гнушался грязных приемов — например, продержат посетительницу под дверями до тех пор, пока она сама не уйдёт на последний автобус. Ада не унывала и отступить не планировала.

Слово за слово...

Она только закончила колледж, из общежития пришлось съехать. Все лето скакала по подружкам, неделю тут, неделю там, целых три, приглядывая за пустой квартирой уехавших в медовый месяц знакомых молодоженов. В свои восемнадцать с небольшим подрабатывала в ресторане. Мечтала о стабильной работе. Квартиру вот выбить. И работу.

Слово за слово...

Я могла предложить и то, и другое. Так у меня появилась няня.

Нельзя сказать, что это было просто. Адка многого боялась: отсутствия денег, разговоров по телефону за рулем. Боялась оказаться в тягость. А когда Адка боялась, она орала.

Срывалась в истерику от невинной шутки про экстрим в отпуске, и не успокаивалась, пока не выжала из меня клятву, что ни-ни. С первой зарплаты подарила мне автомобильную гарнитуру для телефона. Нервничала, когда я тратила деньги на что-то, что ей казалось излишеством и баловством...

Самым сложным было привести ее к мысли, что ссориться — это нормально. Когда мы скандалим — мы просто скандалим. Это не значит, что мы больше ничего друг другу не должны, а наши договоренности идут лесом.

Я сама не заметила, когда Адка перестала быть наемным работником и стала членом семьи.

Она остро нуждалась в семье, я — тоже.

В детстве у меня была большая дружная семья, с двоюродным и троюродным родством, с общими праздниками и частыми посиделками. Потом мы с родителями переехали в столицу, и общение постепенно сошло на нет.

И это, пожалуй, одно из объяснений, почему здесь, в Черноречке, мне было хорошо. Здесь у меня была семья, которую я создала себе сама. Здесь было всё, что я могла считать своим: дети, Адка, Макс, лес, который я посадила своими руками.

Семья, которую я создала себе сама.

— Ну, как вы тут? — спросила я у Марии Егоровны, когда бурные детские восторги “ура-мама-приехала-так-давайте-же-задушим-ее-в-объятиях-скорее” утихли, и я обманным маневром услала их с кухни.

— Всё хорошо, только детки случайно герань того... Поливали все по очереди от большой любви, и спихнули горшок. Вы уж, Леночка, простите, не уследила.

Я тяжело вздохнула:

— Мария Егоровна. Я когда-то залюбила насмерть кактус. Мне было восемнадцать. Нужно просто смириться, что в этом доме растения не будут выживать до тех пор, пока не научатся сами убегать от опасности.

Мария Егоровна улыбнулась, и я, спохватившись, любопытствовала:

— А кто зачинщик?

— Олюшка Мирославна, — вздохнула соседка. — А ведь в глаза глянь — чистый ангел!

Не то чтобы я сомневалась в ответе или собиралась что-то предпринимать, но статистика и учет — наше всё. Да и потом, начинание все же было благое.

Впрочем, у нее все благое. Из разобранных кроваток — будь они неладны — эти звезды под предводительством самой яркой намеревались собрать корабль и уплыть за сокровищами. Чтобы денег, значит, было больше, а мама, соответственно, работала меньше.

Рыбки мои, почти уплывшие, ворвались в кухню табуном на три головы, привычным построением: Олька на острие, косички на развешиваются, на одной розовый бант, на другой желтая лента развязалась и вьется пиратским стягом, и ведь слова не скажи про разноцветные ленты — у Олюшки свое понимание прекрасного. Стас с Яриком позади на полкорпуса, синие глазищи светятся предвкушением и восторгом, в руках одежда, готовы ехать к Адке вотпрямчас. И несмотря на то, что дети мои свою няню безусловно обожали, я

подозревала, что определенную долю восторга в глазах вызывало еще и направление “в больницу”.

Мне удивительно везло, за все три года ни одна мелочь ни разу не заболела. Ни даже малейшего насморка. Отдавая их в сад, мы готовились держать больничную оборону, но снова — ни-че-го. Поэтому доктора, которых банда, получив все прививки, посещала лишь профилактически, вызывали только восторг. Стетоскопы! Весы! Свет в глаза и в уши! Крутотень же!

Я мысленно прикинула, кого возьму в зубы за шкуру, пока проходим по больничным коридорам, чтобы никто никуда ни-ни, и вздохнула.

Держись, больница, мы идем.

— Отряд! Стройся! Выступаем!

Вообще главная проблема с тройней — это именно нехватка рук. Опытным путем мы с Адой убедились, что полностью контролировать ситуацию можно только в том случае, если нас больше чем их. Даже уравнивание в количестве, как это ни странно, помогало не всегда.

Первый год я помню смутно, как в тумане. Подозреваю, что мозг просто стер все лишние ужасы за ненадобностью, сохранения рассудка для. Второй прошел под лозунгом “Так, два вот, где третий?!”, ибо уползать, уходить, а затем и убежать по первости от переизбытка впечатлений и недостатка возможностей коммуникации все трое предпочитали в разные стороны. На третий, с появлением этой самой коммуникации, наша жизнь начала постепенно перестраиваться из беспорядочного хаоса в упорядоченный...

Что готовит нам четвертый?..

Мне ставили двойню. Двойню мы ждали. К двойне мы готовились. Читали умные книжки и мамские форумы. Первые для того, чтобы успокоиться и поверить, что двойня это не конец света. Вторые, чтобы тренировать нервы и не сойти с ума, когда этот не конец света на нас обрушится.

Беременность протекала без малейших осложнений. В тридцать четыре недели я по плану легла на сохранение и в тот же день мальчишки решили, что ну раз положили — значит пора.

На роды как на праздник! Все улыбаются и машут, только анестезиолог издевается — выгните, говорит, спинку кошечкой. Спинку ему, понимаете ли, кошечкой. Я тебе, мужик, пудовую бочку с

солеными огурцами привяжу, а потом тоже попрошу кошечкой. А огурцы тебе по ребрам, по ребрам...

“Первый!” — радостно объявил врач за синей шторкой и я залюбовалась нимбом от хирургических ламп на его шапочке. Почти сразу же воздух прорезал пронзительный детский крик, от которого сердце сжалось и резко защипало глаза.

“Второй!” — быстро сообщили мне, и второй крик вознес мою душу на небеса и одновременно низвергнул в пучины материнского ада.

А потом он сказал: “Ой”.

Ой.

Да-да. Так и сказал.

Не дай бог вам, люди добрые, однажды услышать “ой” от мужика, который только что достал из вас двух детей.

Возможно, он что-то понял. Вполне вероятно, по тому как задержался на аппарате мой сердечный ритм, выдавая предынфарктное состояние.

А потому губы его растянула улыбка, отчетливо проступившая даже под маской, и он радостно объявил:

— Да у нас сегодня акция! Родившим двоих — третьего в подарок!

Так я узнала, что, оказывается, при многоплодной беременности тройню иногда не определяют...

Когда я позвонила Адке, чтобы сообщить, что все прошло хорошо, дети здоровы, крепки и прекрасны, а еще их почему-то трое, но я предпочитаю пока что думать, что у меня галлюцинация от анестезии, она ржала. До слез, до всхлипов, сползая по стеночке.

И я даже сама почти поверила в эту теорию, пока мне не привезли три люльки.

— А это чей? — тупо спросила я, насчитав два голубых браслета и один розовый.

— Ваш! — невозмутимо заверила меня медсестра, кажется, почти готовая к такой реакции.

— Точно мой? — надежда еще слабо трепыхалась.

— Точно! — тут дама оскорбилась. — У нас все как в аптеке!

— Лучше бы было как в роддоме... — пробормотала я.

Ладно, в конце концов, мы же готовились к двойне. А тройня — это же всего на одного ребенка больше?..

Вот только негласно, в те моменты, когда в нашей жизни

приключались какие-то серьезные и очень внезапные проблемы, мы с Адкой подбадривали себя одним и тем же лозунгом.

Роди двух мальчиков и получи девочку в подарок.

Мы справились с этим, а все остальное — ерунда.

Глава 3

— Доброе утро, Елена Владимировна! — Рита аж на своем месте подскочила мне навстречу.

Стоявший у администраторской стойки Мирослав, черти бы его взяли, Радомилович, обернулся и в который раз полыхнул такой улыбкой, что даже мое, закаленное тремя синеглазыми монстрами сердце, дало сбой, запнулось и забыло куда шло. Что-то я за вчерашний день так и не привыкла к этому оружию массового поражения. Попыталась припомнить, улыбался ли он так той ночью или “это бизнес, детка”, но воспоминания увильнули от улыбки куда-то в сторону...

— Прекрасно выглядите, Елена Владимировна!

Ну, да, ничто так не красит женщину как ночь, проведенная в бессоннице и тяжких размышлениях над морально-нравственными дилеммами, ранний подъем и война с капризничаящими детьми.

Тройняшки с утра сегодня были несносны просто на редкость. Одеваться — не хочу, умываться — не буду, есть — это вообще лишнее.

Хотелось умереть, но вместо этого я ответила господину Азору снисходительно-благосклонным кивком, пронзила Риту и ожидающую начала пересменки Анну взглядом “все-помнят-инструкции?” и только тогда обратилась к гостю.

— Доброе утро, Мирослав Радомилович! — щедро разбавив голос медом, взялась я за обязанности старшего администратора. — Как вам спалось? Всё ли вас устраивает в вашем номере? Не замерзли?

Последнюю фразу я пропела отчетливым тоном “тепло ли тебе девица, тепло ли тебе, красная?”.

Правильно, взбодрись. Ты сможешь! Никаких “я сейчас сдохну!” Сдыхать — только в своем кабинете за закрытыми дверями, дабы не портить видом унылого трупа главный вход!

— Благодарствую, Елена Владимировна, сервис на высшем уровне. А еще вы вчера так стремительно исчезли сразу после прогулки, что я не успел поблагодарить вас за прекрасно организованный досуг.

Он стоял, слегка опершись на стойку локтем, и разглядывал меня открыто и дружелюбно. Я видела, как обе мои девицы украдкой нет-нет

да стреляют глазами, но тут же дрессированно отводят взгляд.

Я бы тоже с удовольствием попялилась, но по другой причине.

К сегодняшней моей бессоннице дети имели только косвенное отношение. Я ворочалась полночи, мучаясь лишь одним вопросом — сказать или не сказать?

С одной стороны, он все же отец и имеет право знать. С другой, а на фига ему это знание, он без него прекрасно жил, судя по всему! С третьей, он, возможно, захотел бы участвовать в жизни детей. А для них знание того, кто их отец — тоже на пользу. И меня избавит от неудобных вопросов или вранья. С четвертой, я сама-то не знаю, кто их отец! Что он за человек. Обстоятельства знакомства, вроде как, намекают, что не последняя сволочь, но...

Копания в интернете информации дали мало. Удалось выяснить только, что в Азоринвест Мир работал еще до нашего знакомства (интересно, он в те времена на деловые встречи тоже бритый, с серьгой и черепом являлся?). Ольга ему приходилась сестрой-близняшкой, а Всеслав — племянником. А вот информации о нынешней должности Мирослава Радомиловича нигде не значилось, тогда как Всеслав занимал почетный пост директора отдела регионального развития. И мне все же было донельзя любопытно, как так вышло, что старшие родственники оказались в подчинении у младшего.

— Благодарю, — я благосклонно кивнула, отчаянно жалея, что Макс таки пресек шатуна. В идеале еще Филлипыча было бы подговорить сани опрокинуть в сугроб для поднятия бодрости духа. Этот умеет. Но в них были еще я и любимый начальник. — Я сейчас могу быть еще вам чем-то полезна?

— Елена Владимировна, вы мне всегда полезны! — негодяй обворожительно улыбнулся, отклеился от стойки и двинулся в мою сторону.

Припомнив вчерашние целования, я нервно засунула руки в карманы пуховика, но все равно от этого сокращения дистанции, от парфюма, вновь окутавшего меня мягким облаком, от всего... вот этого вот! — пальчики на ногах самопроизвольно поджались, кое-что другое поджалось тоже, как бы вопя “Да-а-а! Мать, я знаю этого чувака, у нас с ним был лучший секс в жизни! А еще, между прочим, последний за четыре года!”.

Я сжала кулаки, переживая гормональную бурю и вернула гостю

его же вопрос:

— Вы что-то хотели у меня спросить?

— Скорее попросить, — мужчина остановился передо мной на расстоянии почти неприличном и даже понизил голос, чтобы администраторы ничего не услышали, но однозначно поняли, что мы тут интимно шушукаемся. — Я хотел бы задать вам несколько невинных вопросов по внутренней кухне базы. Если бы вы могли выделить мне полчаса наедине...

Ах, как мы хорошо умеем модулировать интонации! Дать бы тебе по башке, Мирослав, сволочь ты синеглазая, Радомилович!

— Я постараюсь, — я сдержанно кивнула. — Но прямо сейчас у нас время пересменки, и я хотела бы для начала приступить к работе.

— Как мы с вами в этом похожи! — ухмыльнулся господин Азор, напрочь проигнорировав, что его только что, вообще-то послали. — Я тоже, представляете, хотел бы приступить к работе!

— Не дают? — я живо изобразила лицом сочувствие.

— Не дают, — мурлыкнул этот шут, таки-и-им голосом, что у меня снова дернулись пальцы, низ живота и сердце.

Тьфу, на тебя. Три раза. Пошляк!

Рассадник тахикардии ходячий!

— Хорошего рабочего дня, Елена Владимировна!

“Господи, да катись ты уже!” — взвыла я мысленно, а вслух лишь улыбнулась и взглядом указала гостю в направлении двери.

— Лен, ты ничего не хочешь мне сказать? — осторожно уточнил Макс, пригласив к себе сразу после пересменки.

Елистратов сидел за своим столом, я — сбоку. Перед ним стоял чай, передо мной — кофе. Как говорится, ничто не предвещало беды.

Я перебрала мысленно свои сегодняшние цели и задачи... Хм.

— Да вроде бы, ничего. А что?

— Лен, ты помнишь, кто крестил твоих детей?

Ой ё... Нет, ну вот тут-то как раз всё предвещало, согласна. Но...

— Ты? — как будто даже с удивлением уточнила я и решила испытать обманный маневр: — Но это была твоя идея! Кстати, достаточно смелый шаг для человека, который боится детей!

— Я не боюсь детей, — огрызнулся Макс с явной досадой.

— Ага, а помнишь, тот случай...

— Лена, хорошая попытка. Но мы не будем менять тему.

Я мысленно досадливо ругнулась — а ведь почти удалось!

— Лен, ты же помнишь, что я знаю отчества твоих бандитов? Особенно Олюшки Мирославны.

— Они ангелы! — возмутилась я.

— Особенно Ольга Мирославовна, — поддакнул Елистратов.

Тут крыть было нечем, и я уныло согласилась:

— Особенно да. Слушай, может, мне еще одну няню взять? А то одна постоянная и одна приходящая уже не справляются...

— Лена. Это тоже была неплохая попытка.

Да твою ж дивизию! Что ж ты цепкий такой?!

— Лен. Они у тебя синеглазые такие... Ты ничего не хочешь мне сказать?

Иди лесом, Елистратов.

— Очень красиво, правда?

— Лена.

— Да! Да, блин, это он! — я выпалила это, задохнулась и тут же взвилась: — Но откуда я знать-то могла?! И...и... леший бы тебя драл, Елистратов!

Хотелось вскочить и пробежаться туда-сюда, в том числе по стенам и потолку, но! Увы, в кабинете начальника бегать по потолку кому-то, кроме собственно начальника, неприлично. Субординация-с!

Я выдохнула.

Ну что я, виновата, что так... так нелепо получилось?! Я такого не планировала!

Елистратов молчал. Я быстро зыркнула в его сторону — смотрел, как показалось, с сочувствием.

— Лен.

Я свирепо раздула ноздри, подавая признаки жизни. Однако обращение звучало довольно успокаивающе.

— Что думаешь делать?

— Я не знаю! — я остаточко пыхнула раздражением, как дракон жаром, и обмякла на спинке кресла. — Я пока пока что не имею ни малейшего представления, что со всем этим следует делать.

И посмотрела на Макса прямо, открыто.

— Но я, Макс, знаю главное. Я знаю, что не хочу, чтобы моих детей использовали как инструмент давления в вопросах бизнеса. Ни

одна из сторон.

Макс неопределенно хмыкнул с самым независимым видом. Но я не сомневалась — он меня понял.

Я подумала и подвела черту под разговором:

— За сим, я решила, что Мирослав Радомилович пока перебьется, а я пригляжусь и еще подумаю... И теперь вот, приглядываюсь.

— Ясно. На переговоры с нами пойдешь.

— Ты озверел?! — возмущение вырвалось непроизвольно. — На кой ляд я там сдалась?!

— Ни на кой. Ты и не работать пойдешь, работать будем мы с Цвирко — это у нас переговоры. А у тебя — ознакомительная экскурсия, совмещенная со смотринами. Собирайся.

Приняв решение, Макс выбрался со своего места, вырулил из кабинета и двинулся вниз по лестнице.

— Максим, у меня работа! — я болталась сзади паровозиком на веревочке и пыталась отвертеться от великой чести.

— Отлично, у тебя есть полчаса, отдай распоряжения и предупреди, что сегодня будешь занята!

Твою мать! Ну спасибо, удружил, благодетель!

А спустя эти самые полчаса мы сидели в конференц-зале за широким дубовым столом, нас трое, их напротив — четверо, и я начала подозревать, что Макс притащил меня еще и для массовки, чтобы количеством не давили. С учетом того, что сам Елистратов за двоих, как раз поровну и получается.

Азоры начали переговоры первыми. Они приехали к нам не просто так, они приехали с желанием дать денег. Много-много денег. И теперь с воодушевлением рассказывали нам, как нам с этими деньгами будет хорошо, как чудесно деньги могут всё улучшить и расширить, и модернизировать, и прочая, прочая.

Ольга Радомиловна была убедительна, уверенно оперировала цифрами, причем не абстрактными, с потолка, а приложенными к текущей деятельности “Тишины”. С учетом наших потребностей и проблем.

Так вот зачем они расползлись по всей базе, интервенты, и заняли все возможные варианты размещения! Изучали дислокацию. И диспозицию. И было еще какое-то умное военное слово на “рэ”, мне

один майор из засекреченной военной части с той стороны Елани про него рассказывал, и оно тоже подходило, но я это, которое на “рэ”, забыла.

На самом деле, очень привлекательно выглядело всё то, что она рассказывала. Собственно именно потому, что Азоры приперлись к нам с жадной инвестировать, а не выкупить, Макс и не мог их прямо и бесхитростно послать. В бизнесе свой политес и подобные предложения полагается честно выслушивать и честно рассматривать, а отвергать с железобетонными формулировками, которые никого не обидят.

Более того, даже инвестиции синеглазые припорошили хитрыми формулировками, чтобы уж наверняка не дать Максиму увильнуть. Они хотели взять в аренду часть “Тишины”, на постоянной основе и на длительный срок. То есть как бы выступали клиентами, а клиентов обижать нельзя, репутация.

Вот только когда у тебя чуть ли не пол базы снимает один клиент, ты как-то становишься сильно зависим от денег этого самого клиента. А кто платит — тот, правильно, заказывает музыку.

Елистратов ни под чью дудку плясать не хотел и его можно понять. Хозяин в своем маленьком лесном государстве, зачем ему чужаки? Никто из нас, наемных работников, тоже от идеи не приходил в восторг. Макс — родной, понятный, изученный. Новые хозяева — новые порядки. Сегодня они хотят половину номерного фонда снять, а завтра заявят, что их не устраивает старший администратор...

Так что откеститься от переговоров никак не можно было, но стоять Елистратов планировал насмерть.

Азоры по очереди разливались соловьями. Макс молчал, нарисовав на роже предельно внимательное, но ни фига не заинтересованное выражение (чтобы не поощрять!). Цвирко что-то помечал в блокноте. Я — присутствовала.

Что я могла вынести полезного из этих переговоров? Говорил Мир уверенно, спокойно, без нажима. Скупое довольно. Всеслав и Ольга речей толкали куда больше. Вообще со стороны его редкие вставки больше походили на ремарки.

Или даже...

В какой-то момент я поймала себя на мысли, что нет, не ремарки — корректировки. Разговор и так лился в нужном русле, но он будто бы слегка поправлял это течение, если оно вдруг пыталось вильнуть куда-

то в сторону. Умело и очень ненавязчиво.

“Просто Мир”, как же, ага-ага...

Макс упорствовал в нежелании от кого-либо какие-либо деньги брать. Коли хотите организовывать тут досуг своей корпорации — милости прошу, гостям мы всегда рады, но исключительно в общем порядке. Резервация на определенный срок и в соответствии с наличием свободных мест. Для крупных корпоративных клиентов предусмотрена система скидок и прочих бонусов, если хотите, Елена Владимировна вас с ней подробнее ознакомит.

“Елена Владимировна”, попав под перекрестный прицел синих глаза, привычно натянула на физиономию улыбку и даже открыла рот, выражая полную готовность, но Всеслав не дал мне и звука пикнуть.

— Поймите нас правильно, Максим Михайлович, система скидок — это, несомненно, прекрасно, но холдингу необходимо, чтобы мы могли разместить людей на вашей базе отдыха вне зависимости от сезона и занятости номеров. Мы прекрасно понимаем, что это несет для вас некоторые неудобства, но Азоринвест готов компенсировать эти неудобства более чем щедро к обоюдному удовольствию. Вы же понимаете, что аренда “Тишины” — это не единственный для нас вариант?

Тут я встрепенулась, прекратив бессмысленным взглядом пялиться на запястья Мирослава, чтоб ему три года ночей не спать, Радомиловича, гадая можно ли под манжетами белоснежной рубашки разглядеть татуировку или нет.

Потому что вот оно. Все, что было до этого — так, шелуха, реверансы и раскланивания, попытки прийти к компромиссу там, где его быть не может. Настоящие переговоры начались именно сейчас, потому что голос младшего из Азоров звучал хоть и доброжелательно, но твердо. И за твердостью этой ощущались клубящиеся грозовые тучи.

— В таком случае, я не понимаю, что вам мешает рассмотреть остальные варианты? — безмятежно отозвался Елистратов.

— Если мы с вами не придем к консенсусу, то, уверяю вас, непременно рассмотрим, — заверил его Всеслав, добавляя в голос стали. — Например, мы можем выкупить участок земли рядом с “Тишиной” и построить там свой пансионат.

Воу! А вот это уже угрозы пошли! Я вперилась взглядом в директора отдела регионального развития, испытывая острое

неподконтрольное, но идиотское желание встать, упереть руки в боки, загородить Макса (ну, хотя бы треть Макса) и заявить: “Так, хватит мне тут ребенка обижать!”.

— Новенькие коттеджи со всеми удобствами и полной инфраструктурой, — продолжал Всеслав, не подозревая, какая грозная тут сила зреет бешенством в лице отдельно взятого Колобка. — Качество, комфорт, к заповеднику, опять же, ближе. Да, на это придется потратить куда больше времени и денег, но мы можем себе это позволить. Как долго “Тишина” продержится на плаву после этого? Далеко она уедет на одной лишь стилизации?

Макс сдвинул брови и теперь куда больше походил на того самого медведя-шатуна, мало что не рычит. Правильно, что крюк не стали делать! Вот он у нас, с доставкой на дом — то бишь в конференц-зал, а в снегу мы их потом искупаем.

— Ну и кроме того, — грозными бровями Азор-младший не впечатлился. — У нас есть основания полагать, что тот участок, на котором высажен ваш молодой лес, был приобретен по заниженной стоимости. И мы намерены подать протест в соответствующую инстанцию и добиться аннулирования сделки. У кого будет больше шансов перекупить этот кусок, когда он вновь окажется на рынке?

— Позвольте, Всеслав Всеволодович... — начал Цвирко, но Елистратов прервал его коротким жестом.

В конференц-зале воцарилась тишина. Долгая. Тяжелая.

Кажется, все ждали, что Макс что-то скажет, но Макс молчал. Он только смотрел на гостей-интервентов и лично мне под таким взглядом захотелось бы провалиться под землю и куда-нибудь сноровисто уползти червячком.

Гости уползать не торопились. Невзрачный помощник Ольги Радомиловны окончательно слился с окружающей обстановкой, будто его и не было совсем. Сама Ольга Радомиловна смотрела на владельца “Тишины” с вызовом — взгляд прямой, декольте вперед. Всеслав был очевидно напряжен, но это было бойцовское напряжение, азартное, не нервное. Мужик явно чувствовал за собой силу и готов был ее пускать в ход.

Взгляд Мира был безмятежен, как бездонное летнее небо. Синева, в которую как провалишься, так не сразу выплывешь. На мгновение он поймал мои глаза, и я чуть не провалилась. В последний миг удержалась

на самом краешке, вздернула бровь, а потом неодобрительно поджала губы. Да-да, знайте, что я думаю о вас и ваших методах, господа столичные завоеватели!

Первым не выдержал, как это ни странно, Всеслав, хотя по всем законам отвечать следовало бы Елистратову.

— Мы нацелены на сотрудничество, Максим Михайлович, а не на соперничество, выбор исключительно за вами.

А Макс молодец, подумалось мне. Таки заставил товарища занервничать.

Медвежий образ испарился без следа, мой начальник снова выглядел совершенно спокойным и невозмутимым.

— Ну-ка, давайте еще раз, во что вы там планировали вложиться?

Я мысленно застонала — ну не по второму кругу же, а? Ладно, над ними ты издеваешься — а надо мной-то за что?!..

Я стояла на крыльце, облокотившись на перила — пуховик на плечах, пальцы в замок — и вдыхала морозный воздух, который после все более накаляющейся атмосферы в конференц-зале казался еще более опьяняющим.

Не мое это — все эти долгие переливания из пустого в порожнее. Я все таки человек действий: есть задача — выполняю. От многочисленных обсуждений побаливала голова.

Расчищенный дорожки были пустынно, только Филлипыч шел через двор и на ходу пил лимонад из бутылки. Стеклойной. Зимой.

Нет, ну я знала, что мы все тут немного с прибабахом — но прям настолько уж?!

Увидев меня, Игорь свернул с маршрута и, перешагнув через декоративные кусты, цапля длинноногая, оказался в пределах шаговой доступности террасы, с которого я созерцала двор “Тишины”, аки красна девица какого-нибудь славного роду-племени многовековой давности.

— Как все прошло? — поинтересовался он, прихлебывая из бутылки и глядя на меня снизу-вверх.

Правда, для такого эффекта понадобился полуметровый настил вдоль гостевого терема, Новицкий та еще каланча жилистая.

— Да... так, — неопределенно протянула я. И, припомнив самое вопиющее из предложений, от которого Цвирко чуть в обморок не упал,

со злорадным удовольствием наябедничала: — Представляешь, Шильцева предложила терема покрасить! Так, мол, говорит, веселее будет, а то у вас тут все серенько!

Филлипыч, в этот момент как раз делавший глоток, поперхнулся ядовито-зеленой жидкостью, и принялся откашливаться.

Какое лицо, ну, любо-дорого же посмотреть!

— Да иди ты?! — переспросил он с веселым изумлением.

Темные глаза смеялись, и от этого обычно неприятная его резкая физиономия, дубленая всеми ветрами, с намертво въевшимся загаром, стала почти красивой.

— Где трупы закапываем?

Я недовольно сморщила нос:

— Скажешь тоже! “Трупы”... “Закапываем”... На Елань вывезем, под лед пустим, и дело с концом!

— Весной раков драть поедем! — мечтательно поддержал мои кровожадные планы массовик-затейник и знатный раковод в одном лице.

— А у вас тут раки водятся? — знакомый голос из-за спины заставил дернуться, обжег нервы, и я задумчиво поиграла бровями, оборачиваясь к Мирославу, чтоб ему провалиться, Радомиловичу.

Что бы ему такое сказать, чтобы и правду, но и не совсем?

— Это смотря чем подкармливать, — добродушно опередил меня бывший егерь-лесовед. — Елена Владимировна, бутылочку до урны не донесете?

— Всенепременно, Игорь Филлипович!

Мирослав явно понимал, что у нашего с Игорем диалога был второй смысл, требующий знания контекста, но предъявить ничего не мог — даже если о контексте и догадывался.

Вышедший из терема в том, в чем был на переговорах — в темном деловом костюме и дорогих ботинках, на этом тесовом резном крыльце он смотрелся противоестественно, чуждо. Но до головокружения привлекательно.

Ах, как хорош ты, ПростоМир на фоне аутентично-темного дерева!

У меня сердце сжалось: такую красоту — да под лёд!

С некоторым сожалением отказавшись от полюбившейся мысли, я улыбнулась. На этот раз не традиционной сервисной улыбкой, а сдержанно, ибо гости наши сегодня не такие уж и гости.

Не то чтобы нас прямо напугали и повергли в панику намерения Азоринвеста. Мы на счет этих намерений и раньше не заблуждались, да и в бизнесе тоже не первый год. Вот только осуществить их будет не так просто, как они расписывают.

На расстоянии конкурентной доступности от “Тишины” свободных участков, которые можно было бы без проблем купить, нет. Потому что здесь, вокруг заповедника “Соловьиные Родники”, сплошь естественные леса, не подлежащие продаже в принципе. Разрешенный законом максимум — передача в долгосрочную аренду.

Вложиться в строительство пансионата, его продвижение и развитие с тем, чтобы через пятьдесят лет запросто лишиться всех вложений? Очень сомневаюсь, что Азоринвест на это пойдет.

Земельный участок под “Тихий лес”, выкупленный якобы по заниженной стоимости, на самом деле был продан Елистратову под целевое использование, с условием рекреации земель, пострадавших от хищнической вырубке лесов лет двадцать-тридцать назад.

Макс обещал восстановление леса — Макс произвел восстановление, и если кто думает, что Елистратов просто так, от балды, натыкал елочек с сосенками в произвольном порядке, то он сам себе дурак, и Максима Михайловича Елистратова плохо знает.

Перед тем, как идти в муниципалитет с предложением сделки, Макс чертову тучу народа на уши поставил. Проект “Тихий лес” делали экологи и ботаники из “Соловьиных родников”, изнасиловавшие по такому поводу мозги всем сотрудникам архивов от городского до регионального уровня, в попытке выяснить, каким был лес тут изначально. Потом эти маньяки корректировали план с учетом текущих данных: состава почв, влажности, возвышенностей и низин...

Каждое растение было пронумеровано (а закупали их у проверенного и одобренного питомника несколькими грузовиками). Во время посадки впереди шли машины, которые бурили лунки по хитромудрой схеме, за ними скакали ребята из заповедника, и расставляли маркеры, и следом шли мы, сотрудники базы отдыха “Тишина”, уже по специальным картам сверяясь, куда и что высаживать...

Эта сделка готовилась не один год, передача земель в собственность Елистратова стала всего лишь заключительным ее этапом.

Если Азоринвест надеется, что сможет так просто ее аннулировать...

Ну-ну. Попутного ветра в горбатую спину.

Законом мы прикрыты со всех сторон. Главный вопрос заключается скорее в другом — не захотят ли они этот закон обойти?

Но Артюша Цвирко, как бы я там к нему не относилась, свою зарплату получает не зря, и драться за свое мы будем насмерть.

Я хотела пройти мимо, вернуться в терем и заняться уже наконец работой, но Мирослав удержал меня взглядом.

— Вы, Елена Владимировна, на переговорах были удивительно немногословны.

Ну да, с учетом того, что до этого он меня наблюдал исключительно в режиме экскурсовода, то да, удивительно!

Я пожала плечами.

— Переговоры — не моя компетенция. Я присутствовала на них в качестве, как вы ранее выразились, специалиста по внутренней кухне, а не того, кто принимает решения.

— И все же мне любопытно ваше мнение по поводу всего этого.

Голос, мамочки мои, ну какой голос, а?

“Ты такая сладкая...” — эхом из прошлого.

Мирослав, девичья погибель, Радомилович!

— Мое мнение — оставьте “Тишину” в покое, — прямо сказала я. А что? В конце концов, вреда от того, что я озвучу очевидное абсолютно всем, точно не будет. — Я не совсем понимаю, зачем вам сдалась наша база, но она — детище Елистратова, и он вам ее не отдаст.

— Никто, вроде бы, и не собирается отнимать, — вкрадчиво произнес бывший маньяк, а ныне человек в деловом костюме. — Мы предлагаем долгосрочное сотрудничество.

Я на это только хмыкнула, вражая тем самым все, что я думаю об их долгосрочном сотрудничестве.

Вполне возможно, Мир попытался бы и еще капнуть мне на мозги, но в этот момент дверь терема отворилась и выглянула Лада.

— Елена Владимировна! Вы телефон в конференц-зале забыли, вот.

Я мысленно чертыхнулась на рассеянность, поблагодарила горничную, ткнула в кнопку, включая экран.

Три неотвеченных вызова — два от Адки, один от ее лечащего врача.

У меня похолодели руки.

Длинные гудки. Долгие. Бесконечные.

“Это Ада. Оставьте ваше сообщение после гудка, и я вам, может быть, перезвоню”.

Еще раз.

“Это Ада. Оставьте ваше сообщение после гудка, и я вам, может быть, перезвоню”.

Я нервно прошлась по крыльцу, гулко стуча каблуками по дереву. Закусила губу, ткнула во второй номер.

Долгие гудки. Стандартный автоответчик.

Неизвестность рождает страх. А в моем случае — сразу панику, чего мелочиться?

Сердце билось так, будто вознамерилось протаранить грудную клетку и наконец-то удрать куда-нибудь от всех этих стрессов, ибо с такой нагрузкой оно и до сорока не дотянет, а жить хочется.

Спокойно, Лена, дыши. У них может быть миллион и одна причина сначала тебе звонить, а потом не брать трубку. И тебе совершенно не обязательно прямо сходу, сшибая сосны, мчаться сейчас в Чернорецк. Голова тебе для чего дадена, Колобкова? Думать? Ну вот думай!

Славься всеблагой интернет!

— Вторая городская, отделение травматологии, — монотонная скороговорка дежурной медсестры.

— Здравствуйте, Елена Владимировна Колобкова, родственница Аделаиды Константиновны Звенской. Сто пятая палата, лечащий врач Семенов Николай Николаевич. Я не могу с ней связаться, вы не подскажете, где она сейчас находится?

— Снимки плохие, — после короткого молчания известили меня. — Увезли.

И повесили трубку. Им там в больнице не до праздных разговоров. Им там работать надо.

Я могла набрать номер еще раз, устроить скандал, выпытать подробности и детали. Куда увезли? Зачем увезли? Когда вернут в конце концов? Но...

Снимки плохие.

Это в любом случае не могло означать ничего хорошего.

Я рванула в свой кабинет. Сумка, ключи от машины. Анне за стойкой — я в больницу, ты за старшую под мою ответственность, с

Елистратовым потом сама разберусь, все вали на меня. Выскочила обратно на мороз, на ходу влезая в рукава пуховика.

Слетела по ступенькам и чуть не врезалась в подкатившую “бэху”, перегородившую мне дорогу.

— Садись, — короткий приказ.

Стекло опущено, синие глаза смотрят снизу вверх. Без улыбки. На “ты”.

— В таком состоянии за руль не пуцу. Садись.

Мгновение колебания. Доли секунды. И я рванула на себя ручку, рухнула на сиденье и захлопнула дверцу не сильно заботясь о нежной механике машины.

Она тут же тронулась — мягко, неторопливо, и я пожалела о том, что согласилась. Тут должен был мотор взреветь, брызги снега из-под колес, моргнул — и уже на шоссе выкруливаем! И только когда мы выехали за ворота базы, я осознала, что деревья вдоль обочины мелькают куда быстрее, чем я привыкла.

Автомобиль не ехал по зимней дороге, он будто летел над ней. Я облизнула губы и произнесла, нарушая тишину:

— Штраф за превышение, если что, я оплачу.

Мир скосил на меня синий глаз и тут же вернул его обратно на дорогу.

— Сестра? — вдруг поинтересовался он.

— Почти. Подруга, — не стала привирать я. — Откуда?..

— По телефону ты сказала “родственница”.

Ах да, он же был все это время на крыльце со мной, я просто забыла на несколько мгновений о чем-либо существовании.

— Что с ней?

— Упала, ударила голову. Гематома.

— Не забывай показывать дорогу. И что сказали?..

Я отвечала на автомате, механически. И была благодарна Мирославу за эти вопросы. Не потому, что мне приятно было осознавать, что кому-то не все равно. А потому, что эти вопросы отвлекали от нарастающей паники.

Телефон в руках молчал. Смотрел на меня черным траурным экраном, и я, не выдерживая, раз за разом нажимала кнопку, чтобы высветить на нем время.

Когда автомобиль затормозил на светофоре мне стало практически

дурно. И я вздрогнула, когда моих трясущихся пальцев коснулась чужая рука.

Мир вытащил из них телефон, перевернул экраном вниз и положил мне на колени, а потом вдруг обхватил и крепко сжал мою ладонь своей. Ледяные пальцы в обжигающе горячем прикосновении.

Когда он выпустил меня, чтобы тронуться на зеленый, я едва сумела разжать собственную хватку и позволить ему это сделать. Унявшаяся на несколько мгновений дрожь вернулась с новой силой, но я была благодарна за короткую передышку.

Мне кажется, я вылетела из машины еще до того, как она затормозила, стрелой по ступенькам, сквозь коридор, и еще одна лестница, и вот я уже нависаю над столом дежурного ангелом мщения.

— Звенская... Аделаида... где?

Медсестра вскидывает на меня удивленные глаза.

— Да вот только что в палату привезли...

Я истинно овладела искусством телепортации, потому что шагов до палаты я вообще не помню.

— О, Ленка! — обрадовалась мне Адка, помахав телефоном. — А я как раз тебе перезванивать собиралась! погоди, а ты чего тут делаешь в такое время-то?

Я пересекла разделяющие нас несколько шагов и порывисто сгребла дуреху в объятия, уже понимая, что ерунда, обошлось, все хорошо.

— Ты чего, Лен? — тихонечко повторила Ада, поглаживая меня по спине. — Ты извини, что я не отвечала, просто снимки были размытые какие-то и Николай Николаич решил переделать, я на рентгене была, а там очередь, и телефон в палате остался... все хорошо.

Все хорошо.

Ледяные клещи, сжавшие сердце, разжимались медленно и неохотно.

— Ле-е-ен, — медленно протянул мой сегодняшний личный стилист (седина — это последнее время очень модно!), и я каким-то образом поняла, что это она уже не мне. Вернее, не совсем мне.

Я вскинула голову, проследила за Адкиным взглядом и уперлась в дверной проем, в котором нарисовался никто иной как Мирослав, что ж ты не провалился в сугроб где-нибудь, Радомилович.

— Хотел убедиться, что все в порядке, — пояснил он и сверкнул

голливудской улыбкой.

Мне очень хотелось втянуть голову в плечи и зажмуриться. Теперь, когда выяснилось, что никто не умирает и даже не собирался, а моя паника — результат дурацкого недоразумения, я очень пожалела, что села в эту машину. Надо было перезвонить еще раз в больницу все же, вытрясти детали, работать себе спокойненько, а ты, клуша-наседка...

— Мирослав Радомилевич любезно подбросил меня до больницы, — заявила я самым светским из всех возможных тонов.

Адка пялилась на мужчину так, что мне хотелось стукнуть ее по голове. Что я бы непременно сделала, не будь она уже стукнутая! Дырку в нем просверлишь, козица!

— Аделаида, — скопировав мою интонацию произнесла девчонка и протянула руку. — Это город, в Австралии.

— Азор, — кивнул Мир и пожал протянутую узкую ладонь. — Тоже город, в Израиле.

Экая я с ними стану географически продвинутая!

Теперь мне хотелось схватить обоих за шкирки и растащить в разные углы.

Хм, а вообще мне часто говорят, что надо больше думать о себе! Потакать своим желаниям! Счастливая мама — счастливые (живые по крайней мере) дети, все такое. Так что по углам, цуцыки и чтоб мне тут ни-ни переглядываться!

— Мирослав Радомилевич, я вам крайне признательна за помощь. Не смею больше вас задерживать.

— Мне не сложно подождать.

— Я все равно не вернусь в “Тишину”, уже поздно, туда-сюда мотаться смысла нет. Возьму такси завтра утром.

Мир наградил меня долгим испытывающим взглядом, я в ответ, не удержавшись от соблазна, картинно похлопала ресницами — мол, дева в беде признательна несказанно, но рыцарь совершил свой подвиг, рыцарь может уходить.

Идиотская, идиотская была идея сесть в машину...

— Поправляйтесь, — оставив попытки заглянуть мне в душу и отыскать там совесть (ха!), Мирослав перевел взгляд на Аду. — Желаю скорейшего выздоровления.

И только за ним закрылась дверь палаты...

— Лена!!!!!! — Адка каким-то образом умудрилась совместить

громкий фальцет и тихий шепот, и мерзкий звук ввинтился в уши, как сверло дантиста.

— Что Лена?! Что Лена? — я так не умела, у меня получилось только шипение. — Нравится тебе? Когда от тебя скрывают что-то для твоего же спокойствия? Нравится, да? То-то же!

Девушка наморщила веснушчатый нос, сделавшись похожей на готового чихнуть котенка — ладно, квиты!

— Лен... как?!

Я вздохнула и рассказала. Было бы, конечно, что рассказывать. Более нелепую историю встречи спустя четыре года и три ребенка придумать было бы сложно.

— А он тебя узнал?

— Нет.

Ада оскорбленно фыркнула, заставив меня словить приступ теплого умиления, но тут же заявила:

— Ну и хорошо, что не узнал! А чего тогда он тебя привез?

— Так случайно получилось.

— Это он за тобой ухлестывает?

— Нет, Ада, ухлестывает он за Максом!

— Что, ты думаешь, за четыре года можно НАСТОЛЬКО измениться? — дурында так округлила глаза, что я таки стукнула ее, правда, по коленке. Бросив на меня оскорбленный взгляд, она проворчала: — Пошутить нельзя... и что, ты расскажешь ему?

— Я еще не решила.

Адка засопела. Она теребила край и без того потрепанного жизнью пододеяльника и смотрела на меня так, что мне хотелось только обнять дурочку и сказать ей, что она дурочка, и что никто ее никуда не бросит, и она всегда будет мне нужна, даже если я выиграю в лотерею миллиард и смогу нанять себе целый штат нянек. Только слова в таких случаях не особенно помогали. Слов ей в жизни много говорили — например, что детдом это временно, и ее оттуда обязательно заберут.

— А ты как думаешь? — спросила я, и Ада моргнула.

— А я-то тут при чем?

— Как при чем?! — возмутилась я. — Ты со мной их носила? Носила. Рожала? Рожала. Кормила? Кормила. Воспитывала?.. извини, дорогая, но пока что у них отчество, по-моему, куда больше Аделаидовичи!

Адка отчаянно покраснела, отвела глаза и мало что не полезла под это самое одеяло.

— Не, Лен. Это ты сама решай, — пробормотала она, но уже куда менее напряженно. — У меня одна только просьба есть.

— Какая? — воодушевилась я.

— Пообещай мне, что секса у тебя с ним не будет. Еще троих мы не потянем — я в окошко выйду!..

Раз уж работа все равно накрылась медным тазом, я посидела с Адкой еще немного, встрясла душу из ее лечащего врача, который, кажется, при виде меня скоро начнет креститься и читать молитву для изгнания беса, и только тогда спустилась вниз, прикидывая, что сейчас позвоню Марии Егоровне, предупрежу, что детей сегодня заберу сама, мы напечем блинов и даже останется время отмыть кухню от этого армагеддона.

Мысленно я была уже там, на этой самой кухне, со смехом наблюдая, как Олюшка запускает обе руки в муку и достает их с сосредоточенно-удивленным выражением на лице, а Стас и Ярик рисуют друг другу боевой индейский раскрас...

— Елена Владимировна!

Я вздрогнула выпала в реальность и изумленно уставилась на Мирослава, смерть моя от инфаркта, Радомиловича.

Он стоял на пустынном больничном крыльце. Все так же в одном костюме. Он ведь даже не потрудился накинуть пальто, когда подобрал меня в “Тишине”. Только что пошел снег, и теперь ледяные кристаллики красиво блестели на волосах и темно-синей ткани в свете включенных по зимнему времени фонарей. Картинка, а не мужик.

Идиот только. Хотя, с другой стороны, околет — у нас одной проблемой меньше!

Подавив волну раздражения — вот прицепился как банный лист! Я развернулась и направилась к нему, на ходу удивляясь:

— Что вы здесь делаете? 19e5429

Неожиданный шаг мне навстречу. Столкновение. Рука на моей талии, как-то незаметно притянувшая меня еще плотнее, так плотно, что приятную твердость мужского тела я почувствовала даже через слои зимней одежды.

— Тебя жду...

И поцелуй.

Губы обожгло. Дыхание перехватило, я судорожно хватнула воздух и этим только все усугубила.

Горячо. Сладко. Умопомрачительно...

Я хотела его оттолкнуть. Правда, хотела. Но вместо этого почему-то только вцепилась в лацканы пиджака. Организм вышел из четырехлетней спячки и, бастуя, требовал наверстывать упущенное.

Когда Мир оторвался, я почти потянулась за ним, как змея за заклинателем, но мужчина вскинул руку, коснулся моей щеки, провел большим пальцем по нижней губе и договорил то, что изначально подвесил в воздух:

— ...Валерия.

Глава 4

Все. Я официально регистрирую это имя как мой персональный антисекс. Если какими то неведомыми тропами меня заведет в бдсм, то я назначу своим сабам его в качестве стоп-слова! Напрочь отбило вообще все!

Я смотрела на Мирослава взглядом зависшего робота и всерьез подсчитывала каковы шансы на амнезию если сейчас треснуть его по башке и слинять. А что, больница — вот она, и Адке не скучно будет лежать, а я время выиграю...

И в момент этих животрепещущих размышлений я вдруг осознала, что этот коварный тип маньячной наружности меня ведь все еще лапает!

Божечки мои, как так вообще получилось-то?

Я сделала шаг назад, увеличивая дистанцию, и Мир выпустил меня из рук.

— Опять сбегаешь? — губы тронула улыбка.

— Почему это опять?! — искренне возмутилась я. — Я не сбегала, я тебя выставила!

— Да, а через день мне дверь открыла абсолютно незнакомая девушка, которая знать не знает никаких Лер..

— А все потому, что если тебя выставили — это на что-то да намекает, и нечего по чужим квартирам шастать! — отрезала я, а у самой внутри в это время что-то остро сжалось.

Он возвращался? Хотел увидеться еще раз?

Это выходит, что все могло бы выйти совсем иначе, если бы...

— Еще и полицию пригрозила вызвать, — продолжил перечень своих злоключений Мирослав, разбужу вашу совесть, Радомилович.

Это было уже не честно.

— Не удивительно! Я когда вас впервые увидела, Мирослав Радомилович, тоже чуть полицию не вызвала! Скажите, а вы на заседания совета директоров с серьгой и черепом ходили?

— А это закрытая информация Азоринвеста!

Попытка сменить тему и выяснить наболевший вопрос провалилась, ну да не очень-то я и надеялась.

Он сунул руки в карманы брюк, и я спохватилась, что мы по-прежнему торчим на улице под падающим снегом, а этот ненормальный по-прежнему в одном костюме. И надо же что-то делать!

У мозга сегодня был однозначный передоз с эмоциональными качелями. Он тупил, зависал и требовал перезагрузки. Надо что-то спросить, надо что-то сказать... а надо ли?

Зачем вообще нужно было меня целовать? Тьфу, ирод, сбил отлаженно работающую систему!

Мирослав посмотрел на часы.

— Рановато еще, конечно, но на работу ты уже, я так понимаю, опоздала. Может поужинаем? Поговорим... — он ухмыльнулся лукаво и сделался абсолютной копией того парня в толстовке с черепом, чей возраст я никак не могла угадать. — Познакомимся, наконец.

И как ни странно, я хотела бы. Ну правда, раз уж он тоже меня узнал, не буду же я от него бегать? Это по-детски, да и... ужин вдвоем куда лучше подходит для смотрин, чем деловые переговоры. Но...

Дети. Я соскучилась, мы совсем мало виделись последнее время. И Мария Егоровна с ними одна зашивается. И я уже позвонила ей, предупредила, что сегодня заберу малышню сама.

— Я не могу сегодня, — выдохнула наконец я, сделав выбор. — Я обещала Аде, что посижу с ней. Выбежала до магазина, купить фруктов, и вернусь.

Еще не хватало, чтобы он вызвался меня сейчас до дома подвезти.

Мир помолчал несколько секунд.

— У тебя кто-то есть?

Вопрос меня, признаться, огорошил. Я превда растерялась на некоторое время и потом сообразила: точно, у молодых незамужних женщин теоретически бывают романы!

Да, дорогой, есть! Три твоих ребенка и няня!

— Нет, — честно признала я.

— А Елистратов?

— А что Елистратов? — вот тут он меня удивил.

— Ничего, — коротко ответил Мир с улыбкой, но взгляд его был серьезным и изучающим.

Так, понятно. Донесли языкастые. Совсем страх потеряли! Ну ничего: найдем, вернем! А пока — в омут с головой.

— Давай завтра?..

— Договорились. Я заберу тебя после работы.

— Очень далеко придется идти, — хмыкнула я.

Мир качнулся вперед, но в этот раз я его движение предвосхитила и поймала поцелуй на щеку. Не-не, в этот раз мы торопиться не будем. Мы уже один раз так поторопились, что на разгоне пролетели и знакомство, и ухаживания, и встречи, и свадьбу, и сразу — бац! — финальная стадия в виде общих детей.

Так что теперь мы взвесим все за и против и хорошенько подумаем, надо оно нам или нет!

Организм, орущий “очень-очень-очень надо!!!”, цыц, тебе права голоса не давали.

Ибо даже если отставить в сторону “детский” вопрос, попыток прихватизировать “Тишину” никто не отменял. Максимум я всей своей жизнью обязана, хоть он и утверждает, что мы квиты. И если все вот это вот — просто способ подобраться к противнику поближе, то хрен вам, Мирослав Радомилович, а не булка с маслом!

— До магазина подбросить? — Мир уже спустился по ступенькам вниз, но на последней обернулся.

— Тут рядом, — буркнула я, пряча нос в искусственный мех воротника.

— И почему у меня ощущение, что меня опять выставили? До завтра, Елена Прекрасная!

Я пронаблюдала, как черная “бэха” вырулила с парковки перед больницей и достала телефон, чтобы вызвать такси — снег разошелся не на шутку и торчат на автобусной остановке мне враз расхотелось.

Кстати, надо бы заглянуть к дамскому доктору.

Нет, ничего такого, я с ПростоМиром не планировала, еще чего, Елена Колобкова интересы Родины не предаст!

Но раз уж либидо встрепенулось, и нагло ломилось из спячки, хорошо бы озаботиться этим вопросом.

Стоило мне сесть в машину, как зазвонил телефон. Я долго смотрела на имя звонившего, прежде, чем взять трубку, но потом все же со вздохом нажала прием вызова. А все виноваты отдельные маньяки, утверждающие, что я сбегая.

— Лена, ты сто лет не звонила, — голос в трубке начал сразу с упреков. Не удивительно. — Мы же о вас беспокоимся. Все в порядке?

— Да, мама, в порядке. Просто много работы.

— То есть ты опять сбросила детей на постороннюю девушку и все время торчишь на своей базе?

Я усмехнулась — и что, с позволения сказать, я должна ответить на это?

Что это мои дети, и потому я сама разберусь, как зарабатывать им на хлеб с печеньками? Что Ада не посторонняя? Что они выставили меня из дома четыре года назад, и тогда же безвозвратно утратили право указывать, что и как мне делать?

Ну его. Доказывать кому-то, что я «хорошая мать» я забила еще на втором году материнства. Пока синицам моим не стукнуло по году — металась, рвалась, надрывалась... А потом Адка мне мозги вправила. Жестко и без реверансов, как умеют только очень многого хлебнувшие в жизни подростки, помудревшие не по годам и напрочь лишенные как розовых очков, так и пиетета перед мнением окружающих.

Некоторое время после того я еще бежала в колесе, пыталась всё успеть, быть идеальной во всем... а потом расцепила сведенные судорогой зубы и руки, и позволила себе расслабиться. Ада решительно оттерла меня от ведения дома, взяла на себя — и оказалось, что она это умеет, брать на себя, и прекрасно справляется, и мне остается только какая-то мелочовка, которая целиком укладывается в определение «помощь по дому».

— Я поступаю так, как считаю необходимым для моей семьи, — дипломатично сформулировала я всё это, промелькнувшее в голове со скоростью экспресса.

— Когда у тебя отпуск? — смирившись с моим несовершенством, уточнила маман. — Мы с отцом комнату приготовили, кровать нашли двойную, всех уложим...

— Отпуск у меня в мае, но к вам я не приеду.

Я смотрела в окно, на то как снежинки плясали свой танец, дорожная обочина в свете фар казалась таинственной и загадочной.

— Почему?! — и я буквально воочию увидела, как мама поджала губы.

— Потому что я не хочу.

Честное признание. Которое намного тяжелее, чем какая-нибудь необременительная ложь. «Я не могу». «Буду очень занята». «В этом году отпуск взять не получится». Мишура слов, удобно прикрывающая

то же самое «я не хочу», но позволяющая соблюсти внешние приличия.

Я не хочу. Я не хочу соблюдать внешние приличия. Я не приеду к вам, потому что пока что этого не хочу. Вот так, прямо. Без лжи. Без уверток.

Живите с этим, как хотите.

Почти четыре года назад, когда я поняла, что та сумасшедшая ночь с благородным рыцарем без страха и упрека, не прошла для меня бесследно, я долго принимала решение, как быть. Одна, без мужа или сожителя, без собственного жилья. Матерью-одиночкой быть не сладко, и я вовсе не была уверена, что мне это по силам. Сказать “страшно” — не сказать вообще ничего. Больше всего давила невозвратность принимаемого решения — родившегося ребенка ведь потом обратно не засунешь, если поймешь вдруг, что не справляешься.

И этого я тоже боялась — не справиться.

И я не могла решиться ни на что.

Я не святая. Я и тогда, и сейчас боялась нищеты и любила свою жизнь, в которой я уже тогда была квалифицированным специалистом с хорошими перспективами. Это была комфортная, удобная, привычная жизнь. В ней было всё понятно. И до рези в глазах было очевидно, что сохранить ее такой, решишь я вдруг оставить ребенка, не выйдет.

Но чем больше я думала, тем очевиднее мне становилось, что я хочу семью. Зверски, до слез. Пусть даже в этой семье не будет любимого мужчины, а будем мы двое, я и мой ребенок... Я хочу свою семью.

Это моя первая беременность, и кто сказал, что если я сейчас откажусь от нее — будет новая?

Я взрослый человек. У меня в руках профессия, которая точно нас прокормит, и какие-никакие социальные гарантии мое государство беременным предоставляет.

И я решилась.

А когда пришла с этим решением к родителям, они выгнали меня из дома.

Не совсем чтобы выгнали — это я всё-таки утрирую. Но поставили жесткий ультиматум: или аборт, или дальше живи сама, без нашей помощи.

Мне было двадцать четыре, у меня не было ни мужа, ни парня, ни отдельного жилья, одна только ипотека в планах, и они не хотели брать

на себя те хлопоты, что неминуемо появятся с рождением ребенка. И в чем-то они были правы.

Я согласна, что мой ребенок — моя ответственность.

Но решение было уже принято.

Умолять и просить родителей передумать, я не стала — собрала пожитки и отчалила из отчего дома на квартиру. В конце концов, я давно уже была самостоятельна, на равных с родителями покупала продукты и участвовала в оплате счетов, а жила с ними, потому что так проще казалось накопить на первоначальный взнос за свою.

Все отношения с ними я тогда разорвала. Слишком остро чувствовала, что меня будто выпнули из жизни пинком, как только всегда “беспроблемная” дочь стала доставлять беспокойство. Окей, как хотите — я ушла и унесла все связанные со мной трудности. Не буду вас напрягать!

Приняв решение, я не склонна была его менять. Вперед, только вперед, не считаясь с трудностями!

Так победим!

Враг будет разбит!

Родители тоже на связь не выходили. То ли не очень-то и хотели, то ли ждали, когда я пойму, что они были правы и приду каяться. То ли нежелание менять мнение появились во мне не из воздуха.

Потом, после родов, они приехали-таки проведать внуков. Радости не было никакой. Слишком много между нами осталось не прояснено, слишком много точек было не расставлено. Но я стиснула зубы, и перетерпела. Отпустить обиды так сходу мне было не по силам, но здравый смысл во мне тоже никуда не девался, и, абстрагировавшись от эмоций, я понимала — никому не станет лучше, если я начну дуть на это пламя. И начини я требовать с родителей извинений и объяснений я не получу ничего. Потому что им не за что, по сути, извиняться, да и объясняться со мной они не обязаны.

Тогда я решила — пусть все течет так, как течет. Рано или поздно река жизни куда-то нас вынесет.

Они даже хотели помочь, но при этом невольно предлагали мне возвращение в тот статус отношений, что был у нас до разрыва. Место младшей в семье: поступай таким-то образом. Делай то-то. Слушайся маму и папу.

А я уже распробовала, каково это — быть взрослой женщиной.

И мне совершенно не улыбалось сейчас принять эту помощь и снова стать маленькой маминой-папиной девочкой, чтобы потом, когда снова придут непростые времена — мне опять выдвигали неудобные ультиматумы и оставляли без поддержки тогда, когда она особенно нужна? Нет уж, я теперь как-нибудь сама все решу.

В отношениях с родителями я приняла ситуацию. Но командовать собой больше не дам. Насколько бы неприятно им это ни было. Если кому-то что-то не нравится — что ж, дверь из моей жизни открыта. Я никого не держу в ней силой.

А теперь мне предстояло сказать это всё маме. Спокойно сказать. Доходчиво и убедительно. Так, чтобы они поняли, что это моя взвешенная и обдуманная точка зрения, а не эмоциональный шантаж обиженной девочки, которая вымогает у окружающих раскаяние и извинения.

Сложный разговор. Но необходимый.

Мама в трубке помолчала. Вздохнула. А потом вдруг...

— Дура ты, доченька. Упрямая дура.

Я растерялась от этого грустного, неожиданно мягкого тона.

Даже на трубку посмотрела — мама, ты ли это?

Надпись на экране настаивала — да, она.

— Ты думаешь, нам с папой легко тот год дался? Да мы и подумать не могли, что ты и впрямь вот так — из дома. Пугать — пугали, да. То твое решение... Лена, ты тогда на развилке стояла. В одну сторону — карьерный рост, возможно, работа за рубежом. Яркая, успешная жизнь. А в другую — статус матери-одиночки, декрет, упущенные перспективы. И как потом личная жизнь сложится, с ребенком? Не так уж просто найти мужчину, который примет чужого малыша, как своего! Да, мы давили. Но не потому, что ты там себе напридумала. Из любви, Лена. Толкали на развилке к нужному выбору — потому что там тебя счастливой видели. А, что теперь говорить...

Она устало замолчала.

Я задумчиво рассматривала смартфон — темно-синий, недорогой марки, но надежный. уже полтора года верой и правдой служит. Слова Екатерины свет Витальевны плохо укладывались в мозгах.

Это что? Это передо мной так сейчас извиняются?

— А почему не позвонили? — осторожно бросила пробный шар в эту сторону я.

— А может, тебе еще и в ножки броситься? — сварливо отозвалась мама.

— Бросайтесь! — широким жестом разрешила я.

— Тьфу ты, дура! — вскипела родительница. — Я с ней серьезно говорить пытаюсь, а она! Всё хаханьки! Нет, прав был отец, не по телефону такое говорить надо!

— А “не по телефону” мы бы с тобой уже два раза подрались... — от растерянности брякнула я.

В трубке только вздохнули, смиряясь с судьбой. Дочь-хохотун — горе в семье.

— А потому не позвонили, — стервозным тоном внезапно заявила мама, — что твои гордость с упрямством не с неба упали!

— Бог с тобой, Ленка. Живи, как хочешь. Но если поедешь в отпуск через столицу, и остановишься в гостинице — мы с отцом переедем в Чернорецк и поселимся с тобой на одной лестничной площадке!

Телефон пикнул разорванным соединением и погас экраном.

Понимаю тебя, телефон. Я вот тоже того и гляди, погасну!

Угроза, однако, маман, неэффективная! Посмотрю я, как долго вы продержитесь на одной лестничной площадке с Ольгой Мирославовной и Ко...

Бывает, крутишься как белка в колесе, и не видно в этом никакого просвета. За последние три года это ощущение накрывало меня куда чаще, чем хотелось бы. И только, вроде бы, тучи над головой расходятся, пропуская робкий солнечный лучик, как бац — и опять гром, опять молнии, опять проблема на проблеме и проблемой погоняет. И где-то в глубине души я периодически мечтала о глухом необитаемом острове, но запрещала себе нарочно выискивать передышки и — самое главное — надеяться, что они будут длительными.

Только сегодня не удержалась. Я ехала домой с улыбкой и думала, что все-таки все хорошо: от Азоров Макс отобьется, Ада идет на поправку. Мирослав меня узнал, и это тоже в плюс, потому что куда унижительнее было бы пытаться самостоятельно напомнить ему, кто я такая. (Привет, ты меня не помнишь, но мы с тобой как-то переспали... Нет, не в клубе. Нет, не перед клубом. Нет, не вместо клуба!.. Нет, я никогда не была блондинкой!!!) А теперь еще и звонок от мамы впервые за эти годы закончился не бурлящим внутри раздражением и

обидой, а облегчением и зачатками веры в светлое будущее.

И я выдохнула. Расслабилась. Успокоилась...

А наутро у детей обнаружилась сыпь.

— Мам, чешется.

Я варила кашу, когда Стас подошел ко мне и подергал за пижамную штанину.

— Комарик укусил? — машинально спросила я, не придавая значения времени года, мало ли кто под батареями оттаял!

— Нет, мам, не комарик. Акула, наверное! Вот, смотри!

— И меня, и меня акула! — дружно подхватили Ярик с Ольгой, до того клюющие носом за столом.

Я выключила кашу, повернулась к ним и с изумлением уставилась на демонстрируемые мне красные пятна на руках, на груди, на спине...

Спустя сорок минут я уже мчалась на такси в “Тишину” — забрать машину, переговорить с Максом, раздать ц/у и скорее, скорее обратно. Температуры у детей не было, ничего нигде не болело — но это же мои дети! У моих детей не бывает сыпи, они не кашляют, не подхватывают насморк, не валяются после завтрака сонные и несчастные на диване, когда на дворе уже белый день (да, семь утра — это белый день!).

Участкового врача мне пообещали к одиннадцати. Мария Егоровна, ангел божий, поднялась к нам без малейших вопросов, так что я все успею, я все смогу, и все у всех будет хорошо. Передышка? Какая передышка? Да кому она вообще нужна эта передышка?

— Лен, ты моего старшего администратора не видела? — поинтересовался Елистратов вместо “здрассте”, когда я влобилась к нему в кабинет.

Я пошевелила мозгами, вспомнила, что причесывалась на ходу, одевалась на бегу, краситься в принципе сочла бесполезной тратой времени, зубы чистила на кухне, параллельно с кормежкой, а потому зеркал на моем пути не попадалось, так что честно призналась:

— Сегодня еще нет.

— Вот и я его что-то не вижу... Что стряслось-то опять, Колобок?

— Макс, я на больничный.

— Для больной у тебя слишком пышущий здоровьем вид.

— Я с детьми!

— А Ада для ребенка не великовата?

— Макс, я тебя стукну!

Тут Елистратов удивился. Смерил меня взглядом с головы до ног, будто пытался убедиться, что все это не дурацкая шутка.

— Твои дети не болеют!

У меня вырвался смешок — нервно-истеричный — но все же смешок. И я стекла в кресло для посетителей и, окончательно обнаглев, притянула к себе чашку с еще нетронутым елистратовским кофе.

— Рассказывай, — распорядился шеф, по совместительству еще и крестный, никак не отреагировав на этот акт полного обнагления подчиненных.

Я в ответ скривилась, будто вместо любимого капучино мне предложили черный без сахара.

Хм, а ведь действительно — черный без сахара. Вкусно!

— Потом. Пока толком ничего не понятно, кроме сыпи, никаких проблем нет. Но обсыпало щедро. Ждем врача, но я подозреваю, что за час эта ерунда сама собой не рассосется.

— Лен, может, тебе сейчас в отпуск, а не в мае? — задумчиво озаботился Макс.

— Тебе лишь бы больничный мне не оплачивать. Первый за три с половиной года, между прочим!

Я прикрыла глаза и блаженно выдохнула — дома на кофе не было ни секундошки. И сейчас, когда сей божественный нектар пробежал по пищеводу и приятной теплотой плюхнулся в желудок, мне реально полегчало.

— Вот так вот сделаешь себе раз в жизни кофе... — задумчиво протянул дорогой шеф, и я удивленно хлопнула глазами. Точно, Макс ведь чай по жизни пьет. Ну, значит, это однозначно было для меня!

— Кофе вредит вашему организму, — наставительно заметила я. — А если серьезно, Максим Михайлович, я указания сейчас всем раздам, у нас так-то все в штатном режиме, Филлипыч сегодня выгу...

— Лен, — мягко, но твердо перебил меня Елистратов. — Сгинь уже, а? И давай без указаний — просто, тихонечко, запасным выходом, чтобы никто тебя не увидел и не задержал. И — это еще страшнее — чтобы ты сама никого не увидела и не задержала. Договорились?

— Я тебя люблю, Елистратов, — растроганно призналась я и утерла скупую слезу.

Скупую отсутствующую слезу.

— Катись, Колобок, — вздохнул начальник и пошел заваривать

себе чай.

Обернулся и бросил через плечо:

— Вечером позвонишь и отчитаешься! Обо всём. В том числе, как ты вчера с Мирославом нашим Радомиловичем Азором покаталась!

Нет, можно было бы, конечно, и попытаться качнуть права. Но обстановка таки не располагала. Так что я молча козырнула, щелкнула каблуками и покинула Максима.

Вовремя покинула — он как раз себе чай сделал.

А у меня с утра, если что, на чай тоже ни минуточки не нашлось.

Вообще я к начальственным пожеланиям отношусь очень серьезно. Я в принципе хороший работник — дотошный, исполнительный, организованный, но не лишенный инициативы... скромный, конечно же! Иногда даже чересчур, может пора прибавку потребовать? Ну или хоть премию там какую, за вредность.

Это к тому, что раз шеф сказал валить огородами — я и рада стараться! И ничто меня не остановит! Даже синеглазое препятствие, встретившееся мне на лестничной площадке между вторым и третьим этажом. Это разве что задержит. Капельку.

— Добрый день, Мирослав Радомилович, — автоматом брякнула я, замирая на ступеньках.

— Привет, Лена, — смеясь глазами отозвался Азор.

Он сегодня выглядел иначе — строгий костюм сменили джинсы и серый свитер с пресловутыми оленями. Ну прямо не столичный интервент, а образцово-показательный турист на законном отдыхе. Может нам его пофоткать? В домике, в тяжелом кресле, у камина, собачку в ноги, улыбчивую девицу — в руки, и готовая реклама прекрасной базы отдыха “Тишина”! И подпись: “Там, где сказка становится былью”...

Ладно, “на ты” так “на ты”.

— Это хорошо, что я тебя встретила, — известила я, отгоняя прочь планы по использованию захватчиков в маркетинговых целях. — Извини, но сегодня вечером я опять не смогу. Семейный форс-мажор.

— Очень жаль, — сказал Мирослав и шагнул на ступеньку, становясь чуть ближе ко мне. Внутри от этого простого движения что-то странно екнуло. — Завтра?

— Не уверена, что до завтра разрулю...

— Послезавтра?

Еще ступенька. Я против воли сглотнула под гипнотическим взглядом.

— Давай я тебе сама позвоню, когда все разрешится? В анкете, которую заполняли при заселении, указан номер.

Еще ступенька — и он оказался на одном уровне со мной, хоть и стоял ниже.

— Хорошо, — удивительно легко согласился мужчина, как будто бы его не отфутболили уже в который раз. — Я буду ждать.

И я выдохнула с небольшим облегчением, потому что я действительно хотела встретиться — разве я виновата, что все так выходит? — но при этом совершенно не хотела объясняться и оправдываться.

За сим можно было бы посчитать разговор завершенным, просочиться мимо и растаять в особенно прозрачном зимой воздухе, но вместо этого я почему-то спросила:

— А ты к Елистратову? Зачем?

Больше ему на этом этаже делать нечего, комната отдыха для персонала, а не для гостей, у гостей своя есть. И мне действительно было любопытно. Во-первых, из-за смены имиджа, во-вторых, почему именно Мирослав? Один, без компании. Уж не собираются ли на моего любимого босса из каких-нибудь неожиданных углов выпрыгивать?

— Тебя искать, — не моргнув глазом, соврал Мир.

— У Елистратова? — искренне изумилась я.

— Но ведь нашел же, — весело возразил он. И шагнул на еще одну ступеньку.

Ох ты ж мамочки, как тут жарко.

Щеки натуральным образом горели. И этот финт со ступеньками и с “тебя искал” — был очевидный и неприкрытый, совершенно откровенный и прям-таки убойный флирт. Но, черт побери, работало...

Он теперь был так близко, что запах парфюма приятно щекотал ноздри. Гладкая кожа шеи в вырезе мягкого свитера маячила перед носом, и ужасно, до одури хотелось прижаться к ней губами, языком и попробовать этот запах на вкус.

Но я взяла себя в руки — и посторонилась, прижалась к стене, пропуская. Бес с тобой, не хочешь отвечать — не обязан, иди куда шел!

Однако Мирослав, ходячая афиша, Радомилович не торопился.

— Ты выглядишь взвинченной и расстроенной. В семье что-то совсем серьезное?

— Нет, — я мотнула головой. — Пока нет. Надеюсь, что нет.

Если он начнет и дальше расспрашивать, то фигня получится, а не разговор, поэтому я ловко переключила тему:

— Все не страшно. Просто недели выдались тяжелыми, из-за вас в том числе, между прочим, господин Азор. Мы готовились, хлебом-солью встречали, ночей не спали, сани я лично полировала...

— Ночами? — Мир иронично изогнул бровь.

— Ночами! — с вызовом подтвердила я. — Очей не смыкаючи!

Мирослав хмыкнул и внезапно потребовал:

— Закрой глаза.

— Зачем?

— Закрой-закрой. Обещаю не маньячить!

Я подозрительно поджала губы, но неожиданно для самой себя подчинилась. Вздогнула, когда висков коснулись руки — даже не руки, кончики пальцев. Невесомо, чуть-чуть щекотно и как-то... колко что ли.

— Не открывай, — предупредил Мирослав, и я — не открывая — изогнула брови и скептически приподняла уголок губ.

Он будто массировал мне голову, но не с нажимом — а легкими, почти не ощутимыми прикосновениями, и я с удивлением осознала, что от этих прикосновений у меня внутри что-то отпускает. Отпускает напряжение, отпускает усталость, пропадает сковавший голову обручем спазм, который я уже привыкла не ощущать, и я сама становлюсь как наполненный гелием шарик — если не удерживать веревочкой, улечу в небо.

— Как ты это делаешь? — зачарованно прошептала я, продолжая послушно стоять с закрытыми глазами.

— Секреты древней китайской медицины, — хмыкнул Мир, и было непонятно, шутит он или всерьез.

— Ты не похож на китайца, — сказала я и снова вздогнула, на этот раз — когда его руки вместо того, чтобы снова коснуться моей головы, легли мне на талию.

Внутри все сразу так встрепенулось, что я чуть не подпрыгнула. Нет! Не буду я с тобой целоваться, змий-искуситель!

Я распахнула глаза и вскинула руки, упершись ими в мужскую

грудь. Шерсть свитера под пальцами была такой мягкой, что ее хотелось погладить. Его хотелось погладить...

Я почти успела. Я и совсем успела бы, если бы он нацелился на губы. Но Мирослав учился на ошибках, и поймал губами не губы — а ухо. Мягко коснулся мочки и слегка прикусил ее. Даже от этого незамысловатого жеста я чуть не застонала вслух. Но только сильнее надавила на грудь, заставляя его отстраниться.

— Мир, не надо.

Это прозвучало почти жалобно.

— Почему?

Закономерный вопрос. И ответить на него как с родителями — не хочу, означало бы совершенно очевидно соврать.

— Я тебя совсем не знаю.

Еще одной закономерностью с его стороны было бы заметить, что в прошлый раз мне это совершенно не мешало, но нет.

— Мирослав Радомилович Азор, тридцать четыре года, не женат, не разведен, детей нет, занимаю руководящий пост в холдинге “Азоринвест”. Что еще?

— Место проживания.

— М? — мурлыкнул он, не поняв моей ремарки, и потерся носом о кожу чуть ниже уха, вызвав горячие мурашки.

— Во-первых, вы приехали сюда отжимать бизнес дорогого мне человека, — произнесла я, пытаюсь абстрагироваться, от накатывающего волнами тяжелого, густого желания, от которого размягчается все тело, включая мозг. — Но даже это ерунда, потому что, во-вторых: как приехали — так и уедете. Я не ищу секса на одну ночь, Мир. Я и тогда не искала. Собственно, поэтому все и вышло, как вышло.

Вот так вот, честно, прям в глаз. Ну или куда там получилось.

Мирослав вскинул голову, но считать выражение глаз у меня не вышло.

— А еще мне сейчас правда нужно идти.

Я отвела его руки — и он позволил их отвести — и когда уже почти решила, что я уйду, оставив кое-кому за собой последнее слово и пищу для размышлений, мне в спину прилетело:

— Я буду ждать твоего звонка.

Вот и понимай, как хочешь.

Несмотря на растрепанность чувств, физически я чувствовала себя

так, будто только что вернулась из длительного отпуска (по крайней мере, я всегда воображала себе, что вот если я однажды поеду в длительный отпуск — я потом буду себя чувствовать так!). Что-то все-таки сотворил со мной Мирослав, шкатулка с секретами, Радомилович, и спасибочки ему за это. Вообще, может и правда что-то китайское. Акупунктура она же на точки воздействует, правда, иглами, а мало ли там какие еще методики есть. Откуда вот только они известны человеку, занимающему, как он изящно, но без конкретики выразился, руководящую должность...

Впрочем, эти мысли не заняли меня надолго. Дома ждали покусанные акулой дети. И если физически мне полегчало, то вот нервы никуда не делись.

— Скорее всего аллергия, — сделала вывод врач, осмотрев всех троих, что почему-то ни капельки не облегчило мои душевные терзания. — Не инфекционное точно.

— У всех сразу? — удивилась я. — Да они с рождения ни разу...

— Аллергия — дело коварное, — невозмутимо заметила женщина, поманила пальчиком, строго глядя на Стаса, и тот, бросив на меня взгляд, а потом потупившись, вернул похищенный стетоскоп. — Может выплыть в любом возрасте и в самый неожиданный момент. К тому же она бывает накопительная. Вот рецепт на антигистаминные. Перейдите на гипоаллергенный рацион и вводите заново продукты постепенно. Подумайте хорошенько, что было в вашей повседневной жизни нового — стиральный порошок, одежда, чистящие средства, какие-то новые блюда. Сдайте кровь, лишним не будет. Направление на общий анализ. Если в течение пары дней не станет хоть немного лучше или пройдет, но потом повторится, а источник так и не будет выявлен, то запишитесь к аллергологу. Пока посидите дома, в садик не стоит. Выпишу больничный на неделю, чтобы разобраться, от чего все же так высыпало. Всего доброго.

Вот вам и мои дети не болеют, вздохнула я и отправилась варить гипоаллергенную гречку.

Ладно, аллергия, с тобой мы разберемся, а больничный буду и впрямь считать отпуском, буду укладывать детей себе под бок и ка-ак выплусь.

На следующий день звонок телефона поднял меня в шесть утра.

— Лена, — хрипло выдохнул Макс в трубку, и я не сразу узнала его

голос, настолько он вдруг сделался чужим. — Лена, Тихий Лес сгорел.

Глава 5

До работы я добиралась, как в тумане.

— Здравствуйте, — поприветствовала я горничных и администраторов, вместо привычного “доброе утра”.

Утро было каким угодно, но не добрым: запах гари, не висевший над “Тишиной”, но доносимый порывами ветра, растерянность и испуг, свивший гнезда в глазах... Люди, кажется, не верили произошедшему.

Не верить было сложно: зарево на полнеба ночью видели все. Кто не лично, тот на городских новостных сайтах.

Верить было невыносимо.

У меня закипали злые слезы и грозились пролиться они массовыми убийствами.

Не преувеличивай, Лена. Четыре трупа — это не масса, а серия.

Время пересменки уже давно прошло, но Анна — ночной администратор — никуда не ушла.

— Как же так, Елена Владимировна? — тихонько спросила она. — Как такое случилось?

Хорошо, что на этот вопрос ответ у меня был. И стоило об этом подумать, как от ярости сводило зубы.

— Следственные работы ведутся, — сдержанно отозвалась я. — Хорошо, что ты здесь, Аня. Поможешь.

Кто там у нас сегодня? Надо же, вот только что проехала пост охраны, а не помню. Озерков? Дима Иванов? Да, он.

— Привет, Дим. Скажи, а Всеслав Всеволодович на базу уже вернулся? Хорошо. Сколько вас сейчас на посту? Отлично! Подойдите к администраторской. Да, все четверо. Да, под мою ответственность.

Я набрала побольше воздуха и произнесла то, что пока никто не смел озвучить.

— Сегодня ночью сгорел “Тихий лес”.

И сама удивилась, как мертво звучит мой голос. Парни из вневедомственной охраны подошли как раз вовремя. Отлично не придется повторять и для них.

— Как я уже сказала, следственные работы ведутся. Однако около восьми часов утра представители Азоринвеста вышли на связь с

муниципалитетом и потребовали аннулировать договор купли-продажи земельного участка, заключенный между городом и Максимом Михайловичем, в связи с неисполнением покупателем условий льготного приобретения.

В голове звенело, и окружающий мир вел себя странно. По крайней мере, резкости ему определено не доставало. Я отстраненно понимала, что сейчас сделаю непоправимое. Но знала, что жалеть об этом не буду.

— Нет леса на участке под рекреацию — нет исполненных обязательств.

Я обвела сотрудников взглядом. У сотрудников на лицах читалось от “Не может быть!” до “Что за хрень?!”

Угу. Та еще хрень. А потому...

Я прочистила горло.

— А потому, горничные сейчас пойдут и помогут нашим гостям собрать вещи. Представители фирмы “Азоринвест” выселяются. На случай, если вдруг они не изъявят такого желания...

Я окинула взглядом парней.

— Олег, сопровождаешь Катю. Саша, ты с Аней. Алексей, ты с Ирой. Лада и Дима идут со мной. В разговоры не вступать, на все вопросы отвечать, что выполняете распоряжение старшего администратора, и бронь Азоринвеста на нашей базе отдыха аннулирована. Вперед!

Как распределили цели остальные, не знаю — не маленькие, разберутся. А меня ноги сами вынесли на тропинку, ведущую к “быку”.

Мирослав Радомилович встретил меня вздернутой бровью и обворожительной улыбкой. Которая сменилась куда менее чарующим выражением, когда я сквозь зубы, давась ненавистью, зачитала ему приговор.

— Елена Владимировна, — с мягкими интонациями, от которых любому вменяемому человеку стало бы страшно, произнес Азор, — Мне кажется, вы немного превысили свои полномочия. И законные рамки.

Мне страшно не было. Это логично — вменяемой меня сейчас было трудно назвать.

— Я этот лес сажала собственными руками, — с вежливым светским оскалом ответила я.

Губы были деревянными, слушались плохо, и артикулировать

слова приходилось очень старательно. От этого складывалось впечатление, будто я считаю собеседника умственно отсталым и боюсь, что он меня не поймет.

— Мечтала, что потом привезу туда своих детей...

Светлая ненавидящая улыбка так и прикипела к губам, убрать ее с лица я была не в силах, и только смотрела Азору в глаза в упор, стараясь взглядом транслировать всю эту ненависть ему напрямиком в подкорку.

Всё вокруг был ясным и прозрачным, только изредка подрагивало, и тогда очертания предметов плыли, как в компьютерной игре, где графика не успевает подстраиваться за игроком.

Такого острого, унижительного разочарования в человеке мне испытывать не доводилось.

Дальнейшую дискуссию я сочла оскорбляющей мое достоинство (недаром и другим запретила вступать в пререкания), а просто молча кивнула Ладе.

Наверное, Мирославу, козлу последнему, Радомиловичу тоже было унижительно видеть, как ловкие руки горничной на его глазах потрошат его вещи, но он смотрел. Ладка сноровисто, с каменным лицом, собирала Азорские пожитки.

Телефон взорвался трелью, и я даже головы не повернув, услышала, как в трубке орет Всеслав Всеволодович, жалуясь старшему родственнику на хамство персонала “Тишины”.

Мир бросил короткое “Уймись!” и отбил вызов.

— Лена. — Мирослав, мать его, Радомилович, тоже смотрел на меня в упор и взгляда отводить не желал. — Лена, мы этого не делали.

— Безусловно, — с сокрушительной любезностью ответила я. — А если бы вы это сделали, Мирослав Радомилович, то вы бы, без сомнений, так и сказали.

Телефон Мирослава звонил, не затыкаясь, но он не брал трубку.

У меня зубы сводило от испытываемых чувств. Я не знала, как не вцепиться ему в глотку прямо здесь и сейчас, и старалась держать себя в руках.

Лада впихнула в чемодан последнюю охапку чужого барахла, и я подавила облегченный вздох: экзекуция подходила к концу.

— Я провожу вас к машинам, Мирослав Радомилович, — объявила я, и это значило именно то, чем выглядело.

“К своему транспорту вы пойдете под конвоем”.

С Всеславом мы встретились на дорожке, ведущей к гаражам — его точно так же “проводжали” Олег с Катериной. Шильцева и ее помощник уже стояли возле черных автомобилей, вылизанных Сеней, сияющих полировкой.

Я шла очень прямо, величаво переставляя негнущиеся ноги. Хотелось очень многое им сказать. Хотелось кричать от обиды — “Зачем? Заче-е-ем?!”

Но можно было только идти вперед, стиснув зубы.

Слова прощания я выжала из себя вместе с любезнейшей сервисной улыбкой. Правда, улыбалась одна я: у Ольги Радомиловны вид был растерянный, Всеслав-Славик выглядел взбешенным, а у Мирослава к роже приросла безразличная маска.

— То есть, ваша сторона отказывается от дальнейших переговоров? — уточнил он с той же каменной физиономией.

— Что вы, как можно! — Я с искренним возмущением отвергла это предположение, ибо еще не сошла с ума окончательно, чтобы принимать за Макса такие решения. — Просто все дальнейшие контакты будут проходить на нейтральной территории. В Черноречке вам будет даже удобнее: ближе выметаться отсюда!

Персонал базы отдыха, кольцом подтянувшийся к парковке, смотрел угрюмо, недобро.

В “Тишине” очень низкая текучка кадров. Почти все, стоящие сейчас здесь, три с лишним года назад приложили руки к высадке Тихого Леса.

Чемоданы закинули в багажники, Орел и Мирослав сели за руль, Шильцева и Славик погрузились пассажирами, и гости отбыли.

Осознание того, что вернувшийся Макс нарежет мне ремней из шкуры за такие номера, медленно проступало сквозь затопившую мир ненависть.

Никто, кроме него, не смеет так поступать с его гостями.

Да и бог с ним. Нарезет — так нарежет.

Потерянного Максого доверия было жаль, но... я уже всё сделала. Здесь всё равно уже ничего не изменишь.

Кстати.

— Игорь Филлипович, а где Максим Михайлович?

— Там, — мотнул темной головой Новицкий куда-то в сторону предполагаемого пожарища. — Ночью уехал, и пока еще не приезжал.

Откуда-то, как чертик из коробочки, выскочила медсестра:

— Елена Владимировна! А пойдём-ка ко мне, я тебе успокоительную таблеточку поставлю... А если хочешь, то сразу и укольчик!

Я осторожно забрала руку и усмехнулась.

— Спасибо, Валентина Семеновна. Не стоит. Все, представление окончено, все за работу. Я вернусь через час.

От парковки до гаражам два шага, но Сенька неожиданно возник рядом раньше.

— Ключи не отдам! — подозрительно кося на меня взглядом, он боком-боком разворачивался, заслоняя мне проход к гаражу. — В машину не пущу, Елена Владимировна, хоть увольняйте!

Паника и обреченность в голосе бессменного автомеханика “Тишины” заставила меня остановиться.

— Ты у нас такой дурак по субботам, али как? — устало поинтересовалась я словами бессмертного Филатова. — Какое “увольняйте”? Выгоняй Тигрика, повезешь меня по делам.

Сенька неуверенно метнулся взглядом к гаражам. Механиком он, конечно, был от бога. Но вот чтобы что-то водил — такого я раньше не видела. Кажется, Семен понял, что поехать я всё равно поеду, в любом случае, и разрывался выбором: отдать мне машину, с риском что где-то по дороге себя угроблю, и хорошо, если одну только себя, либо же сесть за руль самому. Кажется, оба варианта ему равно не нравились.

Игорь Новицкий решил дилемму, хлопнув Семена по плечу и молча пройдя мимо нас обоих к своей машине.

Облегчение, прорисовавшееся на лице гаражного умельца, было почти смешным.

— Спасибо за беспокойство, Сень, — искренне поблагодарила я и отправилась за Филлипычем.

Его УАЗ в гараж Сенькой, по его личной табели о рангах, не допускался, и потому изнутри успел выстыть, и я забко поежилась в своем пуховике. Игорь крутил руль, выезжая с парковки, а потом с территории. Ворота закрылись, отрезая “Тишину” от нас, а нас от “Тишины”.

— В “Соловьиные Родники”.

Новицкий молча кивнул. Машина рыкнула мотором и свирепо вгрызлась в дорожное полотно.

— Дед на месте? — уточнила я у секретаря заповедника, и она негодуяюще сверкнула глазами, открыла рот, но потом глянула на меня внимательнее, осеклась и молча сняла трубку телефона.

Бессменного директора “Соловьиных Родников” в глаза так не звали, но я, кажется, и правда немного плыла сейчас, не зря Валя с Семеном волновались.

— Проходите, Елена Владимировна.

Новицкий остался в приемной, строить глазки милой девушке — несмотря на его поганый характер, девицы всех мастей от Филлипычева внимания почему-то млели. А я вошла в кабинет, отделенный от приемной тяжелой дверью.

Сухонький старичок, занимавший это кресло, кажется, всегда, встал мне навстречу, приветствуя привычной шуткой:

— Здравствуй, Елена Прекрасная! Проходи, присаживайся, сейчас чаек организуем...

В “Соловьиных Родниках” сотрудников “Тишины” любили. Елистратов умел делать деньги и охотно вовлекал в этот процесс заповедник.

Я тяжело опустилась на давно обжитый стул.

— Поговорить нам надо, Премудрая, это ты верно приехала...

Из кабинета я вышла через полчаса, старательно пряча лицо. В разговоре с Дедом меня прорвало, и я постыдно, некрасиво и унизительно разрыдалась, размазывая по физиономии слезы вперемешку с соплями, и радуясь, что хотя бы макияж я сегодня не успела нанести. В очередной раз.

— До свидания, Елена Владимировна!

Востроносая девица провожала меня любопытным взглядом да самого выхода.

— Домой, в “Тишину”? — уточнил Новицкий, проворачивая ключ в замке зажигания.

— Домой, — кивнула я, вынимая из кармана телефон.

Где-то у меня тут было...

Ага! Вот.

— Здорово, Колобок! — радостно гаркнул в трубку замначальника городского батальона ГИБДД Виталик Буров.

Когда-то у нас с ним было на редкость неудачное свидание: он тогда еще толком не вылез из развалившегося брака и болезненного развода, а я больше думала о четырех оставшихся дома детях, чем о мужике, сидящем за столиком напротив.

Признав опыт провальным, мы договорились больше таких бесчеловечных экспериментов над друг над другом не ставить, зато прекрасно дружили.

— Привет, Виталь. Слышал наши новости?..

К тому моменту, как мы доехали до базы, мой телефон раскалился от непрерывных исходящих и входящих. Я, не стесняясь, мешала с грязью Азоров.

Если кто-то думал, что он один умеет играть по-грязному, то у меня для него сюрприз. Столичные гости в столице может и на верхушке цепи питания, да у нас тут, в провинциях, все чуть-чуть иначе устроено.

Игорь молча рулил и не спрашивал, почему всем остальным я ябедничала телефонно, а к Деду с доносом поехала лично, со всем почтением.

В нашем регионе выживание в индустрии туризма процентов на пятьдесят зависит от того, удастся ли создать устойчивые партнерские отношения с основным туристическим объектом региона.

По влиятельности в Черноречке Дед — где-то третье лицо после мэра, а в нашей сфере так и вовсе — первое. Это его люди создавали зародыш сгоревшего леса, собирали, как бусины на нитку, деревце к деревцу. Это с его незримого благословения был высажен наш лес.

После того, как злые языки разнесут весть, что Азоринвест попал в черный список к Деду, сотрудничать с ним не согласится ни один предприниматель, желающий жить в бизнесе долго и счастливо.

Максим успел вернуться к нашему возвращению.

Когда мы с Игорем поднялись в его кабинет, он сидел на диване упершись локтями в колени, сцепив руки в замок. Широкие плечи поникли, но вот голова не была скорбно опущена — Макс невидящим взглядом сверлил висящую на стене стилизованную сказочную карту своих “земель”. Там, в верхнем углу старославянским шрифтом на зеленом просторе, в окружении елочек было отпечатано “Тихий лес”.

Цвирко присутствовал здесь же, сидел на посетительском стуле, но именно присутствовал: взгляд тоже устремлен в пустоту, на лице бешеная работа мысли.

Они привезли с собой запах дыма, и он, вместе с повисшей тишиной, кричал о случившемся горе.

Не нарушая молчания, я протопала к кофемашине.

Чай, два черных, капуччино. Не спрашивая о предпочтениях — зачем мне спрашивать, я их предпочтения как свои знаю. Адская машина гудела приводами и черт знает чем еще, запах молотых зерен поплыл по кабинету, приглушая запах гари. В нем было обещание.

“Всё будет хорошо. Я узнавала”.

Я разнесла чашки хозяевам.

— Куда подевались наши... гости? — поинтересовался Макс, когда чашка с чаем стукнула о полировку стола перед ним.

— Съехали, — невозмутимо сообщила я.

Артем посмотрел на свой кофе и чуть усмехнулся, по лицу Игоря, обхватившего кружку обеими ладонями, ничего нельзя было прочесть.

Я опустилась на диван рядом с Максом.

— Вот так вот взяли, и уехали? — скептически уточнил он.

— Ну, не сами, — невозмутимо созналась я, — После моего направляющего пинка.

Да! Да, я их выгнала! И не жалею! И никакая сила не заставит меня извиняться!!!

— Дура, — Макс тяжело вздохнул, и меня отпустило. Не выгонит. — На хрена было из-за... из-за этих... репутацию портить?

— Не, всё правильно, — неожиданно подал голос Игорь, оккупировавший дальний угол дивана и нахохленно созерцавший черную жижу в чашке... — Пусть валят. А то Тамара бы им стрихнину на ужин поднесла.

— Дура Тамарка, что ли? — снова отстраненно усмехнулся Цвирко. — Она повар со стажем, зачем ей стрихнин, когда есть пирожки с грибами?

Я усмехнулась и задала вопрос, который предпочла бы не задавать никогда:

— Что пожарные говорят?

— Да хрень они говорят, Лен.

— Что, случайное возгорание? От брошенного из окна окурка? —

со злым сарказмом уточнила я, мгновенно и сразу наливаясь злобой.

— Ага. Зимой. В лесу. Ага-ага. — Макс вздохнул, и взял, наконец, в руки чай. — Нет, Лен, там однозначный поджог, просто не ясно, как его совершили. Живой, промерзший лес очень плохо разгорается. А тут — возгорание началось с нескольких сторон. Плюс — выгорел только молодой лес. Очень аккуратно, сволочи, свое дело делали... Только пока не понятно, как. Как обеспечили возгорание, как направили пламя вглубь массива...

— Да что там понимать, — вставил мрачный Игорь, — Распылили на деревья химию, и вперед.

Я нервно дернулась. Деревья... какие там деревья? Так, прутики хвойные...

Я каждое лето тряслась, что какая-нибудь падаля костер не зальет или сигарету бросит — и полыхнут мои елочки, как нечего делать.

Не того, как видим, боялась.

— Как дети?

Вопрос Елистратова был настолько внезапным, что я некоторое время не могла сообразить, что за дети завелись у нас в “Тишине”, и что именно по ним интересуется Макс. И только мучительные секунды судорожных мысленных поисков спустя, я поняла, что имеются в виду мои собственные дети.

Господи, откуда у него силы находятся?

Все видит, обо всем помнит...

Это я волчицей вою и волосы рву, а он отстоял ночь на пожаре, простился с другом и идет на войну.

— Аллергия, вроде как. Пьют таблетки, болят, ничего не ломают. Дома второй день противоестественный порядок. Ужасное чувство. Я еще держусь, а вот приходящая няня успокоительное пьет.

Кто-то хмыкнул, и я устало поморщилась:

— Думаете, я шучу? Действительно пьет. Говорит — сердце разрывается их такими видеть.

Кофе в чашке осталось на доньшке, а жаль. Медленные глотки меня успокаивали.

— Мне пора, я няню экстренно выдернула, у неё планы на сегодня. Нужно успеть вернуться...

— Как думаешь, это надолго? — Макс задал вопрос со всей осторожностью, понимая, что тут тонкий лед, но я поняла и не

обиделась.

— Сегодня-завтра будет общий анализ крови готов. Если там действительно только аллергия, сразу выйду на работу. Не возражаешь, если мы домик займём? Адка уже про пожар откуда-то узнала, домой рвется, долго в больнице я ее не удержу — пусть уж все тогда под рукой будут.

— Да, конечно, не против, — с облегчением выдохнул шеф, и я улыбнулась.

Я знала, о чем он переживал. Пусть сейчас и не сезон, но база должна работать в штатном режиме, демонстрируя всем желающим, что у нас тут все хорошо и прекрасно. Вот только кое-кому мотаться сейчас по администрациям, полициям и прочим инстанциям. Кто будет решать текучку здесь, если старший администратор на больничном, а владелец и вовсе отсутствует?

Пожалуй, мне было даже приятно, что я нужна.

Я со стуком поставила кофейную чашку на стол, сгребла пуховик и сумку и покинула сию юдоль скорби.

Пожалуй, это даже хорошо, что я нужна. Если я дома останусь, я рано или поздно поеду к Азорам, да не просто так, а одолжив у Сереги Балоева ломик.

— Хоть завтра в космос, — широко улыбаясь, сообщила мне медсестра, выдавая результаты анализов, и я смогла ответить ей только слабо дернувшимися уголками губ.

Потому что краснота у мелочи так и не спадала, вялость и апатия тоже никуда не делась, и прекрасные анализы при этом могли означать только одно — надо искать какую-то более сложную причину, а значит — мотаться по врачам.

Хотелось плакать от жалости к детям, от острого беспокойства. Аллергия, пусть это просто аллергия, господи, пожалуйста, пусть это аллергия.

Завтра из больницы возвращается Ада и я планировала всех вечером вывезти в “Тишину”, и так надеялась, что к тому времени вся эта внезапная аллергия тихонечко устранилась, будто ее и не было. Вот только судя по всему, закончилось мое трехлетнее везение. Мое везение вообще как-то все разом закончилось в тот день, когда я вызвала Аде скорую.

— Домой, банда, — для детей я уже смогла нарисовать на лице широкую улыбку и прилежно сидевшая на скамейке (права Мария Егоровна, сердце разрывается, бедные крошки!) команда сползла и протянула ладошки. Оленьку — в правую, Стаса — в левую, Ярик паровозиком к брату.

До дома мы добрались в непривычной тишине, а из комбинезонов я вытаскивала малышню, как кукол — сонных и безучастных.

— Оленька, не чеши, не надо, — попросила я, видя, как первой освобожденная от оков зимней одежды, дочь начала ожесточенно скрести плечо.

— Чешется-а-а-а, — хныкнул ребенок.

— Давай поцелую и все пройдет.

Я отвела ткань футболки, обнажая покрасневшую кожу, и застыла.

Тоненькая темно-голубая линия-веточка на детском плечике. Как будто она, играясь, ручкой себя разрисовала. Узор таял возле ключицы, но шел ровно по центру красных пятен. А если напрячься, то можно было разглядеть в других пятнах крохотные темные точки — зародыши будущих линий.

Я знала, где я видела подобное.

Это ни хрена не аллергия.

И это ни хрена не татуировка.

Возможно, если бы я была в чуть более спокойном состоянии, я бы вдохнула, выдохнула, заняла бы детей, открыла ноутбук, зарылась бы в интернет параллельно названивая всем знакомым врачам. Но последние дни я могла похвастаться чем угодно, только не спокойствием.

— Мария Егоровна, извините. Я все понимаю, но это последний раз, честное слово, Ада завтра возвращается.

— Макс, где Азоры остановились, случайно не знаешь? Нет, мне по личному вопросу. Нет, не надо мне туда подогнать труповозку! Потом, потом... Все.

— Гостиница “Золотое кольцо”? Елена Колобкова, администратор базы отдыха “Тишина”, вы не подскажете, Мирослав Радомилович Азор сейчас у себя? Он у нас забыл кое-что, хочу подъехать передать. Да, благодарю. Да, предупредите, что я подъеду, если куда-то соберется. Вещь деликатная, хотелось бы лично в руки. Спасибо.

Нажав отбой, я стиснула зубы и вдавила педаль газа.

Забыл кое-что, ага. О-очень личное! Не в “Тихине” правда, а,

простите, во мне, и не сейчас, а четыре года назад. И возвращать это я вообще ни разу не планирую! Но вот кое-какие объяснения кое-кто мне очень сильно должен!

Уже паркуясь перед гостиницей, я посетовала, что ломик так и не прихватила, но утешила себя тем, что вряд ли служба безопасности пропустила бы меня с ним в номер к постояльцу.

Бессердечные они люди! Без понимания.

— Мирослав Радомилович вас ожидает, пятьсот седьмой номер, пятый этаж, из лифта направо.

Я помедлила немного перед дверью, сжала-разжала кулаки. Так, Леночка-умничка, еще раз утвердим порядок действий — сначала выясняем что за генетическую хрень он подкинул твоим детям, а потом уже наносим тяжкие телесные за все хорошее и на десять лет вперед. Ладно, ладно, если не будет сознаваться, можно наносить в процессе выяснения!

Набрав в грудь воздуха, я постучала.

Дверь открылась почти сразу же, и впервые при взгляде друг на друга мы не обменялись дежурными улыбками: я — сервисной, он — донжуановской.

— Я рад, что ты приехала, — произнес Мирослав и посторонился, пропуская меня внутрь. — Лен, давай поговорим спокойно.

— Поговорим, — милостиво кивнула я, позволила закрыть за собой дверь и, как только щелкнул замок, приперла мужчину к стене.

Пришлось встать на цыпочки для большего эффекта, чтобы поймать синий взгляд, пока пальцы вцепились в пуговицы рубашки, расстегивая их одну за другой.

— Нам, Мирослав Радомилович, очень о многом нужно поговорить, — жарко прошептала я ему в губы, прильнув на мгновение. И тут же, отпрянув, распахнула ткань, обнажая гладкую разрисованную кожу. — Например, о том, что это такое.

И я с особым удовольствием ткнула ногтем в одну из линий, расчерчивающих живот.

Мирослав, кажется, малость обалдевший от внезапного перехода от практически изнасилования на обвинительный тон, посмотрел на меня с полным недоумением.

— Татуировка.

— Ложь, — отрезала я. — Еще раз спрашиваю — что это?

Дерматологическое заболевание? Какая-то пигментация? Это опасно? Лечится?

Я чувствовала, что срываюсь в истерику, но ничего не могла с собой поделать.

Внутри что-то надломилось. Как будто все эти годы я заталкивала любые переживания, стрессы, нервы в бездонный колодец, хорошенечко утрамбовывала и заколачивала глухой крышкой. А теперь крышка треснула и все это утрамбованное, с удвоенными силами полезло обратно, разбухая, как на дрожжах, до невообразимых размеров.

На глазах уже блестели слезы, хотелось броситься на Мира с кулаками. Это все он виноват! Все из-за него!

Я зажмурилась, стиснула кулаки, больно впиваясь в кожу ногтями.
— Лен...

Сейчас точно ударю.

— Я ничего не понимаю.

Я отвернулась. Открыла глаза. Нашарила взглядом стол с парой стульев. Проща и села. Посмотрела на Мирослава и произнесла ровным механическим голосом вокзальных объявлений:

— Тебе тоже лучше сесть.

Он не стал спорить и слава богу. Я достала телефон, открыла первое попавшееся фото — Ярик “лечит” плюшевого медведя, обмотав его туалетной бумагой так, что медведя не видно. Синие глазищи сияют, протягивая мне это нечто, и в голове звучит звонкая радость: “Смотри мама, я его так вылечил, что он стал мумией!”.

Я положила телефон на стол, развернув так, чтобы Мирославу было видно, и сказала все тем же чужим, незнакомым мне голосом:

— Ты в курсе, что презервативы дают только 95 % гарантии защиты от нежелательной беременности?

Возможно, стоило подобрать какие-то другие слова, но почему-то вместо этого я сказала ему то же самое, что ответила мне гинеколог, когда я прибежала к ней в панике и с воплями “Как же так?!”.

Мир посмотрел на телефон. Посмотрел на меня. Взял телефон в руки. Посмотрел еще раз очень внимательно.

Я терпеливо ждала. Давай-давай. Переваривай. Сопоставляй. Ты сможешь! Я в тебя верю! Процесс занимает некоторое время, по себе знаю, но ничего, ты ж мужик!

Синие глаза оторвались от фото и поднялись на меня. Омуты, а не глаза. Я подперла подбородок кулаком.

И-и-и-и-и...

— Ты пытаешься мне сказать сейчас, что у меня есть сын?

— Два, — невозмутимо поправила я.

— Два сына?..

— И дочь.

— ?!!!!

— Там дальше еще фото есть, полистай, ага.

Я дала ему несколько секунд на то, чтобы посмотреть эти самые фото, потом прагматично решила, что время на переваривание вышло (чтобы это переварить все равно никакого времени не хватит, я вот до сих пор иногда перевариваю!), и вернула разговор в исходную позицию:

— Итак, повторяю вопрос: что за дрянь у тебя на коже и что мне с ней делать?

Мирослав, не-женат-детей-нет, Радомилович сидел, уставившись на экран, где сейчас горело другое фото — я, вся красивая и сияющая, три синеглазые улыбчивые мордочки в разноцветных блестящих колпаках и огромный торт с цифрой “три”. Хорошее фото. Хотя мне больше нравилось следующее, куда не влез торт, зато влезла Ада.

Отложив телефон, Мир с силой провел ладонью по лицу и снова поднял на меня глаза.

— Так... — произнес он. И было в этом “так” что-то такое прям... весомое. И, пожалуй, пугающее.

Но я не отвела взгляд. Я тебя не боюсь, слышишь? Скрывать мне теперь нечего, а все остальное...

— Так... — повторил Мирослав, с уже чуточку другой интонацией, куда более миролюбивой. — Для начала, это, — он кивнул вниз, на узор из темных линий, — не опасно. Это не болезнь и не патология.

Мне захотелось закрыть глаза и сползти со стула в облегченный обморок. Все хорошо! Это не болезнь и не патология!

— А что тогда? — строго спросила я вместо обморока. Материнский долг суров и беспощаден. Время на обмороки строго лимитировано.

— Черт...

Мир вдруг подскочил и прошелся по номеру туда-обратно.

— Давно оно проявилось?

— Линии — сегодня, — терпеливо отозвалась я. — Краснота еще два дня назад.

— Ну да, все верно, им три исполнилось... — пробормотал Мирослав себе под нос. — Так. Я сейчас позвоню нашему врачу и...

— Врачу?! — кратковременный дзен под лозунгом “пусть истерика будет лучше у него, чем у меня” меня покинул и я тоже подскочила со стула и ухватила Мира за рукав, разворачивая к себе. — Ты же сказал, это не болезнь!

Он стоял передо мной, по-прежнему полуголый моими стараниями, хмурый, ошарашенный, растерянный. И серьезный. Не то, чтобы мы были близко знакомы, но я не представляла, что он может выглядеть настолько серьезным.

— Это не болезнь, Лена, — повторил Мирослав. — Потому что они не люди. Потому что я — не человек.

А потом...

А потом у меня приключилась галлюцинация.

Потому что черные линии на загорелой коже вдруг засветились мягким голубоватым светом. Как новогодние гирлянды на деревьях главного проспекта. Мир поднял руку, ласкающим движением “коснулся” воздуха и тот, повинувшись его пальцам закрутился в маленький смерч, уместившийся на мужской ладони. Кулак сжался, и смерч лопнул, взметнув мои волосы, а татуировки медленно погасли, оставив след свечения на сетчатке.

— У детей началась инициация. Это не страшно, все через это проходят, но я знаю только теорию в общих чертах, поэтому сейчас позвоню нашему врачу и уточню детали. А потом мы поедem к тебе.

Один-один, — подумал мой мозг и отключил всю мыслительную деятельность. Вообще всю.

В голове было звонко, просторно, там парили планеты и вращались галактики.

Я смотрела, как Мирослав берет за телефон, набирает номер, слушала, как он о чем-то говорит. Но не видела и не слышала.

“Я не буду думать об этом сегодня. Я подумаю об этом завтра”.

Спасибо тебе, великая Скарлетт О’Хара!

Я, гори оно все синим пламенем, подумаю об этом завтра...

— Лена, ты в порядке? — Мирослав легонько тряхнул меня за плечи и заглянул в глаза.

Я заторможено кивнула, продолжая пялиться на галлюциногенную татуировку. Мир опомнился, запахнул полы рубашки, торопливо застегнул пуговицы, а потом еще и свитер для верности натянул — на этот раз простой черный, без оленей. Подхватил пальто.

— Идем. Я все узнал. Мне нужно осмотреть их, а завтра привезут настойку. Не пугайся, это не лекарство. Это специальное зелье на травяной основе, оно маскирует энергетические каналы. Его все пьют до совершеннолетия. А некоторые и после, если не хотят, чтобы люди видели... правда, прежде, чем ее давать, надо будет дожидаться завершения инициации, но это дело трех-четырех дней, не больше...

Я опомнилась только когда оказалась в коридоре, а Мир захлопнул дверь и электронный замок мигнул красным.

— Стоять, — гаркнула я, уперев руки в бока. — Сначала, Мирослав Радомилович, ты мне поклянешься, что будешь вести себя тише воды, ниже травы, и никаких мне там “Люк, я твой отец!”, понятно?!

— Лена...

О, в этом коротком слове были все укоризненные интонации всего мира, всех времен и народов. Это было и “да за кого ты меня принимаешь”, и “что я по-твоему дурак?”, и “о женщина — волос длинный, ум короткий”, и много еще чего, что меня совершенно не волновало. Меня сейчас волновало только одно — дети. А со всем остальным я как-нибудь разберусь по ходу дела.

Так что я продолжала перегораживать ему путь и смотреть волком.

— Я буду паинькой, — раздраженно бросил Мир, и стало ясно, что если я попытаюсь прямо сейчас выбить из него еще какие-то обещания, он просто пройдет сквозь меня.

Возможно, даже не фигурально. Кто его знает, на что он способен...

Внутри неприятно похолодело, но я кивнула, повернулась и двинулась по коридору к выходу.

Мне правда было страшно. И утешало только одно — вряд ли бы что-то подобное я вычитала бы в интернете...

Я была благодарна Мирославу за то, что выйдя из гостиницы он направился к своей машине, а не к моей. Я подождала, пока “бэха” пристроится в хвост и вырулила с парковки. Так у меня было время хотя бы капельку прийти в себя. А еще сосредоточиться на дороге.

Полагаю, Миру нужно было то же самое — задать друг другу миллиард вопросов мы еще успеем.

— С детьми сидит соседка, — предупредила я, когда мы оказались возле нашего подъезда. — поднимешься через пять минут, когда она уйдет. Семнадцатая квартира.

Мир скривился, но не прокомментировал и на том спасибо.

Прости, милый, но моя спокойная жизнь — то, что от нее осталось — мне дороже твоих оскорбленных чувств.

...Я никогда в жизни еще не чувствовала себя настолько беззащитной. Бессильной. Беспомощной. Наблюдая за тем, как Мир осматривает детей, я чувствовала себя посаженной на цепь волчицей, вынужденной наблюдать как разоряют ее логово, как чужие, бесцеремонные руки хватают волчат, чтобы... что? Я не знала. Но старательно давила в себе желание вытолкнуть мужчину за дверь, бегом собрать вещи, уехать в “Тишину” и забаррикадироваться там на веки вечные.

Я боялась даже моргнуть, чтобы не упустить лишнее движение, взгляд, чтобы успеть перехватить лишнее слово.

Но Мир повода окончательно вскипеть не давал.

Он, представленный доктором, охотно отвечал на вопросы, задавал встречные, улыбался, шутил, щекотал и снова отвечал на вопросы. И дети оживились, приободрились, разругались. Как будто в них сил влили.

Я припомнила “акупунктуру” и подумала отстраненно, что, может, и влили. И что черный свитер очень плотной вязки тоже был надет не просто так.

— А почему у вас нет стрептококка?

— Стетоскопа, — машинально поправила я, впервые, наверное, за все время подав голос. Господи, откуда они эти слова берут вообще?

— Забыл, — беспечно отозвался Мир.

— Ай-яй-яй, — строго погрозила пальчиком Оленька. — Доктор без стрептококка не доктор!

— Стретоскопа, — поправил Ярослав.

— Стетоскокка, — внес свое предложение Стас.

Мир оглянулся на меня, нервно теребящую кулон на груди, и взгляд был такой пронзительный, что ей богу, была бы я чуть более трепетной дамой, умерла бы на месте от разрыва сердца.

Я нашла в себе силы ответить вздернутой бровью.

В душе царила такая эмоциональная каша, что взглядом больше, взглядом меньше...

Не так, ой не так я представляла встречу детей с их отцом.

Потому что я ее не представляла. До появления Мирослава в “Тишине” — я в принципе и думать забыла, что где-то там на просторах нашей всеобъятной бродит мужик у которого три ребенка, а он не в курсе. А после я просто не успела еще об этом подумать — как. Как сказать? Как представить?

Я даже сейчас, уже глядя на то, как он возится с малышкой не представляла, как им это сообщить и как они это воспримут.

Впрочем, время еще есть. Слишком многое нам нужно прояснить прежде, чем дойдет до столь радикальных действий.

Одно было очевидно — Мир из нашей жизни не исчезнет, перекрестившись “чур меня, чур”. Не сбежит, испугавшись ответственности.

И я не знала, радоваться этому или огорчаться.

Мужчина в моей кухне смотрелся странно.

Я настолько привыкла к нашему с Адой маленькому женскому (и детскому) царству, что в первое мгновение даже слегка удивилась, увидев Мирослава, стоящим у окна, хотя прекрасно знала, что он здесь. Ждал, пока я уложу детей, чтобы поговорить.

— Тебе передали, — произнесла я, приближаясь, и выложила на стол нарядный голубенький стетоскоп из игрушечного набора. — Просили, правда, с возвратом, когда свой найдешь.

Мир усмехнулся как-то кривовато, а я отвернулась к разделочному столу. Щелкнуть кнопкой чайника, достать чашки, проверить есть ли заварка...

Привычные, доведенные до автоматизма действия.

Мир молчал, наблюдая за мной. В квартире было тихо-тихо.

— Мне нужны объяснения, — произнесла я, не оборачиваясь.

Я не знаю, откуда во мне было столько спокойствия, может быть, стрессы там друг с дружкой передрались за главенство и в итоге из них никто не выжил. Подумаешь — не человек! Подумаешь — светится! А у нас в заповеднике, говорят, леший обитает, и ничего, я же как-то живу с этой информацией!

— Мы — альтеры, — негромко проговорил Мирослав. Голос его звучал хрипловато, и он кашлянул, чтобы продолжить. — Если переводить в известные какие-то категории, то, вроде как, маги.

— А маги тоже есть? — позволила я себе пустое любопытство — расширять мировоззрение, так расширять!

— Нет. Есть ведьмы.

— А разница?

— Оно тебе сейчас надо? — Мирослав, устроившийся на табуретке в углу (мое любимое место, между прочим, после детского отбоя!), принял у меня горячую чашку.

Ладно, подумала я, отложим общее образование, и отрицательно мотнула головой.

— Мы умеем работать с материальной энергией.

— И это значит?..

— Значит, не создавать что-то из ничего, а влиять на то, что уже существует. Например, я могу повлиять на потоки воздуха, но не создам ветер вне атмосферы. Я могу повлиять на процессы в твоём организме, но не могу вырастить тебе третью руку.

А жаль, третья рука для матери тройняшек могла бы оказаться настоящим спасением!

— Все это возможно благодаря энергетическим каналам.

— Татуировке.

— Да. Они проявляются у детей в возрасте приблизительно трех лет, но пока что это только зачатки, зародыши будущей системы. Первый этап взросления, инициация. Дальше она будет формироваться и потихонечку наполняться силой, пока где-то в десять-тринадцать лет не наступит второй этап — активация. Только в этом возрасте ребенок получает возможность как-то пользоваться своими силами, но этому тоже надо учиться.

— Понятно, — сказала я, сделав глоток.

“Что ничего непонятно”, — услужливо добавил мозг.

Не человек, ну надо же. Я рассматривала его почти в упор, как картинку “Найди десять отличий”, и не находила ни одного.

Мужик как мужик.

Надо же — альтер!

Кажется, я пробормотала это вслух, потому что Азор усмехнулся:

— Не нравится “альтер”? Тогда есть еще эстус, аргент, домин,

лунар... Зови как хочешь.

“Да не хочу я вас звать!” — мысленно взвыла я.

“Поздно” — ответил мне едкий критик внутри меня. — “Альтер-эстус-домин — уже объективная реальность, данная нам в ощущениях!”

Так себе, кстати, ощущения. Страх перед будущим, уныние и легкое, тщательно подавляемое чувство вины. Злость. И снова страх.

Не самое любимое моё сочетание.

— Есть еще что-то, что мне следует знать? — вернулась я к практической стороне дела.

Мирослав задумчиво почесал лоб.

— Честно, мне проще было бы ответить на вопросы, какие они у тебя есть.

— У меня пока нет, — булькнула я из чашки. — Я, знаешь ли, картину мира обновляю, это процесс долгий и требующий вдумчивого погружения.

— Тогда у меня есть, — нахально заявил Мир.

Я подняла на него глаза.

— Когда ты собиралась мне сказать?

Я с независимым лицом изучила угол позади Азора.

Надо будет паутину смахнуть, а то стыдно чело... нечеловека привести.

Синеглазый вдохнул. Выдохнул. Сменил формулировку:

— Ты вообще собиралась мне сказать?

Взгляд в упор прожигал щеку. Я с неохотой и одновременно с вызовом ответила на него:

— Собиралась. Когда узнала, что беременна, даже детектива нанимала. Кстати, ничего он не выяснил, деньги на ветер.

— Ну, если уж он не выяснил даже того, что я искал тебя у твоей подруги, то действительно — деньги на ветер!

Я оставила едкую реплику без ответа. Можно подумать, у него одного тут есть причины злиться! Вместо этого, я продолжила:

— Когда ты сам внезапно свалился мне на голову, я решила, пусть сначала разрешится вся ситуация вокруг “Тишины”. Мне нужно было присмотреться, что ты за человек. Ну а потом... После... Кхм... — я прочистила горло, подбирая приличное определение, — после всех событий — не собиралась.

— Не собиралась?!

Он вскипел как-то вдруг и сразу. Вот только что был уравновешенный мужик, изо всех сил транслирующий в пространство спокойствие, и тут же — рык, рывк... Хорошо, что шепотом. А то закономерным продолжением “рыка” и “рывка” стал бы “рёв”.

А так, понимая, что Мирослав, в принципе, адекватен (пока еще — ну так дети толком и не старались!), я даже не слишком испугалась, и ответный шепот был пропитан ядом:

— Ну, ты же понимаешь, что с поджигателем леса я не то, что детей, я хлебную корочку бы не разделила? Заплесневевшую, прошлогодней давности!

— Мы не...

— Да-да! — подтвердила я, что песенку про “мы не жгли Тихий Лес” я слышала-помню.

— Елена Владимировна, вы уже второй раз бросаетесь голословными обвинениями!

— Мирослав Радомилович, но когда вы подали заявление, не дождавшись, пока остынет пожарище — вы же понимали, что это будет иметь последствия?

— Я не... — Мир сцепил зубы, заставил себя замолчать и подошел к проблеме с другого бока. — То есть ты бы позволила детям не знать, кто их отец?

Для человека, пребывающего в очевидном бешенстве, он на зависть не утратил самоконтроля и соображения.

— Мирослав, я тебя умоляю! — Я высокомерно поморщилась. — Не путай мягкое с теплым. Тебе о детях я бы не сказала, да. А вот им о тебе — всю правду. Как только они бы задали мне этот вопрос. Надеюсь, к тому времени это уже были бы здоровые пятнадцатилетние кони! Я бы даже постаралась быть беспристрастной.

О, как его перекосило при этих словах! Аж желваки перекатились на скулах. Кажется, о моей беспристрастности он был весьма специфического мнения.

Вот удивительное дело! Как же некоторых уязвляет, что их дети будут знать, что они совершали подлые поступки! При этом совершать оные поступки они считают вполне нормальным.

Мир помолчал, стараясь привести себя в норму, и обманчиво мягким тоном начал:

— Лена, это непорядочно.

Я сама не знаю, почему это обвинение от него меня так задело, но даже не заметила, как вскочила на ноги, и теперь нависла над Миром, опираясь на стол кулаками:

— Да ладно?! Мирослав, мы аннулируем эту сделку, Радомилович, уж извините, но не рейдеру учить меня, как растить детей порядочными людьми!

— Да твою ж мать!

Ого! Мирослав, столичный интеллигент, Радомилович был, кажется, опасно близок к переходу на нашу, провициально-плебейскую абсцентную лексику.

— Ты выслушаешь меня хоть раз до конца!

“А зачем?!” — чуть было не брякнула я из одного только духа противоречия, но инстинкт самосохранения матери троих детей — могучая штука, и я благоразумненько промолчала.

— Лена, “Азоринвест” не имеет отношения к пожару. Мы вообще предпочитаем вести дела исключительно законными методами, в отличии, кстати, от вас, потому что я иначе никак не могу объяснить то обстоятельство, что два из трех автомобилей “Азоринвеста” внезапно эвакуировали на штрафстоянку и неведомым образом там потеряли...

Я изобразила лицом “Ну надо же, какая досада!”

И чего я Виталику Бурову в свое время не дала? Отличный же мужик!

— Лена, — вздохнул Мирослав устало. — Достаточно трудно доказать, что ты чего-то не делал. Но, поверь, такие акции в один день не планируются. Вернее... — он усмехнулся, — Планируются, но там, где это поставлено на поток, и тогда за “Азоринвестом” должен тянуться шлейф из подобного рода “совпадений”, и это проверить проще простого, сеть у тебя под рукой... И если ты уверена, что это мы, тогда уж надо признать, что мы ехали сюда уже с такими намерениями, а не решили это из-за вашего отказа.

— А вы нет? — вздернула я брови.

— Зачем? — он тоже поднял брови, но не сардонически, а страдальчески. — Лен, мы приехали сюда с партнерским предложением. Мы деньги вам привезли! Черт, да мы и подумать не могли, что вы так упретесь — учитывая, какие суммы мы вам предлагали и сколько всего на эти средства можно было бы сделать...

— Ага, — я вроде и не хотела, но удержать сарказм внутри

Леночки не смогла. — Домики покрасить!

— Да что вы докопались до этих домиков?! — скривился Азор.

— Мирослав Радомилович, — надменно ответила ему Елена Владимировна Колобкова, старший администратор базы отдыха “Тишина”. — Если бы мы убивали каждый раз, когда нам предлагают их покрасить, у нас уже было бы приличное киллерское портфолио!

— И очень сытые раки, — пробормотал себе под нос ПростоМир.

— Что?

— Нет-нет, ничего! — быстренько открестился от собственных слов Мирослав, а я изобразила на лице возмущение столь гнусными инсинуациями.

И сделала в мысленной анкете пометку: “Сообразительная сволочь!”. Подумала, и обвела ее красным маркером.

— В общем, поджоги и прочие бандитские наезды — это не наш стиль, Лен. — Мирослав снова вернулся к нашему камню преткновения. — Я не только для тебя это говорю, и понимаю, что как только за мной закроется дверь, ты бросишься докладывать Елистратову... Я не против, честное слово. Наоборот, заинтересован в том, чтобы возобновить диалог, и... Лена. Черт бы вас тут побрал всех с вашим местечковым патриотизмом!

Он потер лицо, выдохнул, и с грустной насмешкой в синих глазах внезапно спросил:

— Ну ладно, в Черноречке все уверены, что раз мы из столицы — значит, по определению, людоеды. Но ты-то?!

А что — я-то, что я?

А то вы, Мирослав Радомилович, не знаете, что я — предводитель восстания. И не надо мне тут светить прекрасными глазками, господин Азор. У меня пока что решения принимает голова, а не то, что ниже пояса.

На всякий случай, я напомнила ему, с чего вообще наш “местечковый патриотизм” взбурлил:

— Когда вы подали требование аннулировать сделку, не дождавшись, пока остынет пожарище — вы же понимали, что это будет иметь последствия?

Мне было грустно. Больно, обидно и грустно. Какого черта он мне тут доказывает, что практически святой, когда дела-то говорят совсем о другом?

— Это была личная Славкина инициатива. Он принял это решение, ни с кем не посоветовавшись, и, поверь мне, уже понес соразмерное наказание... В общем, он больше не решает.

— А решал? — уточнила я, невесело щурясь на чайники в чашке.

Может и не стоило мне во всем этом копаться. Возможно, нужно было сделать вид, что поверила, донести, как он сказал, Елистратову, и дальше сидеть на попе ровно, оставляя эти дела тем, кто должен ими заниматься, но...

Сил моих больше нет.

Я не переговорщик. И не аналитик.

Я просто старший администратор.

И просто женщина.

И я хочу знать.

Мир помялся. Вздохнул.

— Лен, ему двадцать пять, он недавно получил чертовски престижное образование и сразу вслед за ним — должность. Он понимает, что ему это досталось только потому, что он внук основателя и хозяина “Азоринвеста”. И все понимают. Вот он и рвался доказать, что он не просто внук, а и сам по себе “огого”. Первая крупная сделка, мы с Ольгой только страхуем... А тут Елистратов ваш внезапно отказался, хотя предложение жирное, никто бы ему больше такого не сделал. И видно же, что намертво уперся! А когда пожар этот случился, Славик решил, что такую возможность надо хватать, что это шанс довести все же самому сделку до конца. Дурак молодой. Предотвратить не успели, теперь вот, даем вкусить по полной последствий своих трудов. Даже адвокаты из столицы едут ме-е-едленно, чтобы Славка успел проникнуться. Заметь, Лена, я не скрываю — едут. И, когда приедут, камня на камне не оставят от всех обвинений.

Он крутанул пустую кружку. Я, не спрашивая, встала и налила еще чая ему и себе, чтобы чем-то занять молчание.

— Да, он допустил ошибку, но он от этой сделки теперь отстранен, и ее веду я.

Угу, спасибо. Хрен редьки не слаще.

Он длиньше.

Хотя я не мерила.

Мысли, вильнувшие не в ту сторону, я призвала к порядку и утопила в чае. А упорный Мирослав, теперь я веду эту сделку,

Радомилович, продолжил:

— Я клянусь, что “Азоринвест” не имеет отношения к пожару. Ты мне веришь?

Я криво улыбнулась — не ему, а танцу чаинок:

— Скажем, так... Теперь я допускаю, что это могли быть и не вы.

Будем считать, что “Как же с тобой трудно, женщина!” мне послышалось. А то, подстегиваемая стрессами последних недель, я могла бы и добавить трудностей в копилку.

— Ладно, — Мир со вздохом откинулся на стену. — Лучше подумай, кто еще может быть заинтересован в вашей базе отдыха?

Я отмахнулась:

— Да кто еще... — и умолкла.

Черт. Черт-черт-черт!

— Что? — Мирослав даже вперед подался, и глаза азартом блеснули.

Я неохотно, осторожно подбирая слова призналась:

— Несколько лет назад на “Тишину” уже совершалась рейдерская атака, — Азор привычно вскинулся, что их атака не рейдерская, я привычно взглядом дала понять, что я по этому поводу думаю... Обмен любезностями, куда без него. — Правда, не “на мягких лапах”, а силовая. Но в тот раз нам повезло. Сотрудник базы сумел вывезти с территории печать и ключевые документы, а без них захват терял смысл...

Мирослав смотрел странно.

Я ответила вопросительным взглядом: что?!

— Ты тоже там была?

Нет, я мимо проходила!

Макса тогда не было в городе — каждый год в конце лета-начале осени, примерно в одно и то же время, он на пару недель улетал через полстраны, в дикую тмутаракань, порыбачить и пошататься по камчатскому заповеднику. Захватчики подгадали визит именно к этому моменту — уверена, будь он на месте, они на такую наглость не решились бы. Разоружили охрану, согнали персонал в приемную административного терема...

Отобрали сумки и телефоны.

Крепкие ребята в черных масках и с оружием действовали привычно и деловито.

Мы столпились внизу, кучка испуганных людей, в основном, женщин — мужчин на базе совсем мало было. Я придерживала руками объемный живот: на моем шестом месяце он был уже здоровенным.

Трое из нападавших остались на первом этаже, контролировать сотрудников “Тишины”, а остальные быстро, но без суеты расползлись по зданию.

Моё сознание словно расслоилось: я одновременно наблюдала холл, стойку администратора, диваны, мою куртку рядом, которую я же и уронила несколько секунд назад, когда плечистые парни в черном завернули меня от выхода, и одновременно отчетливо видела, как на втором и третьем этажах потрошат бухгалтерию, кабинеты юриста и Елистратова.

Нет, видела — не то слово. Просто знала, и всё. Без каких либо усилий, безо всякого желания со своей стороны, я знала, кто, где и чем занимается. Отдельно по каждому и одновременно обо всех.

От страха тошнило.

“У меня пока нет” — сказал один другому наверху.

Я медленно покосилась вперед всем телом, сгибаясь, сворачиваясь вокруг своего живота.

“Пока не нашли” — отчитался кто-то в телефон.

Первый стон был почти не слышным.

“Ищем, ищем!” — подбодрили черных на третьем этаже властно и уверенно.

Второй стон оказался громче.

Третий... потом я не считала: скулила в голос, обвив руками бесценное пузо, зажмурившись и стиснув зубы, сосредоточившись на ощущениях внутри себя.

И всё же переговоры черномасочных лились через мое сознание.

“Первый, первый, у меня тут беременная, согнулась и орёт, что делать?”

“Четвертый, ты что, с ума сошел?”

“Твою мать, первый, она, кажется, рожает”

Длинная матерная тирада.

“Четвертый, ждите. Сейчас я получу инструкции”.

Испарина на моем лице, я уже ору, не затыкаясь, мое непрерывное “Ой, ой, ой!” — устойчивый аккомпанемент переговоров черномасочников.

Первый на третьем этаже говорит в телефон про рожаящую бабу, и я не достаю своим странным знанием до того, кто ему отвечает, но спустя минуту Первый резко приказывает в рацию: в больницу ее, быстро! Никаких мертвых детей!

Меня подхватывают с двух сторон чужие руки, но я отчаянно пишу, и меня отпускают.

Я поднимаю с пола куртку:

— Сумка! Моя сумка! — и тянусь за ней в общую кучу.

Меня отдергивают, и сумку, кажется, на всякий случай еще раз проверяют.

Я прижимаю к себе куртку, и медленно-медленно семеню к выходу...

Я сморгнула, выныривая из воспоминания.

Меня тогда привезли в поселковую больницу, предупредили, что если начну болтать — пожалею, и один из нападавших, назвавшись мужем, всё сидел со мной, гипнотизировал взглядом, пока не зазвонил телефон, и его не отозвали.

Обыскать мою куртку так и не догадались.

В ее рукав я, накрытая странным предзнанием, за несколько минут до нападения сунула свернутые трубкой учредительные документы и выдранное из печати клише.

А охрану, кстати, Макс после того происшествия сменил.

— Конечно, была, — устало вздохнула я. — Станный вопрос. Я ожидала других. Вроде “удалось ли установить заказчика”.

— И как, удалось? — недовольно отозвался Мир.

— Нет, — отрезала я.

А жаль. Вот кого я бы с удовольствием прокатила на Елань и познакомила с раками!

— Ладно. Не припомнишь точно, когда это было?

Такое забудешь, пожалуй...

Я пожалала плечами и продиктовала, наблюдая, как он записывает дату в телефон.

Черт с ними, пусть роют. Сомневаюсь, правда, что что-то откопают. Утешает только одно: конфиденциальных данных я Азорам точно не выдала. Сама история отнюдь не тайна, её всю полоскали в сети, а свои ежегодные камчатские отпуска Макс с тех пор прекратил.

Мирослав Радомилович отбыли.

Не буду врать, что добровольно.

Просто я спохватилась, что мое развеселое трио вот-вот проснется, отдохнувшее, посвежевшее... А тут дядя доктор.

Дети у меня человеколюбивые, дядя доктор — новенький, ни разу не играный. Ну, и как тут устоять?!

Нет, я не скупая, и не жадничаю делиться с Азором общими детьми (до недавнего времени — моими, единоличными). Просто Азор еще не посвятил меня во все тонкости ухода за альтерами-полукровками, а потому пока что нужен нам в здравом уме и твердой памяти.

Кое-как придя к единому знаменателю с самой собой, Мирослава я попросила на выход.

Он ушел, проникновенно выдав напоследок:

— Лен, я очень рассчитываю, что тебе не нужно объяснять, что о нечеловеческом происхождении твоих детей никто знать не должен. Вообще, о существовании альтеров в принципе никто не должен знать.

Я сладко улыбнулась:

— Уж кто-кто, а вы, Мирослав Радомилович, могли бы быть уверенны, что дозировать информацию я умею!

Вот так-то: не учи бабушку кашлять, сынок!

ПростоМир поперхнулся воздухом (и инструктажем по соблюдению режима секретности), и вдруг ухмыльнулся:

— Кстати, Елена Владимировна! Вы мне свидание задолжали — извольте вернуть! О дате и времени уведомят позже — я просто пока не знаю, к какому времени принято приглашать на свидания мать троих детей! — нахально подмигнул, и бодро поскакал вниз по лестнице, помахивая на ходу голубым стетоскопом...

Что-о-о?

Ну и мерзавец!

Нет, вы это видели, а?!

Ну, я еще понимаю попытку отжать “Тишину” — хотя в приличном обществе за такие вещи сразу бьют битой по зубам.

Но стетоскоп? Детский стетоскоп?!

Нервно хихикая, я заперла дверь за похитителем игрушек.

С ума сойти, у меня будет свидание с отцом троих детей.

Можно было бы отказаться, мотивируя тем, что у меня своих

столько же, а шестерых мне Ада заводить запретила...

Я потрясла головой, вытряхивая из нее дивную чушь.

Ну-ка, где мой телефон?

— Алло. Макс, ты не занят? Ну, слушай!

Пятнадцать минут неразбавленного удовольствия — перераспределения шока в природе. Жалко, не включила видеосвязь — мне жизненно необходима моральная компенсация за все текущие стрессы.

Вот странно, выясняли отношения мы с Миром часа полтора по ощущениям, а смысловая выжимка уложилась в четыре предложения. Всё остальное время телефонной беседы мы с Максом бурно обсуждали, можно ли верить Азору. Оба утверждали, что нет, и старательно друг другу это доказывали.

Отчетливо понимая, что если Мирослав Радомилович не врет, то где-то рядом, под боком у нас с ним, затаилась хитрая, хладнокровная сволочь.

Кисло. Всем было бы удобнее, если бы, кроме “Азоринвеста”, сволочей здесь не было.

Второй разговор был еще сложнее.

— Ада? Как ты, солнце? Ада... — и как в омут с обрыва, — Ада, я сказала Азору про мелких. Не было выбора: анализы показали, что эта сыпь — ни черта не аллергия, а что-то наследственное. Да, пришлось экстренно признаваться и выяснять. Да, повезло, что он объявился именно сейчас. Нет, он сказал, что это не опасно, и... Всё наладится, Ад.

Я разговаривала с ней, и через всё разделяющее нас расстояние чувствовала, что она сейчас испытывает: агрессия, ревность, нежелание неизбежных перемен и страх перед ними... Отражение моих собственных чувств. Яростный протест зерен, уже проворачивающихся в жерновах.

Ничего. Зато перемелется — мука будет.

Вырубив телефон, я всерьез призадумалась: что мне делать?

Пойти, упасть рядом с детьми и умереть трупом (при том, что спать банде оставалось от силы пятнадцать минут), либо запереться в ванной, и те же пятнадцать минут вволю порыдаться?

Психика, она, чай, не казенная. От такого перенапряжения и кукухой недолго поехать, если не стравливать давление иногда.

Так ничего и не выбрала — просто в какой-то момент обнаружила, что сижу на полу, под стеночкой, вцепившись обеими руками в телефон, и вперив взгляд в пространство.

И ладно бы, там что-то путнее показывали — а то дверь и обувная полка.

В комнате зашлепали чьи-то босые лапки, и я вынырнула из оцепенения.

Альтеры, поджоги, Азоры... Да катись оно всё покато. С меня хватит.

Я решительно вскочила, забросила телефон с глаз долой. В конце концов, у меня вот больничный, первый за три года. И я планировала взять от жизни всё!

— А кто-о-о сейчас будет играть с мамой в разбойников? — спросила я, входя в комнату.

— Я, я, я! — запищали дети на три голоса, моментально просыпаясь и прыгая вокруг меня.

— А вот и нет! — я подхватила на руки Ярика, потормашила его, потрясла под залиvistый хохот. — В разбойников будет играть тот, кто сейчас хорошо покушает!

Суп под такую мотивацию зашел на ура.

А дальше мы до вечера увлеченно громили квартиру.

Разбойники и индейцы, родео на диванных подушках и визг-писк до небес. И соседи, притихшие в ужасе, в ожидании, что вот-вот эта стихия вырвется на волю, за пределы квартиры, и разнесет вдребезги и пополам весь мир.

Повезло, миновало.

Перед ужином мы с детьми даже расставили всё по местам — и трехлетки добросовестно мне помогали в меру своих сил. С точки зрения порядка это, конечно,дохлый номер — после ужина они в пять минут раскурочат всё обратно, зато полчаса все были заняты созидательным трудом!

Покормила. Поиграла. Выкупала. Уложила. (25769)

На цыпочках выбралась из детской и взялась за уборку.

Вот во время уборки меня и накрыло.

Я рыдала в ванной, самозабвенно, со слезами, соплями, кусаниями кулака и беззвучными подвываниями. Выплескивала накопившуюся усталость, старх за детей, шок от новости об их происхождении, черт

знает что еще. Я рыдала, размазывая по лицу горячие, горькие, соленые слезы. И, кажется, стальной капкан на сердце разжимался.

Глава 6

Утро пятницы началось с приготовления молочной каши и малодушных размышлений: готовить обед сейчас, или потратить это время на уборку перед возвращением Ады, а потом поступить, как мать-ехидна, и покормить семейство в городе? С одной стороны, с другой стороны...

А, ладно, за один раз материнских прав не лишают!

— Отряд, слушай мою команду! Кто кашу сейчас не съест — тот забирать Аду из больницы не поедет!

Господи, как я люблю, когда у меня есть такие удобные, весомые рычаги влияния! (И дети с отменным аппетитом).

— Какой дуть?

— Синий!

— Синие закончились!

— Желтый!

Ада предупредила вчера, что в больнице больше не останется, и если сегодня ее не отпустят домой (где без нее происходят удивительные события), она соберет вещи в котомку, и сбежит.

Сомневаться в Аделаиде Константиновне мне не приходилось: ежели их козье высочество пообещали сбежать — как пить дать, именно так и поступят. Поэтому мы готовились часам к двенадцати выдвигаться за нашей прекрасной принцессой, а пока развешивали по квартире шарик. Вчетвером: я надувала, а банда пристально следила, готовая наброситься, как только будет завязан последний узелок на ниточке. Потом они некоторое время бурно выясняли, чья сейчас очередь вешать и куда именно. Я в дискуссию не вмешивалась, отлично отдавая себе отчет, что мое дело маленькое: дуть, что сказано.

Шары по квартире распределялись причудливо.

Я усмехнулась. Антоша Цвирко считал, что я слишком уж меркантильна. И я была с ним согласна. Я люблю деньги. Я люблю свою жизнь, когда могу оплатить Адкино лечение и процедуры, не нервничая в ожидании очереди на бесплатную томографию, купить назначенные врачом лекарства, а потом легкомысленно надувать шарик с детьми к ее возвращению, потому что, несмотря на всё это,

могу себе позволить сводить детей на обед в кафе.

Тот, кто говорит, что не в деньгах счастье, видимо, никогда не решал, за что заплатить: за килограмм фруктов для младших, или за лишнее занятие с репетитором для старшей.

Я улыбнулась, и под галдящее “Дай! Дай! Дай!” выпустила из рук очередной шарик, ярко-зеленый, с удовольствием понаблюдав, как его, вальяжный и плавный, поймали на лету и поволокли привязывать к стулу.

— Какой дуть?

В коробке оставались, преимущественно, красные и оранжевые: с дикцией у нас, слава богу, проблем не было, но вот буква “р” шайке пока что не давалась.

Ада похудела и побледнела за эту неделю. Может быть, мне так только казалось, но когда мы, накачанные медицинскими рекомендациями по самые уши, загрузились в Тигрик(а?), я беспокойно поглядывала на неё. И чуть не подавилась смехом, когда она сообразила, что Ада, с точно таким же выражением лица, поглядывает назад, на пристегнутых к детским креслам мелких.

— Всё нормально, — успокоила я бдительную нашу. И на ее вопросительный взгляд ответила: — Дома.

Она кивнула, и вроде бы, беспокоиться перестала, но и в машине, и в кафе, я то и дело ловила ее тревожные взгляды.

Определенно, оттянуть предстоящий разговор не получится.

Собственно, и не получилось. Он нагнал меня дома, на кухне, когда, уложив спать гоп-компанию, мы в четыре руки взялись за ужин.

— Лена, что говорит врач?

Я усмехнулась.

— Врач ничего не говорит, Ад. Анализы — хоть сейчас в космос. Просто их отец... — я замаялась на мгновение, подбирая слова. Осознание до меня еще до самой не дошло окончательно. Картина мира перескладывалась со скрипом и ворчанием (ну на фигу надо было трогать, все ж нормально было!). И вообще я чувствовала себя персонажем дешевого фантастического боевика. Но глядя на растущее в глазах напротив беспокойство, все же выдала: — Он не совсем человек, Ад. Ну и мелкие, соответственно, не совсем люди.

Ада медленно опустила на стол нож, недочищенная картофелина

легла в миску с очистками.

— Ч... что?

— Сходи в спальню, глянь на эту их “аллергию”, — посоветовала я ей, продолжая орудовать своим ножом с нарочитой невозмутимостью, и тщательно следя, чтобы кожура снималась тоненькой лентой.

Решение сказать Аде правду я приняла почти сразу же.

Адка своя, родная. Я в ней уверена. Во-первых, она заслужила. Во-вторых, она ведь будет спрашивать про диагноз, назначения... И что? Врать ей? Зная, что она не просто интересуется, что она переживает, всем сердцем?

Я лучше буду врать Мирославу, что выполняю его рекомендации.

Всё равно такого вранья мне не нагородить. Как и не скрыть натальную роспись от человека, живущего с детьми в одной квартире.

Я ждала ее, отчаянно волнуясь — хоть и не сомневалась в Адке.

Она вернулась из детской с видом презадумчивым. Опустилась на стул, глубокомысленно вперив взор в пространство, помолчала. И, наконец, отмерла:

— Лена, у меня только один вопрос.

Я подняла голову.

— Зачем нам столько картошки?

Я бессильно рассмеялась в фейспалм. От сердца отлегло. Господи, какое это счастье, когда рядом есть человек, которому можно просто и незамысловато доверять!

Мы махнули рукой на ужин, поставили чайник и разговаривали обо всём. Вообще, обо всём подряд.

Я поделилась беспокойством, что из-за вылезших “татуировок” мы не сможем приглашать Марию Егоровну в ближайшее время, а самой Аде пока поберечься бы — нагрузки типа “целый день с гиперактивными тройняшками в одиночку”, ей пока противопоказаны. Но Адка только отмахнулась — без паники, у меня всё под контролем, и категорически отказалась отвечать на уточняющие вопросы.

Потом мы обсуждали Азора, и каким-то образом перескочили на третьекурсников из ее университета. Которые, оказывается, с виду ничего, а при ближайшем рассмотрении — все какие-то сплошь незрелые! Хотя названивал там ей один, все беспокоился, как Ада себя чувствует, но... у него же тоннель в ухе! И татуировки! Тут Адка

стушевдалась, и, бросив на меня взгляд, сдала назад:

— Не, ну татуировки — еще ладно, но тоннель!

Потом Адка отправилась соблюдать врачебные рекомендации и беречь здоровье, а я осталась доводить до ума ужин. “Тихий час” закончился, но Адкин голос и звуки возни из комнаты намекнули, что мое вмешательство не требуется, и я успокоилась. Ровно до того момента, как на кухню выскочили голопузые Стас и Ярик, с жизнеутверждающим “Мама, посмотри!”.

Я глянула — и обомлела, не зная, за что хвататься в первую очередь, за сердце или за телефон: поверх синих линий энергетических каналов проявились такие же, только красные, зеленые и черные.

Господи, что же делать? Надо, наверное, звонить Мирославу?

Не знаю, куда дошла бы моя паника, если бы вслед за мальчишками на кухню не выплыла Ада. Довольная собой, точно кошка, она вела за руку такую же разноцветную и счастливую Ольгу Мирославну.

И ненавязчиво помахивала в воздухе пачкой разноцветных ручек.

У меня ослабли ноги, руки и отнялся язык.

И к счастью — потому что всё то, что рвалось в этот момент из меня наружу, приличная мать при детях всё равно не озвучит.

Что ж, проблему маскировки каналов смело можно было считать решенной!

Телефон зазвонил, когда мы с Адой почти скормили троице полдник.

Низкий голос Макса вибрацией отозвался в ухе:

— Лен, как там ваши дела?

— Всё хорошо, мой генерал! — бодро отрапортовала я. — Вопрос с няней улажу — и, если нужно, смогу выйти уже на выходных!

Макс хмыкнул:

— Да я, собственно, поэтому и звоню... Лечитесь спокойно, Лен. Аврал отменяется. “Азоринвест” отозвал претензию.

Я задумчиво осела на стул. Ада тщетно пыталась сообразить, кто сколько печенок съел, и вычислить, чья же эта, последняя, Мирославичи радостно галдели, каждый настаивал что “моя — нет моя — нет, мо-о-о-а-а-а-а!” с переходом в ультразвук. Следующая реплика Макса с трудом пробилась сквозь этот бедлам:

— Так как там ваши дела?

Есть, есть безусловный резон в утверждении “Чтобы сделать

человеку хорошо — сначала сделай ему плохо, а потом верни как было”. Работает!

Мирослав позвонил ближе к вечеру:

— Привет, — тепло прозвучало в трубке. — Я поднимусь?

— Привет, — растерялась я. — Поднимайся, конечно. Только дети уже спят...

— Как — спят? Еще же только девять вечера!

От этого искреннего изумления мне стало смешно:

— Мирослав Радомилович, а во сколько, по-вашему, ложаться спать дети?!

Невнятное бурчание в трубке стало мне ответом.

Я успела открыть дверь до того, как дверной звонок сыграл побудку всей квартире.

— Проходи, — скомандовала я чертовски красивому мужику в дорогом пальто.

Всё-таки, это противозаконно, быть настолько агрессивно привлекательным. Два года условно!

— Привет... — от фирменной улыбки не мудрено было свалиться с ног, и я затосковала.

Ну, какие “два года условно”?! Тут явно не меньше пяти!

Стаскивая и вешая на крючок верхнюю одежду, под которой обнаружился традиционный уже тандем “свитер плюс рубашка”, Мирослав озвучил план:

— Давай, я сейчас сначала детей подпитаю, а потом по лечению тебе всё расскажу...

И я не нашла причин спорить.

Только напонила:

— Руки мыть — дверь справа.

Он разулся, поставил сумку на длинном ремне и послушно скрылся в ванной.

Адда мелькнула в дверях кухни, и скрылась в глубине. Вид у нее был препакостный.

А я дождалась возвращения Мира, и повела его в детскую. Говорить почему-то не хотелось, и чувствовала я себя с ним рядом... будто восемнадцатилетняя девочка, впервые познавшая таинство физического влечения к красивому сверстнику.

Стеснялась, словом.

Открыла перед гостем дверь в детскую, и он будто бы замялся на пороге, а потом шагнул. Осторожно, тихо. В свете ночника виднелись кровати: двухэтажная, одинарная. Шкафчик и корзина с игрушками. Обычная, не слишком дорогая обстановка.

Дети, такие разные в жизни, спали совершенно одинаково: разметавшись, раскинув руки и ноги, доверчиво открыв незащитные детские животики... Вздохнув, я пошла собирать одеяла и распределять их по хозяевам, а Мирослав некоторое время просто стоял, рассматривая детскую и ее обитателей.

Ночник разбрасывал цветные сказки, и по потолку и стенам нежно плыли то звезды, то бабочки.

Мир склонился над Яриком. Осторожно, бережно провел ладонью по детской головешке, пригладив волосики. Костяшками пальцев провел по младенчески округлой щеке, снова стёк ладонью в волосы. Провел по плечу, улыбнулся расписному животу. Хотел коснуться носа, но не решился.

А тот сопел так сладко, так успокаивающе!

Я отвернулась.

И вовсе я не подглядываю за личным! Я, может, вообще одеяла поправить зашла!

Мирослав посидел рядом со Стасом.

Постоял рядом с Олей, поправил ее одеяло, чудом не спихнутое дочерью со второго этажа. Отвел ей от лица спутавшиеся волосы.

Физический контакт необходим при подпитки, это я еще в прошлый раз поняла.

Но сейчас я смотрела не на передачу энергии, я смотрела, как отец впервые гладит своих детей.

Из детской вслед за Мирославом я выходила смущенная и задумчивая.

Он вильнул в сторону прихожей, забрал свою сумку, и уверенным шагом проследовал на кухню.

— Добрый вечер, — улыбнулся он Адке.

Но Аду какими-то там улыбочками не проймешь, так что в ответ она выдала только надменное “здрассте”, и змеей вывинтилась из комнаты.

Не иначе, проверять, как там Мирославичи.

“Не подумайте. что я вас контролирую, но...”

Я закусила щеку изнутри, чтобы не рассмеяться.

Мирослав выглядел несколько задетым — видимо, давненько ему не случалось сталкиваться со столь безосновательным (с его точки зрения) пренебрежением со стороны молоденьких девушек.

Но подавил он это чувство быстро.

— Смотри, — из нутра сумки появился бумажный пакет. — Это сбор, заваривать на ночь в термосе, с утра поить, один стакан на нос. Это мазь, — он вынул на свет божий аккуратную белую баночку, — Хранить в холодильнике, срок годности — неделя. Мазать, если начнется зуд.

Он задумчиво осмотрел содержимое сумки.

— Больше медицинский рекомендаций, вроде бы, не имею... Сам доктор сможет приехать только к середине недели, раньше никак. Велено держать в курсе, и обращаться за консультацией в любое время дня и ночи в телефонном режиме, вот, держи, — он вынул из кармана джинсов прямоугольник визитки.

Я убрала сбор в шкаф, мазь в холодильник, визитку в карман, и тут Мирослав шут Радомилович с невинным видом выдал:

— Ах, да! Чуть не забыл! — и достал из сумки стетоскоп.

Голубенький, нарядный. И безнадежно настоящий.

— За что?! — вырвался из Лены крик души. — Мирослав, что я тебе такого сделала?

Спохватившись, что Азор уже открыл рот (а список "за что?!" мог выйти длинным!), я торопливо перебила:

— Не отвечай! Это был риторический вопрос!

Вернувшаяся с инспекции детской, Адка за моей спиной поперхнулась смешком. У Мирослава в глазах заплясали черти.

— Послушай, я оценила твою попытку удивить и порадовать детей, честно! — попыталась я договориться с Азором как взрослый человек со взрослым человеком. — Но ты не представляешь, что у нас в доме из-за этого стетоскопа начнется!

Прикинув, какая кровопролитная война развернется за дивную игрушку, я против воли передернулась.

— Ну, в общем, я что-то такое и предполагал, — ответил мне незамутненно-чистым взглядом Мирослав провокатор Радомилович... И достал из сумки еще два точно таких же стетоскопа. — Держи! Я их с

мылом помыл, и спиртовыми салфетками протер!

Я прикрыла глаза, борясь с желанием поколотить мерзавца.

— А наш где? — сварливым тоном поинтересовалась я, хотя на языке вертелся совсем другой вопрос.

Почему их только три?

А я?!

У меня тоже никогда в жизни не было настоящего стетоскопа!

Адка просочилась на своё место. Села. Уставилась на Мирослава в упор, не мигая.

“Что-то грядет!” — как бы говорил опытному наблюдателю этот взгляд.

Мирослав достал из сумки конфеты.

— Это вам к чаю, девочки! — с этими словами он подвинул коробку к Аде.

Я подумала и ретировалась с линии огня — ставить чайник, доставать кружки...

ПростоМира мне, конечно, было немного жаль. Но вмешиваться я не собиралась — себя-то мне в любом случае было жалче!

— Мирослав Радомилович, — Ада благосклонно притянула к себе нарядную коробку с незнакомым логотипом, — А что это за болезнь такая? Вы-то Лене объясняли, но я, знаете, толком ничего не поняла... — голосом простодушной дурочки завела она сладкую песенку.

И всё. На Мира обрушился град вопросов: а что? а как? Ах, это наследственный синдром? А где я могу о нем почитать? Малоизученный? Ну надо же, в наш просвещенный век... А почему вы не обратитесь к частным лабораториям?

Ну, зато теперь понятно, что за выражение было у нее на лице при приеме гостя: пакость эта была продуманная, спланированная и только ждала своего часа!

Адка впилась с Мирослава, как клещ.

С вьедливостью пожарного инспектора, она тыкала в легенду Азоров, проверяя на прочность и пытаясь нащупать слабые места.

С моей точки зрения, Мирославу следовало бы сказать Аде спасибо: ну кто еще им такую проверку боем устроит?

Мир же почему-то не выглядел готовым говорить “спасибо”. Скорее уж, в его глазах читалось тоскливое желание свернуть козе шею,

да и покончить с экзекуцией.

Неблагодарный нынче альтер пошел! Бессовестный.

Адка отрывалась вовсю, видимо, твердо решив отыграться на Мирославе за все наши бессонные ночи и истрепанные мелкими нервы.

Притворившись, что я целиком и полностью погружена в таинство приготовления чая, я усиленно хмурилась, чтобы не сорвать Аделаиде Константиновне бенефис вульгарным смехом, когда вдруг Азор выдал:

— Ада, можно вас на несколько слов наедине?

Они вышли, а у меня как-то сразу поубавилось веселья. Вспомнилось, что Мирослав вообще-то взрослый состоявшийся мужик и умеет быть жестким...

А Адка, пусть и боевая, но молодая девушка. И, чтобы она там себе ни думала, таким как Азор она не противница...

Я медленно села на любимый стул.

Если он Аду хоть чем-то обидит... Хоть как-то, хоть намеком попрекнет или заденет...

Будет он лететь отсюда и боком, и с прискоком, и бегом, и кувырком.

На столе стоял чай, который некому было пить. За окном февральская чернота мерцала огнями соседских окон.

Они вернулись через несколько минут.

Адка села на свое место и с довольной ухмылкой потянула к себе кружку, а Мир задержался в дверях кухни:

— Елена Владимировна, можно теперь вас на минутку?

Я сморгнула, выныривая из воинственной меланхолии. Перевела взгляд с одной на второго.

Хм.

— Да, конечно, Мирослав Радомилович!

Я выплыла за ним вслед в коридор, к самым дверям.

Ого! У нас какие-то тайны? Мы прячемся, чтобы нас не услышали?

Я была заинтригована, но всё равно не ожидала, что меня дернут за пояс домашних джинсов, запихнут в угол, и, загородив от всего мира широкими плечами, шепнут на ухо:

— Лен, я тебя у няни отпросил. Пойдем на свидание?

Э-э-э... Ну... Как бы... Я, конечно, конечно, помню, что должна. Но...

— Сейчас? — растеряно пискнула я.

Руку Мирослав по удивительной забывчивости с пояса моих джинсов так и не убрал, а дыхание щекотало мне ухо. Его запах — горький, будоражащий, чувственный — проникал в кровь с дыханием и через поры.

Здесь, в углу между стеной и грудью Мирослава, было удивительно жарко. То ли управляющая компания мудрит с отоплением, то ли у меня кровь прилила везде, где только можно — даже не знаю, какой из вариантов вероятнее!

— А почему нет? — напирал ПростоМир, не давая мне собраться и придумать убедительные доводы, почему же именно “нет”.

Возмутительная тактика! Тем возмутительнее, что эффективная.

— Но я не готова!

— Соберешься, — убедительно заявил Мир и, кажется, придвинулся чуть ближе.

— Но я не могу так быстро! И вообще!

— Лен, мы поедem в тихое скромное место. Можем даже вообще в соседний город — чтобы не компрометировать доброе имя мамы троих детей. Ты сама понимаешь, что нам нужно поговорить. И чем скорее, тем лучше.

Надо. Надо, да. А о чем? Господи, Ленка, соберись! Найди свои мозги! Я же точно знаю, что они у тебя были!

А, вот, нащупала!

— Отодвинься, пожалуйста. Мне неудобно...

Азор отступил. И даже руки с моего ремня убрал — с некоторым сожалением на породистой физиономии. Хотя, возможно, мне просто показалось.

Кровь медленно прилиwała обратно к голове, и та понемногу обретала способность думать. Тоже, с некоторым сожалением (и уж это мне точно не показалось!).

Свидание — так свидание. Отлично. Я готова. Буду.

— Мне нужно полчаса.

— Замечательно! — просиял Мир, слава богу, не в прямом смысле. Хотя черт его знает, под плотным-то свитером, — Я подожду в машине. Чтобы не мешать.

“Ну, может же быть лапочкой, когда захочет!” — умилилась я, закрывая дверь за господином Азором.

Чтобы сразу вслед за этим предаться панике.

Что делать, что же делать, мне нечего надеть!

Я рванула в свою комнату, в надежде, что при открытом гардеробе на меня снизойдет озарение. Адка прискакала вслед за мной, усиливая панику зловещим шипением:

— Белье наденешь самое старое! И ноги брить не смей!

На секунду вынырнув на поверхность из пучины душевных мук, я одарила глупышку снисходительным взглядом:

— Ох уж эта молодежь! — я покачала головой, — Начитаются этих ваших интернетов, и верят потом во всякую чушь! Между прочим, в прошлый раз я тоже не после конкурса красоты была...

Теперь у Адки в глазах отчетливо читалось: “Что же делать, что делать?!”

Встретившись взглядами, мы вдруг дружно рассмеялись, а уже через миг, обнявшись, беззвучно хохотали друг другу в плечи.

Минутное безумие отступило.

Мне в принципе за четыре последних года было не до свиданий, а потому, за исключением платья, в котором я была в ресторане с Виталиком Буровым, и которое я не надену к Мирославу из бесосновательного иррационального упрямства, хоть режьте, у меня нет ни одной парадно-выгребной тряпки. И что теперь, плакать что ли?

Зато фигура красивая! И грудь какая! И я даже спала последний годик достаточное количество, так что синяки под глазами можно не замазывать за их отсутствием! Не это ли повод чувствовать себя королевишной?

И плевать мне на всё на свете — у меня, в конце концов, свидание! Первое за черт знает какое время!

В гардеробе отыскались симпатичные брючки и в каком-то смысле весьма фривольная блузка, строгая под пиджаком, но без одного весьма себе свиданственная!

Из подъезда я выплыла ровно в оговоренный срок и в приподнятом настроении.

И оно только улучшилось, когда Азор шагнул мне навстречу с букетом роз — темно-бордовых, бархатистых, на длинных стеблях.

— А если бы я не захотела идти на свидание? — я с удовольствием втянула в себя аромат, подумала и вернула букет дарителю: пусть на заднем сидении катается.

Мирослав открыл передо мной пассажирскую дверь:

— Тогда я бы сманил тебя вниз, к машине, — улыбнулся он.

Всё-таки улыбка этим синеглазым невероятно к лицу! По своим сужу.

Мягко щелкнул ремень безопасности, машина мигнула огнями и начала выбираться со двора.

— Ну, ты придумала вопросы? — Мирослав внимательно взглядывался в темноту дороги.

— А что вы еще умеете, кроме подсветки и “акупунктуры”? — наспех выдернула я первую попавшуюся мысль из головы, чтобы не признаваться, что мой организм берег себя и лишний раз об альтерах и прочих чудесах старался не думать. И не удержалась от колкости: — Я же говорила, что не похож ты на китайца!

В доступном для обозрения Азорском профиле улыбка скорее угадывалась, чем присутствовала, но она определенно там была.

— Да, знаешь, в общем-то и ничего... — задумчиво признался он. — Ну, чуть поздоровее, чем остальные. Если есть необходимость, я могу продержаться без сна и отдыха пару суток не теряя бодрости — просто накачивая себя энергией через каналы. Но это очень не рекомендуется, плохо на здоровье сказывается.

— А дети? — тут же забеспокоилась я, вспомнив, что их уже второй день подряд подпитывают.

— Нет, — отрицательно мотнул головой Мир. — Ни им, ни тебе это не опасно: у тебя собственный энергоканалов нет, а детям в определенный период это вообще необходимо и полезно...

Я успокоилась и снова повеселела.

— И что? Всё, что ли?

Мой водитель неопределенно качнул запястьем, и вернул руку на место. Красивые пальцы уверенно оплели руль.

— В общем и целом — да. Есть еще навыки, но все они базируются на перекачке энергии от объекта один к объекту два. И это индивидуально в целом, вопрос личного умения...

Я хмыкнула: всё понятно! Сверхспособности есть, но я тебе о них не расскажу. Но ты спрашивай, спрашивай!

Именно этот момент Мирослав выбрал, чтобы продолжить:

— А есть еще сугубо гендерные заморочки. “Боевое предвидение” проявляется у всех мужчин расы, но в условиях современного мира практически утратило актуальность. Это ценно только для военных, да

и то, только для тех, кто непосредственно принимает участие в боевых действиях. Действует только бою, в условиях физической опасности для самого носителя, “растянуть” хотя бы на группу это чувство не получается, и об абстрактных угрозах не предупреждает... Карьеру на этом не построишь, как видишь: как только перерастаешь участие в боевых действиях лично, рассчитывать можешь только на свой талант. Еще из наших получают отличные врачи.

Я встrepенулась. А ведь действительно! С такими способностями — прямая дорога в медицину!

А Мир продолжил:

— Те, кто из наших, и лечат не как все, а собственной силой, чудеса творят! Правда, недолго: сгорают быстро. Очень трудно вовремя остановиться. Люди живые, их жалко... А энергосистема, при постоянной перегрузке, быстро изнашивается, и к пятидесяти годам доктор превращается в дряхлую развалину, — по скулам перекатились желваки, и я поняла, что эта тема для него личная, живая.

А Мирослав бросил на меня быстрый взгляд, верно оценил скисшее лицо и предложил:

— Еще вопросы? — он снова улыбался, легко, самыми уголками губ и глаз, но красило его это необыкновенно.

— А внешность и синие глаза — это тоже расовый признак? — поддержала я смену темы.

— Нет, это, как раз, семейный, — улыбка стала чуть шире.

Мне стало чуть жарче.

Может, он врет, и помимо встроенного энергетического насоса у альтеров имеются свойства суккубов?

Хотя, в нашем случае, конечно, инкубов!

— Чисто внешне альтеры от людей ничем не отличаются, если прячут каналы, — заверил меня господин Азор. — Еще что-нибудь интересно?

— Да! — рассердилась я на эту улыбочку, на эти руки на руле и бьющую наповал сексуальность в целом.

Но сеанс игры в “Вопрос-ответ” прервал телефонный звонок.

— Алло, — недовольно произнес Мирослав в трубку. — Катаюсь. Нет, Слав, нет у меня никаких дел, просто катаюсь! Да, езжу по дорогам. Мне так лучше думается. Да, один. Еще вопросы будут? Я не злюсь. Да, и тебе спокойной ночи...

Раздражение Мирослава, полыхнувшее в начале, к концу разговора сошло на нет, он ощутимо успокоился, а вот я наострила уши. Выводы получились... интересные.

— То есть, ты не сказал никому о нас? — со злорадным удовольствием поймала я его за руку.

Он весело приподнял брови, блеснул на меня синими глазами, и потянулся за отложенным телефоном. И это всё вместо того, чтобы начать юлить и оправдываться!

— Даже так? Я могу исправить это прямо сейчас, — с нескрываемым наслаждением выдал он, управляясь с телефоном одной рукой и деля внимание между ним, мной и дорогой, — Только, когда тебя будут осаждать орды моих родственников, помни — это была твоя идея! Я пытался тебя защитить!

Ч...Что-о-о?! Какие еще родственники?! Не надо мне никаких чужих родственников!

— Стоп! Нет! Прекрати это! — его руку я успела перехватить за миг до того, как палец нажал кнопку вызова.

— Что — “прекрати”? — веселился Мирослав, мстительно “не понимая”, чего я хочу.

— Всё прекрати! — рявкнула я, — Разговаривать по телефону за рулем прекрати! В конце концов, это не безопасно, ты подвергаешь риску мою жизнь!

— Конечно-конечно, дорогая! — покладисто выдал это мерзавец, кайфуя от ситуации и не скрывая этого. — Чтобы сообщить родителям такую новость, я могу и остановиться!

И БМВ действительно съехала на обочину.

Несколько секунд отчаянной борьбы, попытки выкрутить телефон из сильных рук — и я, сдавшись, заныла:

— Не надо никому звонить! Мир! Ну, Мир! Мирослав!

Не надо, пожалуйста! Я не хочу, я не готова!

Мирослав, будто услышав и сказанное мной, и то, о чем я промолчала, расслабил пальцы, и телефон оказался у меня в руках. А я — в руках у него.

Теплые, бережные объятия. И шепот на ухо:

— Лен, я рад, что вы у меня есть. И уж точно вас не стыжусь. Но прежде чем ставить в известность широкую общественность, я считаю, нам нужно разобраться между собой. Договориться.

Он потерялся скулой о мой висок, и отпустил.

Я осторожно выпрямилась в кресле, приходя в себя и выпутываясь из этого запаха и объятий.

Голова слегка шла кругом.

Да даже и не слегка, пожалуй, а как следует.

— Слушай, — выдала я, пытаюсь заткнуть наболевшим вопросом брешь в обороне. — Вот скажи мне, кем надо быть, чтобы назвать своего ребенка “Радомил”?!

Вместо обиды этот мерзавец бессовестно рассмеялся:.

— Выпендриваться с именами — еще один семейный признак! Знаешь, как Ольку на самом деле зовут? Рогнеда!

Из меня вырвался полузадушенный писк: серьезно?!

Господи, хватит, слишком много потрясений для одного вечера!

Мир веселился, не скрываясь, и, видя, что оппонент “поплыл”, безжалостно добил:

— У нас деда Рогволод звали. И он всю жизнь мечтал, что назовет свою дочь Рогнедой, но сперва не повезло ему — у них с бабушкой два раза по два сына получилось, а потом Ольке — ее угораздило родиться старшей внучкой. Дед и назвал ее, как мечталось. Но Ольга с этим именем всё детство страдала, и так намучилась, что как только восемнадцать исполнилось — взяла паспорт, и в ЗАГС. Дома скандал был жуткий. Ольга уперлась насмерть: прямо заявила родителям — скажите “спасибо”, что отчество не сменила! Я ей пока ничего не говорил, но вот увидишь, она будет рада.

Святая мужская наивность! Остается только умиляться, что он действительно в это верит, учитывая наш осложненный анамнез.

Мир оценил легкое выражение глубокого скепсиса на моем одухотворенном челе, и добавил:

— Я серьезно, у меня есть основания так говорить.

Любопытство вынырнуло из меня на поверхность, и наострило уши, а Мир, тем временем, развил мысль:

— Понимаешь, ты уже сделала для этого самое главное. Ты дала детям нормальные имена.

Я рассмеялась, вспомнив кое-что, и тут же вывалила откровение на голову Азора:

— Вообще-то, имена “Ярослав Мирославович” и “Станислав Мирославович” я выбрала в момент ненависти к человечеству!

— Прости, но “Рогнеду Радомиловну” тебе не перебить! — рассмеялся в ответ Азор, и я с сожалением вынуждена была признать, что да, Рогволод Азор положил меня на лопатки не напрягаясь.

Мир улыбался — мои колкости его совершенно не задевали. На мое сомнительное чувство юмора он пока что реагировал удивительно легко — где весельем, где ответной шпилькой, но ни разу — обидой.

Это радовало.

Всегда ценила людей, с которыми можно не трястись над каждым словом. Нежных принцесс, вокруг которых нужно плясать с бубном, мне и на работе хватало.

— Какую кухню вы предпочитаете в это время года? — учтиво поинтересовался у меня кавалер, когда далекие городские огни приблизились и превратились в улицы Барковска.

Я восхитилась изысканностью его манер, и задумалась, что он будет делать, если я запрошу какую-нибудь тайскую кухню. Некоторое время боролась с искушением так и поступить, а потом понаблюдать, как Мирослав джентльмен Радомилович будет выходить из положения, но человеколюбие одержало победу.

В Барковске мне бывать по делам доводилось, и не то чтобы я хорошо его знала, но пару приятных заведений назвать могла.

— Прямо до светофора, и направо, — бодро скомандовала я.

А кто скажет, что это не человеколюбие, а голод — да будет нам враг!

Ненавязчивая музыка, уютный полумрак. Разноуровневые разноцветные лампочки свисают с потолка, похожие на пробирки — то ли с колдовскими зельями, то ли с геймерскими эликсирами.

Официант в длинном фартуке и пирсингах вручил меню с благожелательной улыбкой и растворился в атмосфере, как чеширский кот.

Листая меню, я чувствовала себя странно. Отчасти — вырвавшимся из-под надзора подростком, отчасти — беглым преступником. За последнее время я успела забыть, как это, выбраться куда-то не по работе и не с семьей. Взгляд то и дело дергался к телефону, проверить — не мигает ли там огонек пропущенного вызова.

Повисшее над столом задумчивое молчание прервал Мирослав:

— Как ты решилась оставить ребенка?..

И слишком серьезно был задан этот вопрос. Слишком... так, словно он знал, сколько на самом деле стояло за этим решением всего, причин и последствий.

Ну... может и знал.

Я пожала плечами:

— Решилась и решилась, — размазывать страдания по тарелке, повествуя о тяготах своей тогдашней жизни, откровенно не хотелось.

Нет уж, Мирослав, успешный бизнесмен, Радомилович, мы с вами не достаточно близки для таких откровений.

— Правда, я не ожидала такого множественного сюрприза, — позволила я себе признаться, и улыбнулась. — Но, я так поняла, это у вас не редкость? Ты и Ольга, у твоего деда тоже, с твоих слов, было дважды по два ребенка?..

Я замолчала, глядя на него вопросительно, и Азор кивнул:

— Да, для альтеров один ребенок скорее редкость, чем норма... Но, знаешь, — Мир ухмыльнулся, — Учитывая Олю...

— Ольгу Мирославовну! — автоматически поправила я, — Ну, или Олюшку Мирославну.

— Олюшку Мирославовну, — послушно повторил Мир, и вид у него при этом был какой-то озадаченный.

Я благородно подавила смехок: смотреть на человека, впервые примерившего своё имя в качестве чьего-то отчества, было забавно.

— Так вот, — быстро взял себя в руки Азор. — Учитывая Олюшку Мирославну — ты тоже здорово постаралась!

Потрясающе! Он мне будет рассказывать, о том, что я здорово постаралась! Я расправила плечи, и смерила нахала надменным взглядом “Я-вообще-то-этих-детей-на свет-произвела!”

К счастью, в этот момент рядом с нами удачно возник улыбчивый и фартучный официант, и дискуссия сама собой сошла на нет: мы оба отвлеклись на еду.

Лучшей приправой к заказанному стейку было осознание, что здесь и сейчас я не мама троих гиперактивных трехлеток, за которыми в общественном месте нужен глаз да глаз, и не старший администратор при исполнении. Я — просто среднестатистический человек, пришедший вечером в ресторан, чтобы вкусно поужинать.

Странно-то как...

— Мир, а кто ты на самом деле в "Азоринвест"? — задала я, давно мучающий вопрос.

— Бывший директор отдела регионального развития, — можно было бы подумать, что он что-то утаивает, но по сверкнувшим глазам было понятно, что ему просто интересно играть в эти угадайки. Ему приятен мой интерес.

— Плохо себя вел, и старший братец погрозил пальчиком, отстранил и приставил нянькой к новому директору?

— Что-то вроде того. Перевел в свои полноправные партнеры, сволочь, сделав свою головную боль и моей тоже. А стоило всего-то раз ему сказать "ты тут главный, ты и решай".

— А... а это, как его... ну бритый череп, серьга, все дела... это что было?

— У вас со всем семейством прям единодушный вопрос! Это. Был. Отпуск!

Интересные у вас, Мирослав Радомилович, представления об отпусках...

— Лен, расскажи мне о детях, — попросил в свою очередь он, когда я сделала глоток вина и поставила бокал на место.

Я задумалась, перебирая в голове истории и события... Ну, про разобранные кровати пока что, пожалуй, не будем. И про то, как они съели водоросли из детсадовского аквариума. И про то, как подбили всю группу пускать сменную обувь, как кораблики в ручье. И про то, как устроили внутригрупповое соревнование: кто утопит больше вещей в горшке. И...

А про то, как они потерялись на территории своей группы, а потом нашлись, я сама предпочла бы забыть, как страшный сон!

— Знаешь, они очень разные. На первый взгляд постороннему человеку кажется, что у них стопроцентная синхронизация, но это не правда. Олюшка очень трепетная. Она нежная, ей всех жалко: маму, Аду, герань...

Про герань, наверное, можно было бы и рассказать при случае.

— Ярик — исследователь, ему всё интересно, — да, и именно так наша группа лишилась всей сменной обуви, а аквариум — водорослей. Но этого я тебе, разумеется, не скажу, ибо куда торопиться?

— От этого с ним бывает тяжело... — "бывает", да. Лорочка сказала бы, что я мастер преуменьшений!

— А вот Стасик из троицы самый усидчивый и основательный. И его очень любят дети в группе и их родители. Ярик слишком быстрый и непоседливый чтобы производить впечатление, Олюшка — внутренний лидер и заводила, но ей другие дети, вне их “тройственного союза” не слишком интересны, а уж их родители — и подавно. А вот Стасик — да-а-а... Обаяние бронебойное. — Я задумчиво качнула вилкой, и подвела итог, — Словом, Ярик обычно влезает в свои шкоды сам, Олюшка возглавляет и ведёт на подвиг братьев, а Стасик втягивает в этот дурдом всех, попавших в поле его влияния. По масштабу катастрофы и изначальным целям зачинщика обычно и вычисляем.

Я развела руками:

— Вот так и живём!

Н-да, с решением не травмировать пока Мирослава суровой правдой жизни у меня явно что-то не задалось.

Но Мир ничего: сидит, улыбается тепло и нежно... Я хотела подколоть его — мол, эта улыбка сразу выдает в нем не обстрелянного родителя, но смутилась и промолчала.

Господи, ну что мне, жалко, что ли, минут наивной веры в то, что его дети — ангелы земные?!

Пусть пока будет, потом сама отсохнет и отвалится.

— А я в детстве залезал на крышу кочегарки, и притащил домой пожеванного собаками голубя, — признался Мирослав, взрослый серьёзный мужик, Радомилович.

Крыша кочегарки... Бедная моя голова, она еще не вся поседела! С другой стороны, этот вырос, и мои, может, выживут.

— А что потом с голубем было?

— Да что с ним могло быть? — Мир хмыкнул. — Отвезли с мамой в ветеринарку, а потом торжественно выпустили. Вступившие в сговор с мамой ветврачи без зазрения совести наврали ребенку, что птичку дома мама с папой ждут...

Я с интересом разглядывала его с интимном полумраке:

— Мирослав Радомилович! Мне показалось, или это сейчас была обида?!

Мирослав Радомилович изобразил всем обликом бурное негодование: мол, как ты, женщина, могла такое подумать?! Но поздно — я уже разглядела в нем того маленького мальчика, которому не позволили оставить себе спасенного голубя.

— Лен, пойдём, потанцуем, — блеснул глазами тот давнишний мальчик, вымахавший в здорового коня, и поймал меня за ладошку.

Выпустил ее из хватки, позволяя коже скользить по коже, и удержал, лишь когда контакт почти разорвался, самые кончики пальцев. Нежно, невесомо.

Я замерла, чувствуя, как меняется мой пульс, как обосновывается он в новом месте. В месте соприкосновения наших рук.

Он терпеливо ждал, не торопя, но и не убирая руки, и я, чуть улыбнувшись томному чувству, разлившемуся внутри, приняла приглашение.

Музыка льется в полутьме, манит и завет. Колдовски лампочки бросают разноцветные блики, не разгоняя темноту, а наполняя ее волшебством. Я плыву в пространстве, лишенном гравитации, удерживаемая на земле не притяжением, а объятиями Мирослава. Это несложно: он намного больше меня. Но его руки сжимают меня бережно, словно опасаясь причинить боль, испугать...

Мы танцуем, спутавшись запахами и дыханиями, и когда он отпускает меня, мне кажется, что я чувствую его дрожь.

И снова — наш столик, и “Официант, принесите нам счёт, пожалуйста!”, и Мирослав настороженно смотрит на меня, а я тянусь за кошельком, чтобы подразнить — и смеюсь, не скрываясь, получив в награду мученическое “Ле-ена-а!”.

Уже в машине, пристегнув ремень, я в очередной раз проверила мобильный: ничего. И не выдержала.

— Слушай, чем ты подкупил Аду?

— Я? Подкупил?! — Мирослав, оскорбленная невинность, Радомилович окинул меня негодующим взглядом, но зацепился за мой, насмешливый, и сдался. — Я обещал ей, что — никакого секса...

Мой хохот веснушчатая коза наверняка слышала в Чернорецке!

Мирослав хмуро сопел — ему, взрослому-серьезному-успешному, Адкино недоверие наверняка было обидно, а признаваться, что мне выставлен аналогичный ультиматум, я и не думала, и только подихикивала самым подлым образом, созерцая сердитый (но оч-чень гордый) Азоровский профиль.

БМВ, такая же серьезная и успешная, как её хозяин, везла нас в Чернорецк.

И я уже даже начала мысленно составлять план, что сделаю,

вернувшись домой, как вдруг...

— Сержант Лысенко. Ваши документы, пожалуйста.

Когда страж дороги еще только подавал нам знак остановиться, Мир метнул в меня испепеляющий взгляд, а я торопливо отвернулась к окну и закусила губу, чтобы не заржать.

— Угу, — задумчиво изучил документы сержант. — Мирослав Радомилович...

— Вы же видите, у меня все в порядке, — ядовито отозвался оный. — мы можем ехать дальше?

— Никак нет! Выйдите, пожалуйста, из машины!

— На каком основании? — с ядовитой любезностью уточнил Азор.

— Ориентировочка прошла, — с непрошибаемой вежливостью отозвался Виталькин подчиненный. — Машина, похожая на вашу по приметам, в розыске числится.

— Ваша “ориентировочка” уже не первый день, как прошла, — Азор давился бессильной злобой, сержант был безупречно интеллигентен, я беззвучно ржала в окно, трясясь всем телом. — Ваши сотрудники меня уже не первый раз останавливают!

— Вот видите! — простодушно обрадовался сержант, — Вы и сами всё знаете! Выйдите из машины, откройте капот!

Мирослав повинился, злобно хлопнув дверцей (могу поклясться, что в мой адрес).

Мурыжили его недолго, минут двадцать — я не успела толком соскучиться в тепле салона.

Вернувшись, Мир, молча убрал на место документы, излучая всеми фибрами неодобрение, пристегнулся, завел машину, и проворчал:

— Странно, что на выезде не прицепились...

Действительно, странно, надо будет Бурову стукнуть на его подчиненных! А то что это, может, меня тут враги из города вывозят, чтобы расчленить под елками, а никому и дела нет?

— Обычно по три-четыре раза за день тормозят, а сегодня только второй, — буркнул он, и тронулся.

Как это ни странно, не кукушечкой, а с места.

Мир скосил на меня взгляд, но я предпочла его “не заметить”.

Не начинай, пожалуйста, не надо, а?

Да, я всё ещё тебе не до конца доверяю. Да, я всё еще не уверена, что это не ты сжег мой лес (ладно, почти уверена, на самом деле,

потому что иначе дудки бы я с тобой куда поехала).

Но я всё еще глубоко сомневаюсь в чистоте твоих намерений относительно “Тишины”.

Поэтому... свидания — свиданиями, но пусть пока всё остальное остается, как есть. Там поглядим.

Мирослав только головой покачал на мою молчаливую декларацию. “Ладно, черт с тобой” — вот что это означало. Ну, или примерно так.

Как ни странно, молчание, утвердившееся в салоне, было вполне уютным. Просто... стороны обозначили свои позиции, вот. Просто одна из сторон немного смочила хвост вином, и потому. возможно, была несколько прямолинейна и демонстративна. И бессовестна.

Но это уж самую каплю.

Автомобиль остановился возле темного подъезда, и я выбралась на волю, крутя в голове вольную цитату из какой-то песни “Вот эта улица, вот этот дом, здесь мои дети учинили погром!”.

Хотя, надеюсь, что не учинили. Адка бы позвонила.

— Лена, — вмешался в мои бестолковые мысли Азор.

Я повернулась на голос, и в мои руки опустился шикарный букет почти с меня высотой.

— Держи, — шепнул мне на ухо Мир. — Ты забыла.

Оу... А ведь и правда, забыла!

— Спаси-и-ибо! — протянула я, — Эх, жаль, завянут...

— Не завянут, — заверил меня Мирослав. И подмигнул.

Ага. Ага! То есть как бы в отношении альтеров поговорка "долго стоят — с любовью подарены" не работает! Работает "долго стоят — кое-кто жульничает".

Я потянулась к шершавой щеке — отблагодарить героя поцелуем, но он повернулся, легко прихватил губами мои губы, и шепнул мне на ухо:

— Пойдем, провожу.

Тяжелая рука приобняла меня за плечи, и под покровительством этой руки (и остального Азора Мирослава Радомиловича) я вступила в подъезд.

Вот наш этаж, вот наша дверь, а вот... Ой!

А вот крепкие объятия и горячие поцелуи на прощанье!

Окей, заверните, беру!

Все беру — крепкие ладони, обхватившие лицо, нахальное, напористое тело, притиснувшее меня к стене горячо и настырно. Жадные губы, бессовестный язык и весь бесстыдный, кусачий рот в целом. Беру звон в голове, разливающуюся по телу патоку, слабеющие ноги.

Букет выскользнул из рук в самом начале и плашмя шлепнула на пол лестничной клетки.

В квартиру я вошла немного позже, чем могла бы, зато настроение у меня было намного, намного лучше, чем могло бы!

И даже Ада, которая вместо щадящего режима и целительного сна предавалась кухонному бдению, не смогла его испортить суровым взглядом и бдительным досмотром с места.

Во взгляде этом легко читалось “Ну и где ты шлялалась?” не озвученное вслух в виду того, что в целом она и так знала, а в частностях я сейчас всё расскажу.

— Минуту! — попросила я, и скрылась в своей комнате.

Переодеться, проверить, как там дети — и можно идти полуночничать с Аделаидой Константиновной.

В кухню я вплыла с коварной ухмылкой.

— Угадай, что мы сейчас будем делать? — спросила я у неё.

И ненавязчиво помахала двумя стетоскопами.

В результате допрос был отложен: две взрослые девицы, обеим за двадцать, некоторое время увлеченно прослушивали друг друга, безостановочно хихикая.

И уже гораздо позже, уплывая в дрему в собственной постели, я вспомнила то, от чего с меня враз слетела сонная нега: о том, ради чего затевалось свидание, мы так и не поговорили! Не обсудили, как нам дальше жить!

Мирослав, твою мать, Радомилович!

Я зло взбила подушку, перевернулась на живот и упала в нее лицом.

Я подумаю об этом завтра!

Глава 7

Куда уходят выходные? Куда они уходят?

Утро трудового дня началось традиционным бедламом. Дети-жаворонки способны внести оживление в любое утро, особенно, если мама их — сова из сов.

Раньше я подозревала, что этих “птичек” мне подкинули. А теперь даже точно знаю — кто.

Я честно старалась распределить свое внимание между Стасиком, Яриком, Олюшкой, завтраком, зевотой и попытками уговорить всё это счастье вести себя тихо-тихо, чтобы дать выспаться Аде.

Справилась так себе: когда я подошла ее будить перед самым выходом из дома, Ада уже не спала, так — цеплялась за ускользнувшую дрему и пыталась досматривать утренние сны.

Загружаясь в машину и выруливая со двора, я в очередной раз подумала, что нам нужно жилье побольше — не дело это, что Ада спит в гостиной, и вообще, в этой квартире нашему табору тесно, но заниматься этим вопросом не было ну никакой возможности, форс-мажор следовал за форс-мажором. Ладно, может, в мае, когда приедем из отпуска... Там, вроде бы, должно остаться свободное время.

Тигрик, рыча мотором, нес меня в “Тишину”.

Ворота величественно отворились перед нами, пропуская на территорию, и закрылись за спиной.

Функция “старший администратор” работала во мне помимо участия головного мозга: посмотреть, кто сегодня на охране, оценить порядок на въезде и парковке.

И, выбравшись из машины, выключиться на несколько секунд, запрокинув голову и бездумно улетев взглядом в небеса, подчеркнутые кое-где верхушками сосен.

Здравствуй, “Тишина”. Я приехала.

Привычное настроение втекало в душу. Там у него него было давно свито гнездо.

— Елена Владимировна, — Сеня привычно появился рядом, только когда я отмерла. — У меня тут к вам дело... Два даже. Вашего Тигрика пора на профилактику загонять. Вы, как готовы будете, скажите.

Плановая профилактика, хоть и была она плановой, ко мне всегда подкрадывалась внезапно: ежегодное расставание с машиной два, три, а иногда даже — о, ужас! — четыре дня вызывала во мне муки, корчи и прочие судороги. Как я без машины? Ну, как?!

На самом-то деле, понятно как — такси рулит, но... Но попытаться я всё равно была должна:

— Сень, ну зачем, а? Ну, ты же и так через день моего мальчика осматриваешь, ну зачем? — до нытья я не скатилась, но скорбь в голосе мне определенно удалась.

— Обижаете, Елена Владимировна! Каждый день! — улыбнулся Сеня. — К пятнице подойдёт? Я за выходные постараюсь успеть...

Ну, поздравляю тебя, Стерва Владимировна, допричиталась. Теперь Семен будет ковыряться с твоим транспортом в законные выходные!

В короткой борьбе совести и эгоизма, совесть одержала сокрушительную победу.

— Забирай сейчас, — со вздохом решила я. — Чего тянуть до пятницы... А второй вопрос какой?

— У меня насосполетел, заменить бы. Ну и так, по мелочи расходников набралось...

Я покорно кивнула: Маргарита Анатольевна будет страдать.

— Хорошо, Сень, подходи после пересменки, посмотрим что получится.

За администраторской стойкой Маша доводила до ума последние утренние дела, а с гостевой стороны стойки скучала Рита, дожидаясь пересменки.

— Доброе утро, девочки. Как ночь прошла?

Маша зажала пальцем строчку в журнале, которую заполняла, и подняла голову:

— Все хорошо, в “кабане” вчера отопление отказало, гостей переселила в “лису”, мастера вызвала. И прошлая смена передала, что у них по территории зверь какой-то шастал. Толком никто не видел, но некрупное что-то. Филлипыча предупредили. Вроде, всё, — серьезно отчиталась девушка. И чуть улыбнулась: — С возвращением!

— Спасибо, — я улыбнулась в ответ. — Максим Михайлович на месте?

— Да, уже приехал, — отозвалась Рита, и вежливо поинтересовалась, — Как ваши дети?

— Спасибо, всё хорошо. Начинайте, пожалуйста.

Родной кабинет, и отработанный до автоматизма порядок: включить свет — запустить компьютер — открыть окно.

“Тишина” не желала ждать, пока Елена Владимировна изволит выйти с больничного, она жила своей жизнью, и работы накопилось прилично.

Как и всякая приличная сова, утро я предпочитала пережидать, одурманив мозг кофеином, но ближайшая кофемашина находилась в кабинете Елистратова, и являться туда надлежало не с пустыми руками, а крепко держа в них ситуацию, информацию и бразды управления “Тишиной”.

В данный момент я в руках держала только мышь, а всё остальное предстояло только загрести. А то начальству на глаза стыд показаться.

Бронирование. Почта. Финансовые документы пока отложим: скопилось, это не дело не пяти минут перед пересменкой. Прием смены у Маши. Привычная, родная рутина повседневности.

До двенадцати работа шла в таком темпе, что головы поднять было некогда.

К обеду я поняла, что обеда у меня, пожалуй, сегодня не будет. А еще, что больничный — это гораздо хуже отпуска. С одной стороны, ты и не отдыхаешь толком, а с другой — твои обязанности, ввиду краткосрочности отсутствия, никому не передаются, а ждут твоего возвращения.

Нет, в следующий раз никаких больничных! Лучше сразу умру.

С некоторым сожалением отказавшись от привлекательной, но малодушной мысли, я продолжила “арбайтать”.

Вместо обеда я сходила к Макс, и лишила обеда и его, заменив вульгарный прием пищи телесной пищей интеллектуальной. Макс не обрадовался, но смолчал, а после обеда отомстил мне самым гнусным образом, прислав на мессенджер сообщение “Уехал по личным делам, если что на телефоне”.

Я в этот момент как раз активно переписывалась со знакомой помощницей режиссера. Их группа собиралась делать фильм про “Соловьиные родники”, и планировала для этой цели остановиться у нас. Я была всеми фибрами “за”, к тому же, киношников нам принимать было не впервой, просто не понимала — чего в конце зимы-то? Почему

не летом, в соловьиные ночи, которые и дали название заповеднику?

В этот момент мне и пришло известие о том, что начальник отбыл, не обещал вернуться — и в итоге, из письма ассистентке режиссера пришлось стирать то, что хотелось сказать начальнику (а приходилось держать в себе).

Почта пискнула входящим.

Ах, то есть, они несколько раз приедут? И сейчас, и весной, и на соловьиные ночи?

Да мои ж вы любимые! Хотите, я вам одни и те же места для всех визитов забронирую?

Ассистентка режиссера Алиса девушкой была исключительно милой и не чуждой чувства юмора к тому же, так что переговоры прошли в теплой, дружественной обстановке. Это не удивительно, опыт общения с киношниками свидетельствовал, что вопли, истерики и драма на ровном месте начнутся позже.

Составив предварительную договоренность, я выслала Алисе смету и вернулась к обработке заказов и выполненных поставок. Опомнилась только в четыре часа, когда телефон запел “Ах Дюдюка, ох Дюдюка! Ябеда и вредина!”

Всё верно, рабочий день подходит к концу, Ада звонит сказать, что купить к ужину...

Однако сказала она совсем другое.

— Лена! — и голос ее в трубке прыгал вверх-вниз, — Лена, детей чуть не похитили!

Сердце куда-то ухнуло, остановилось на мгновение как и вся мозговая деятельность, а незаменимая моя, не дожидаясь от меня каких-либо тупых переспрашиваний и нарастающей паники, продолжила в трубку ломким, задыхающимся голосом:

— Мы гуляли во дворе. Они котенка под машиной увидели и мне показывают — смотри, смотри... я нагнулась — не вижу, а они машину оббежали с другой стороны глянуть. Я пока выпрямилась, пока обошла... на пять секунд задержалась всего-то, ну десять... иду за ними, а их нет нигде. У меня сердце в пятки, но это ж колобчата, с ними всегда так... а потом смотрю... вперед, а они уже в метрах десяти, и женщина какая-то их впереди себя как гусят гонит, а они идут послушные. Я как заорала... как заорала! Она обернулась, голову в плечи — и деру. Ей богу, если бы не дети, догнала бы и... и... — Адка

всхлипнула и шмыгнула носом. — Мы дома сейчас. Все хорошо, только... Лен, ты приезжай, скорее, а? Мне страшно.

— Я еду, Ад, — произнесла я, не узнавая собственного голоса. — Я молнией.

Первый номер телефона я набрала на автомате, на бегу. Не успев даже толком задуматься о том, что делаю.

“Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети”.

Я не могла себе позволить истерически названивать Макс, надеясь пробиться сквозь “абонент не абонент”, а потому нашла другой номер.

Нашла. И не стала набирать. Что-то удержало. Я еще медлила, занеся палец над кнопкой, когда в поле зрения мелькнула долговязая фигура, нужная мне, и я бросилась к Филлипычу наперерез через сугроб.

— Машина нужна.

Было что-то в моем лице такое, что Игорь даже не задал ни одного вопроса, просто протянул ключи.

Уже выруливая на шоссе, плюясь грязным снегом из-под бешено крутящихся колес, я сообразила, что так и не нажала кнопку вызова, чтобы позвонить в полицию.

Ключи провернулись в замке, но дверь не открылась, и я больно стукнулась об нее носом в попытке протаранить.

— Лена, ты? — глухо донеслось из квартиры.

— Я.

— Мой любимый цвет?

— “Отстань-от-меня-ну-нет-у-меня-любимого”, — произнесла я, ткнувшись лбом в холодное железо.

За дверью послышалась возня, скрежет тяжелого по полу. Она приоткрылась на узкую щель, достаточную лишь для того, чтобы медленно просочиться, и стоило мне это сделать, как дверь тут же захлопнулась обратно, и Адка, ловко провернув ключ, придвинула обратно не пойми как притащенный из гостиной комод. Я оценила баррикаду и испытала короткий, но острый приступ гордости.

Ада была бледна, отчего отчетливые проступил боевой раскрас из веснушек, а белобрысые косы воинственно топорщились.

— Лена, Лен... — произнесла она, глядя мне в глаза. — Вот что хочешь со мной делай, но я печенкой чую, что-то в этом всем нечисто.

Вот прям... совсем.

Я знала, что она хочет сказать. Тоже, видать, чуяла этой самой печенкой. И поэтому так и не позвонила в полицию.

Альтеры, ведьмы... чего еще я не знала об этом мире?

Мои дети не пошли бы за незнакомкой тихими паиньками. Они бы помчались, поскакали, перебивая друг друга и торопясь вприпрыжку, наплевав на то, что это “чужая тетя”. Но не пошли бы тихо и мирно, очарованные за считанные мгновения, пока Ада была по ту сторону машины.

Очарованные. Зачарованные? Заколдованные?..

Я впервые не знала, что делать. Как поступить, к кому бежать. Простейшие и очевидные в такой ситуации решения, натыкались на сложности потустороннего характера и давали сбой. Пойти в полицию — моих детей пытались похитить? Кто? Зачем? Дурдом и идиотизм. И что они сделают? “Похитят — тогда и обращайтесь”.

В квартире было душно. Страшно. За дверью мерещились шаги, хотелось задернуть шторы и не выглядывать в окно.

Схватить всех и угнать в “Тишину”? И что там? Что помешает этим неизвестным достать нас там? Охрана на воротах?..

Уехать к родителям? Вот просто собрать всех и уехать? Прощай работа, прощай... все. Нет, если бы это дало гарантию безопасности — я бы так поступила, не задумываясь. Но какие, к бесу, гарантии, когда я понятия не имею, с чем нам в принципе пришлось столкнуться?!

Я посмотрела, как моя банда дружно строит башню из конструктора, ободряюще улыбнулась оглянувшейся на меня Аде, у которой между бровей залегла глубокая морщина, а потом нащупала в кармане телефон и вышла на кухню.

Есть еще один вариант.

Три долгих гудка. Бесконечно долгих. И бодрое “Да, Лена?” на том конце.

— Мир, какие у тебя планы по поводу детей? — выдала я в лоб, не размениваясь на реверансы. В выходные он несколько раз писал, спрашивал, как мы, напрашивался в гости, но послушно сдал назад, когда я дала понять, что мне нужна еще некоторая дистанция.

Я честно пыталась представить, что это мог организовать он — и не смогла. Даже моя паранойя тут давала сбой. И все равно...

На том конце Мирослав слегка запнулся, подавившись неначатой

фразой и произнес несколько растерянно:

— Познакомиться поближе, подружиться, а потом... — он собрался с мыслями от неожиданного вопроса и продолжил уже увереннее и детальнее: — Я планировал остаться пока в Черноречке, все равно нам с вами — и с тобой и детьми, и с тобой и Елистратовым, надо решать вопросы, поэтому почему нет? Ничто не мешает мне застрять надолго, я, кстати, даже квартиру присмотрел, съездишь со мной посмотришь, как оно там на тему безопасного нахождения троих детей? Вы же придете в гости? Но, Лен, — голос стал еще тверже. — Я хочу быть в их жизни. И не дядей-доктором.

Я молчала, ковыряя ногтем слегка потрескавшуюся краску на батарее. Что я хотела услышать? Какое однозначное доказательство вины или невиновности? Разве он мог мне его дать?..

— И в твоей жизни тоже, — прозвучало в трубке чуть тише, но вполне себе четко.

Я помедлила мгновение не в силах решиться и, взяв себя в руки, все-таки произнесла:

— Мне нужна твоя помощь.

Я бросила прощальный взгляд на четыре спящих головы, занявших широкую, кинг-сайз, кровать — Ада в обнимку со Стасом, Ольга — с Яриком — и вышла из комнаты, осторожно и бесшумно прикрыв за собой дверь. Дети, взбудораженные резким переездом и сном на новом месте, уложились с трудом, прошло, наверное, больше часа с того момента как было заявлено — а теперь спать!

После темноты спальни, свет в гостиной резанул глаза, и я потерла их, усталые, покрасневшие и огляделась.

Номер-люкс лучшей гостиницы города сиял чистотой, комфортом, стилем, дороговизной и всем тем, чем положено ему сиять. Я машинально отметила хорошую работу горничных — даже под вазочкой на декоративном столике возле моей руки не было пыли — и поморщилась. В висках противно ныло. Хотелось то есть, то спать, то плакать, можно все сразу, то просто сесть на диван и отключиться, уставившись куда-то в пустоту.

Я как всегда выбрала ни то, ни другое.

Мирослава нигде не было видно.

Ушел?..

Внутри что-то кольнуло.

А потом до ушей донесся приглушенный и неразборчивый звук голоса.

Прислушавшись и определив направление, я двинулась к дверям на балкон. И замерла, привалившись к косяку, обхватив себя руками за плечи, в попытке спастись от зимнего щиплющего холода.

Мир расхаживал по балкону туда-сюда, как тигр в клетке, злой и очень голодный тигр. Хвост кнутом по прутьям, сталь в рыке и все прочее из разряда “не подходи, убьет!”. На февральский мороз ему, кажется, было плевать.

Я попыталась уловить, о чем он говорит, потому что было очевидно, что разговор касается меня, вернее, детей напрямую, но мозг объявил забастовку. Сознание на последнем издыхании еще вылавливало отдельные “да” и “нет” и что-то вроде “немедленно”, но все остальное плыло и тонULO в густом тумане усталости. Даже холод не бодрил.

Из-под полуприкрытых век я наблюдала за тем, как мечется в бессильной ярости отец моих детей, и думала о том, что в этом действительно что-то есть.

Немного стыдно и обидно было это признавать. Грустно еще. И горько.

Но сейчас от того, что я не одна с этой проблемой, что мне есть с кем ее разделить, я испытывала гигантское облегчение.

— С ума сошла? Ты чего мерзнешь? — внезапно раздавшийся не где-то на периферии сознания, а прямо передо мной голос выдернул меня из странной медитативной полудремы.

Мир впихнул меня в номер, закрыл за собой дверь, попытался растереть и отдернул руки:

— Тьфу ты, я сам холодный. Спят?

— Спят, — кивнула я.

— Сходи в душ, погрейся. Я ужин заказал новый, а то все остыло уже. Вот-вот принесут.

Да, детей и Аду мы накормили, а сами не успели как-то в суete...

Я почти повернулась в указанном направлении — душ это хорошо, да, отличная идея — но замерла.

— Мир, спасибо. Я не знаю, как я смогу...

Он скривился, как от резкой зубной боли.

— Не начинай, пожалуйста, а? Не надо этого всего.

Я нахмурилась, готовая заявить, что сама решу, что надо, а что не надо, и вообще!

Я чувствовала себя немного душой. Вот тебе и сильная, и независимая, а чуть что всерьез припекло — поскакала как миленькая искать защиты у мужика и переваливать проблемы с больной головы на здоровую.

А еще...

— Это и мои дети тоже, — мягко вклинился Мирослав в мои мысли.

Да, именно. Это и твои дети тоже. И если раньше твои притязания я могла с легкостью отместить тем, что “без тебя до сих пор обходились и дальше обойдемся”, то теперь я упустила это преимущество. Сама по собственной доброй воле передала тебе козырь и теперь предстоит разгрести последствия и этого в том числе.

Как все же сложно выстраивать отношения с человеком, с которым тебя объединяет только одна ночь, но при этом трое детей.

— Иди в душ. Тебе надо расслабиться и выдохнуть. А то лопнешь.

Я сдулась. И пошла куда послали.

Под текущими струями воды, прижавшись лбом к холодной плитке, я стояла практически без движения, наверное, добрых полчаса. Грелась. Отмокала, позволяя воде смыть с себя не столько грязь, сколько усталость, напряжение и нервяк. Потихоньку отпускало. Расслаблялись мышцы, расправлялись плечи. Утекали в водосток сиюминутные заботы, отодвигались временно на второй план глобальные.

Прав он. Надо выдохнуть, а то так недолго и задохнуться.

Я вышла из душа взбодрившаяся и посвежевшая и только вытеревшись сообразила, что не захватила себе никакой пижамы. Детям все собрала, Адку проконтролировала, себе смену на пару дней, белья и одежды... а пижаму забыла. И сменное белье в сумке осталось...

Влезать в ношеное после такого душа не хотелось.

Я обшарила растерянным взглядом ванную и наткнулась на тряпичную стопку на стуле — махровый халат с логотипом гостиницы, мое белье, чистое, и чужая футболка.

Кое-кто своевольничает, шарится по сумкам и лезет с предложениями, о которых никто не просил.

Как жаль, что я уже давно и бесповоротно выросла из того прекрасного возраста, когда легко делаешь себе плохо, лишь бы только

кому-то назло! И теперь моя преклонная душа требует комфорта и чистоты.

А о том, что эта разрисованная сволочь втихушку заходила сюда, пока я тут в полном неглиже принимала водные процедуры, я вообще думать не буду! Не буду...

Не буду, я сказала!

Футболка тонко пахла лавандовым стиральным порошком и вполне прилично прикрывала все неприличное, а халат оказался тоже мужским, и я утонула в нем, как в облаке белой пены. Только еще такой, которая с подогревом.

Я выплыла из ванной вся такая благоухающая и нелепая в одежде не по размеру с чужого плеча, и почти сразу угодила, как муха в паутину, в ловушку из вкусных запахов. Пахло розмарином, и мясом, и печеной картошкой, и было ощущение, что желудок сыто тяжелел от одного только аромата.

Я потуже затянула пояс халата, напоминая желудку, что у нас фигура. Она пока еще есть и хорошо бы ее сохранить!

Мирослав сидел за столом, уткнувшись в телефон. Вид — деловой, подвид — домашний. Рукава рубашки закатаны, волосы взлохмачены и уже скорее против замысла стилиста, чем согласно ему. Он хмурился и излучал раздражение пополам с недовольством, но при моем появлении разгладил лицо и отложил телефон.

Я устроилась за столом напротив и сунула нос в тарелку.

М-м-м...

— Приятного аппетита, — мужской голос звучал несколько иронично.

Ну, я бы тоже зубоскалила, если бы вывалившаяся из душа девица в безразмерном халате вгрызлась в еду так, будто последний раз ела в прошлом веке.

— Спасибо, — я все же протолкнула еду в желудок прежде, чем ответить, так что получилось вполне благовоспитанно. — Все очень вкусно.

— Сам заказывал!

Я закатила глаза и картинно прижала руку к груди, выражая степень своего восхищения, потрясения и всего остального перед столь героическими усилиями.

Мир хмыкнул, и дальше мы ели в тишине.

Вроде, и надо было столько всего обговорить. Вроде, надо было узнать, на кого он там строжил и требовал мер и до чего дострожился и дотребовался, но не было сил. Никаких, вообще.

Когда три часа назад я максимально емко и без лишних эмоций пересказала ему, как моих детей чуть не украли прямо из-под носа у внимательной и ответственной няни, среди бела дня, в своем дворе, на глазах у кучи народа, и никто ничего не заметил, пока Адка не заорала и не бросилась в погоню — всё, что я услышала в ответ было отрывистое: “Собирайтесь. Сейчас буду”, а потом он отключился.

И, кстати, про полицию даже не заикнулся.

С “сейчас буду” все было понятно, а вот от “собирайтесь” я поначалу меня растерялась. Куда собирайтесь, как собирайтесь, как надолго собирайтесь? Сразу видно, что человек отродясь не собирал никуда малолетних детей!

Я даже успела позлиться на него, пока собиралась и собирала. И была в общем-то благодарна за эту злость — она здорово отвлекала от всего остального.

А в то же время эта злость была очень показательной — я уступила ему ответственность за наши жизни, вот что говорила эта злость. Потому что, завись решение проблемы по-прежнему от меня, я была бы холодна и собрана. Ни на какие посторонние эмоции во мне не осталось бы места.

Мир явился через рекордные двадцать минут в сопровождении серьезных ребят с лицами терминаторов, распихал по ним сумки, с самым серьезным видом поинтересовался у детей, кто из них жаждет первым прокатиться у него на шее, и подхватил самую смелую Ольгу, которая вообще по сидениям на шеях главный специалист. Потом мы все загрузились в черный минивен и отчалили, чтобы причалить к ярко освещенному входу “Золотого кольца”.

Аду расспрашивали уже в машине.

Бритый налысо, синеглазый мужик, представленный Брониславом Роговолодовичем, въедливо и дотошно выяснял детали происшествия, занявшего от силы минуту-полторы. Но он раскладывал эту минуту скрупулезно, по секундам.

Его интересовало всё: в какую сторону незнакомка вела детей, кто был во дворе, где стоял, как себя вел, как отреагировал на поднятый Адой шум... Особое внимание он уделял внешности женщины.

Ада терпеливо и старательно отвечала на вопросы, не злясь, что они скачут вразнобой и повторяются по несколько раз.

Мирослав не вмешивался в допрос. Он сидел с Олюшкой на коленях, придерживая одной рукой обоих сыновей, и внимательно слушал. При загрузке так расселись случайно: место рядом с мальчишками я оставляла для Олюшки и себя, но когда туда сел Мир, посмотрела на этих четверых рядом — и не стала сгонять.

Глаза у детей были круглые, но не испуганные, а скорее любопытствующие. К обилию незнакомых лиц они отнеслись философски и даже не галдели, с интересом всех разглядывая. На вопросы, обращенные уже к ним, малышня ответила с невнятным изумлением — котенок? какой котенок? какая тетя? какая машина? И Бронислав легко отступился. Было видно, что он не особенно на что-либо и рассчитывал. Согласна, свидетели из трехлеток так себе! Ему еще повезло, что они ничего не сказали, куда сложнее, когда их свидетельские показания кардинально разнятся! Нам с Адой “дело о столовых приборах, пропавших из запертого ящика” еще пару месяцев потом в кошмарах снилось.

— В общем и целом, картина ясна, — подвел лысый итог допросу, обращаясь к Мирославу, а потом добавил в сторону Ады: — Вам повезло, что она вам ничего вам не сделала...

— Это ей повезло, что я ей легкие через ребра не вырвала! — зверем ощерилась моя девочка.

Маленьким, испуганным, взъерошенным зверем. Но — способным, тем не менее, исполнить угрозу. И, не прими она решение в первую очередь уводить детей, с нее стало бы запросто пойти в рукопашную.

А Бронислав, господи, ну и отчество, Рогволодович невозмутимо продолжил, будто его и не перебивали:

— Могла бы брызнуть вам в лицо чем-нибудь из баллончика и сделать свое дело.

Так мы оказались в люксе. Разместились, накормились...

Перекормились даже, пришла к выводу я и решительно отодвинула от себя тарелку.

Мир закончил раньше и последние пару минут практически неотрывно на меня глазел. Кусок в горле от этого взгляда не застревал, но вот душевное волнение просыпалось. Нервы, и без того натянутые как струна, готовы были лопнуть. Потому что так смотреть нельзя.

Категорически. Этот пронзительный взгляд однозначно стоит запретить законом!

— Спасибо, что позвонила мне, — неожиданно произнес он.

— А кому мне еще было звонить? — я дернула плечом, благодарность застала меня врасплох.

— Елистратову.

— Я и ему позвонила, — честно призналась я. — Он вне доступа.

Дрогнули ресницы, сужая глаза, раздулись крылья точеного носа. И у меня внутри в ответ на это что-то протяжно и томительно екнуло. Должен бы уже иммунитет выработаться, а поди ж ты! Екает и екает, зараза!

Но злится Мирослав свет Радомилович эффектно, в этом не откажешь. И тут мироздание, не иначе как услышав мои мысли, послало на мой телефон входящий: понравилось? На! Продлим удовольствие!

— Да, Макс, — я поднесла мобильник к уху и неблагодарно отвернулась, пресекая любование.

Разговаривать под пристальным взглядом синих глаз было почему-то одновременно неловко и забавно.

— Лен, ты звонила? — голос Елистратова звучал обеспокоенно. — Игорь сказал, у тебя что-то сумасшедшее стряслось.

Я поколебалась мгновение, не зная, в какую сторону качнуться. Нет, что я расскажу дорогому Максиму Михайловичу про похищение, я знала. Не знала только, когда. Я бы доверила Максиму все, что угодно, но не была уверена, что прямо сейчас его нужно сразу вводить в курс дела. Про чертовщину я сказать не могу, а сидеть на месте Елистратов тоже не станет. Нужны ли мне поднятые на уши полгорода, я не знала. Один раз с поджогом перебаламутили уже. Как бы не получилось как в той притче, когда на крик “волки!” никто не прибежит.

— Да дети. Решили на мою голову вывалить все непрожитые болячки за три года. Температура под сорок подскочила, Адка аж скорую вызывала. Все нормально уже, сбили, вроде, сказали, что бывает. Я завтра возьму отгул ладно? Няня справляется, но для спокойствия душевного, можно?

— Не вопрос, — напряжение из голоса Макса пропало. — Может, вам привезти чего? И вообще ты в “Тишину” с лазаретом, насколько я помню, собиралась.

— Спасибо, да, Аде просто надо еще на прием завтра с головой. А

там, наверное, и переберемся.

Мы распрощались. Я нажала “отбой” и подумала, что тишина в комнате прямо-таки звенит. Мирослав, мы совсем не ревнивые, Радомилович даже не пытался прикинуться, что его совершенно не волнует, о чем и с кем я там разговариваю. Я мысленно хмыкнула и, спасибо Макс — напомнил, набрала номер Филлипыча.

— Угонщица, машину когда вернешь?! — страдальчески возопил тот в трубку.

— Завтра, — заверила я. — Спасибо, что выручил, родина тебя не забудет.

— Меня вообще никто не забывает, — зловеще прошипел коллега и отключился.

Я окончательно отложила телефон. После душа и ужина, силы чудесным образом вернулись, и я готова была приступить к собственному допросу с пристрастием, но Мирослав меня опередил.

— Что у вас с Елистратовым?

И вроде бы обычные слова — но тон, но выражение лица и взгляд... Игривую бодрость общения с Максом и Филиппычем как водой смыло.

Азор смотрел на меня в упор и взгляда не отводил. Закономерный, вроде бы вопрос. Вот только интонация, которым он был задан...

Злость поднялось мгновенно, как пена на кофе: только что был благородный напиток, и вот уже — затопившая всё грязная лужа.

— Мы друзья, — произнесла я ледяным тоном. И добавила, чтобы окончательно расставить точки над і и пресечь какие бы то ни было претензии: — Близкие.

Нет, а что ты думал? Я тут в вакууме жила, твоего появления ждала у окошка?

Синие глаза опасно сверкнули.

— Насколько близкие? И насколько друзья?

Теперь его злость уже не казалась мне красивой. Кровь стукнула в виски, и я медленно, выговаривая сквозь спазм в горле, протянула:

— Да... Быстро же ты счета за услуги начал выставлять.

— Ты о чем?! — изобразил непонимание Мир.

— Я о том, что на вопрос про Макса я уже отвечала. И задан он был тогда совсем иначе. И даже сейчас, ты спросил — я ответила. Ты помог, чтобы помочь или чтобы сделать меня обязанной? Какого беса я должна

оправдываться за то, что сначала позвонила старому другу, а не мужику, которого знать толком не знаю?!

Обида жгла изнутри и закипала в слезных протоках кислотой.

Я отвернулась — не хотелось показывать свою уязвимость. За кого ты меня принимаешь? Ищешь доверия — а сам? Где оно, твое альтеровское, черти бы вас всех задрали, доверие?

Отвернулась — и не заметила, как Мирослав подошел, аккуратно, но крепко подхватил меня под локоть и куда-то потащил. Я сперва удивилась, потом растерялась, потом разозлилась — какого черта он себе позволяет?! Но до двери из номера была пара шагов и вот уже она запахнулась, а там охрана. Еще два шага, и Мир с грохотом опустил кулак на дверь соседнего номера.

Я-таки выдернула локоть, отвоевывая свою свободу, но ничего не успела сказать.

— Славик, выйди! — “попросил” открывшего нам Всеслава Всеволодовича Мирослав очень сдержанным тоном, и тот, переведя дикий взгляд с меня на него, с каменным лицом шагнул в коридор, а меня тут же впихнули на его место и захлопнули дверь.

И только тогда я поняла, чего ради были проделаны все манипуляции. Чтобы спокойно, не сдерживаясь, не боясь разбудить спящих детей... орать.

— А ты думаешь, что я знаю тебя?! — рявкнул Мир от души. — Я приехал на переговоры, а вместо этого получил кучу обвинений и такую же кучу детей от женщины, которую видел раз в жизни! Женщины, которая смотрит на меня, как на врага, и которая только и ждет от меня гадости и подлости. Я не сволочь, Лена, но я не собираюсь быть запасным вариантом, на случай, когда другой мужик просто оказался вне зоны доступа!

— Я так и знала, что все сведется к этому!

Что ж, Мирослав грозный вы наш, Радомилович, я рычать тоже умею, поверь!

— “Я хочу быть в вашей жизни!” — передразнила я. — Хочешь быть в нашей жизни или хочешь дирижировать нашей жизнью, мистере-не-запасной-вариант? Ты уж определись! Ты думаешь, я бы бросилась к тебе, если бы ты не нагородил этих всех потусторонних заморочек, от которых у меня мозг взрывается?!

— Я нагородил?!!!!!

— Ну не я же!!!

— Да ты хоть понимаешь, насколько тебе повезло, что я оказался здесь, когда у детей началась инициация?! Что бы ты делала, если бы мы не приехали?!

— Уж поверь, что-нибудь бы придумала. Три года как-то справлялась!

Мы орались самозабвенно и отчаянно, глядя друг другу в глаза и еще больше распаляясь от того, что каждый был убежден в своей правоте и не планировал пересматривать точку зрения. Эмоции мешались пополам с рациональными объяснениями, закручивались, накручивались, выплескивались...

— ...я тут перед ней на задних лапках прыгаю, лишь бы не спугнуть, не обидеть лишний раз, а она жалеет, что до бывшего не дозвонилась!

— Он не бывший! — взбеленилась я.

— Настоящий? — голос Мирослава сочился ядом. — О-очень близкий друг?

— Да, друг! Но у меня с ним никогда ничего не было.

— Не дает?

Оглушительно звонкий звук пощечины. И тишина.

Обожженная ударом ладонь тут же противно заныла.

Дура ты, Ленка, ой дура...

Мирослав медленно подвигал челюстью. А потом негромко произнес с самым глубокомысленным выражением лица:

— Да, это было определено лишнее.

Помолчал еще немного, глядя на меня — тяжело дышащую от крика, нервно сжимающую кулаки, и добавил:

— Прости.

И вот тут я, наверное, наконец-то ему поверила. Когда он просто по-человечески психанул. Когда мы оба просто и по-человечески психанули.

Я подняла руку и ласкающим жестом коснулась кончиками пальцев пострадавшей щеки. Мир дернулся отстраниться, упрямо насупившись — не нужны мне ваши жалелки — но я не позволила, прижала к горячей коже всю ладонь. Погладила, а потом скользнула ей дальше, зарываясь пальцами в густые пепельно-русые волосы.

Впервые с нашей повторной встречи я сама, первой прикасалась к

нему, а не просто сдержанно (насколько получалось — сдержанно) реагировала на его прикосновения.

Полшажочка и привстать на цыпочки...

Стук в дверь вмешался дисгармонией в сердечный ритм.

— Мир, а Мир... — донесся из коридора глухой голос Всеслава, чтоб ему икалось всю оставшуюся жизнь, Всеволодовича. — Вы там ругайтесь на здоровье и дальше, только я телефон на столе оставил, брось, а?

Азор коротко рыкнул, закатил глаза и убрал руки, каким-то незаметным образом оказавшись на моей талии.

Талии сделалось одиноко и зябко.

Со вздохом подтянув поясok халата, я направилась следом за Мирославом, понимая, что мы сейчас все равно вернемся в наш номер.

Ох уж этот племянник! Орательное настроение — и то испортил!

— Брось в него ноутбуком, — посоветовала я прежде, чем Азор-старший открыл дверь Азору-младшему. — Если как следует постараться, есть шанс, что больше он ничего не испортит!

Синие глаза казались почти черными, наверное поэтому Мир прикрыл их веками, спрятал сумасшествие взгляда за ресницами.

— Нет здесь его ноутбука, он с ним выскочил, — пробормотал Мир.

Надо же, а я и не заметила, когда пришла. Странно, да?

— Не ленись, сходи за своим! — назидательно заметила я Мирославу, я психанул, Радомиловичу.

Он насмешливо фыркнул в ответ, очнулся, ухватил меня за руку и потащил из сего не гостеприимного места.

Так мы и вышли из оккупированного для скандала номера: он впереди, аки ледокол, прокладывающий путь во льдах (“льды” охраны старательно делали вид, что их тут нет, и всячески старались не затруднять навигации), за ним на буксире я, маленьким, но очень гордым судном.

Славик, радостно шагнувший к своему номеру, напоролся на взгляд Мирослава, и смутился:

— Ну, извини!

Когда он встретился глазами со мной, я всем видом дала понять, как невыносимо я его презираю. Вот просто кушать не могу, как подумаю, что он на одной планете со мной!

Обаятельная прощу-прощесная улыбка Азора-младшего увяла:
— Что?!

И я испытала легкое злорадное удовольствие, от того, что он так и остался стоять в коридоре, разводя руками и не понимая, что происходит.

А то-то же! Не одной же мне...

— Мирослав, давай замнем для ясности, — я заговорила первая, когда за нашими спинами закрылась дверь в номер. — Если я хожу с мужчиной на свидания, это означает, что на свидания я хожу только с ним. У меня нет привычки завязывать новый роман, не завершив предыдущий. С этим всё?

— Да, — кротко отозвался господин Азор.

Ну, ведь паинька же!

На переговорах бы так.

— Если я звоню Максусу с просьбой о помощи — это означает только то, что он четыре года разруливал проблемы, с которыми я к нему обращалась, не отмахивался и не требовал платы. В той форме, о которой ты сейчас подумал — особенно. Если ты продолжишь... — я запнулась, пытаюсь сформулировать, что же именно он делает, не подобрала подходящего определения и обобщила: — вот это всё, я не стану относиться к Максусу хуже. А вот к тебе — да.

Я посмотрела на Мира, проверяя, как отнесся к моим словам, и уточняя, есть ли у него что сказать в ответ, и он примирительно поднял руки:

— Да понял я, понял. Лен, вся эта ситуация просто выглядела так... Будто я гожусь только чтобы перекантоваться, пока на горизонте не появится Елистратов.

— Нет, не так, — пробурчала я, отводя взгляд. С его стороны мое поведение действительно смотрелось, мягко скажем, некрасиво. — Эта сцена выглядела так, будто я предпочитаю принимать ухаживания, не чувствуя себя от них зависимой...

Да, у меня пунтик на этой почве! Да, гордые Колобки не чужды комплексов! Что теперь?

— Что у меня с Филиппычем, тоже будешь выяснять? — поинтересовалась я, пряча за вызовом смущение.

— А что тут выяснять, — ворчливо отозвался Азор, — у вас с ним организованная преступная группировка...

Снова возникшее было между нами напряжение сгинуло, испугавшись моего смешка.

Ну что ж, если Мирослав свой допрос закончил, то самое время мне приступить к моему.

— Мир, объясни мне в конце концов, что сегодня произошло вокруг моих детей?

Я упала на диван, устроилась с комфортом в своем-его белом халате, подобрала под себя ноги и развесила уши, готовая не сдаваться без боя. Но воевать не пришлось.

Мир тоже сел, только в кресло, сцепил в замок руки, пристроив локти на колени.

— На самом деле все довольно просто и очевидно. Даже не пришлось слишком сильно копать. — Он посмотрел на меня каким-то странным взглядом. То ли колебался, то ли подбирал слова. — Наши, как ты изящно выразилась, “потусторонние заморочки” крепко завязаны на природные источники силы. Мы воспроизводим ее и сами, но внутренние ресурсы, во-первых, ограничены, во-вторых, довольно медленно восстанавливаются, особенно если использовать способности не от случая к случаю, как я, например, а регулярно. Существующие природные источники давно поделены между видами и семьями, однако время от времени появляются новые. Их поиск и обеспечение доступа и является одним из важнейших направлений деятельности любой семьи. В Азоринвесте подобная деятельность прикрывается региональным развитием.

Мне очень хотелось с глубокомысленным видом протянуть: “ах во-о-от оно что!”. Но перебивать не решилась, только изобразила на лице озарение вперемешку с просветлением. Мир понятливо ухмыльнулся.

— Да, “Тишина” стоит на таких источниках. Не знаю, какие высшие силы заставили тебя перебраться сюда из столицы, но для того, чтобы вынашивать, рожать и растить альтеров более идеальное место найти сложно. Именно поэтому мы так вцепились в “Тишину”. Мало того, что источник, да еще и со всеми удобствами.

Ну? Что я говорила? Кто гений? Я гений!

— И для некоторых особо мнительных повторяю, — в голосе, от которого у меня периодически начиналось усиленное мурашкообразование, прорезался яд: — мы не собирались отбирать базу у законного владельца. Только застолбить место и обозначить

присутствие для прочих желающих, которые однозначно со временем объявятся.

Ой ну я же уже так старательно делаю вид, что верю! Чего ему все не верится-то?!

На самом деле, я верила Миру. Верила в то, что он конкретно — не собирался. А вот что через некоторое время мог решить кто-то другой, кто окажется у руля — это уже совершенно другой вопрос...

Но речь сейчас, в общем-то, не об этом.

— О том, что место застолбили до нас мы узнали только когда сгорел “Тихий лес”.

У меня от этих слов болезненно дернуло сердце.

Стоп. Это он к чему клонит?! К тому, что те, кто сжег лес, пытались похитить моих детей?! Нет, скажите на милость, как я смогу два раза их четвертовать с особой жестокостью?!..

— Шишки посыпались на нас, но мы-то знали, что мы этого не делали. А потом ты упомянула про попытку рейдерского захвата. Мы принялись копать и накопили, что в регионе есть довольно крупная ведьминская община, которая, теперь это стало очевидно, наложила лапу на источник куда раньше нас, и которой альтеры тут даром не сдались.

— Погоди, что значит — наложила лапу? Да, была попытка захвата, но она же провалилась. Других попыток не было, предложений, вроде вашего, тоже не поступало...

Мирослав кивнул — закономерный вопрос — и пояснил:

— Лен, мы все стараемся не светиться.

Я против воли бросила взгляд на линии, выглядывающие из-под расстегнутой верхней пуговицы рубашки, и хрюкнула смешком. Мир одарил меня надменно-укоряющим взглядом, но продолжил:

— Не-людей довольно много. Но мы держимся кланами, небольшими семьями и даже внутри вида не особенно контактируем из соображений безопасности, не говоря уже о межвидовом общении. В одном доме со мной могут жить сирена, ведьма и оборотень, а я не буду иметь об этом ни малейшего представления. Да, конечно, какую-то информацию можно добыть, если знать как и где искать, как, например, мы узнали о ведьминской общине. Но не более того. То, что я сейчас озвучу — мои предположения, но, есть основания думать, что они очень близки к истине. Скорее всего после провалившейся попытки захвата

они просто побоялись привлечь к себе внимание повторными действиями в том же направлении. Залегли на дно, решили выждать. Все равно источник — вот он, рукой подать. О нем больше никто не знает. Более того, место доступное — бронируй номер да наслаждайся сколько влезет. Пока не появились конкуренты, можно и не суетиться с риском себя выдать.

— И тут приехали вы, — мрачно озвучила я.

— И тут приехали мы, — согласился Мирослав.

— А как они узнали, что вы — это вы? Ну в смысле, что вы именно источник хотите прибрать, а не просто по делам?

Мир вздохнул.

— Я подозреваю, что в «Тишине» есть ведьминский ставленник. Кто-то из работников. Им же нужно держать руку на пульсе. Даже если вы с Елистратовым не обсуждали с персоналом намерения столичных завоевателей, все равно наше появление настораживает. А копать информацию умеем не только мы. Дальше уже могли что и послушать-вынюхать, что переговоры идут не ахти, ну и решили вопрос кардинально. «Тихий лес» им без надобности, там ничего ценного — с магической точки зрения — не было. Вот базу надо было брать осторожно, без жертв и пострадавших, чтобы не потревожить тонкие материи.

Я все еще переваривала ошеломляющую новость про «ставленника» в «Тишине» — это ж у кого-то из «наших» выходит рука на лес поднялась?! — а Мир продолжал.

— А потом с лесом не выгорело... — он сам на себя чертыхнулся за второй «удачный» подбор слов. — Я не знаю, как они узнали про детей, Лен. Не имею ни малейшего представления. Но женщина, которая их пыталась увести точно была ведьмой. С учетом того, что они — способ давления и на «Тишину», и на нас... выводы очевидны.

Он немного помолчал, изучая собственные переплетенные пальцы.

— Мы пока не знаем, как их найти, но мы их найдем — это я тебе обещаю.

Утихшая было ярость разгоралась во мне с новой силой. Я и за «Тихий лес»-то готова была на клочки порвать, а теперь... источник, предатель на базе, ведьмы и альтеры, и дети — мои дети!!!

Что-то крутилось еще на периферии сознания, какой-то вопрос, на который я пока что не получила ответа...

— Почему у них не получилось? — хвост мысли был пойман, а сама она водружена на место и озвучена. — С детьми? Почему? У них же там всякая эта ваша магия...

Мир посмотрел на меня и ухмыльнулся — как-то лукаво, задорно, с чертовщинкой.

— Почему-почему... потому что няня твоя — ведьма!

— Сам ты ведьма! — обиделась я за ребенка. — А Ада — нежный котик!

— Твой нежный котик, при необходимости, наглухо замуштрует среднестатистическую танковую дивизию, — фыркнул Мирослав, и я тут же завелась.

— Ой, как будто это что-то плохое! Твоей “танковой дивизии” муштра еще ни разу не вредила!!!

— Стоп-стоп-стоп! — поднял руки Азор. — Мы говорим не про мою танковую дивизию, а про гипотетическую, это раз. И я не утверждаю, что это что-то плохое — это два.

— Правильно не утверждаешь, — царственно кивнула я, кутаясь в халат, как в щит. — Потому что это полная чушь. Будь Ада ведьмой, эта похитительница сегодняшняя своими ногами не ушла бы. Она бы вообще никуда не ушла — Адка бешеная собственница и лютейший территориал, любые посягательства пресекает немедленно и порой избыточно агрессивно. А играй она против нас — просто не стала бы мешать коллеге сегодня. Да и вообще... Может, она не сказала бы мне правды о себе — тайна есть тайна. Но я не верю, что она не нашла бы способ предупредить меня о возможной опасности, и уж тем более, не верю что она не приняла бы заранее мер безопасности!

Мир покивал:

— Всё верно. Есть еще третий вариант — она сама не знает.

— В смысле — не знает? Чего не знает? — я с некоторым подозрением разглядывала Мира. — Слушай, а такие вещи о себе вообще можно не знать?

Мирослав хмыкнул.

— Да запросто. Между наличием способностей и их сознательным применением — дистанция огромного размера. Скажи, с твоей няней ничего странного в последнее время не происходило?

— Она упала и головой ударилась, — съязвила я. — Думаешь, после этого у нее ведьмовской дар открылся? Хотя то что упала — как

раз не странно. В том месте каждую зиму кто-то падает, и не по одному разу...

Мирослав продолжал смотреть на меня выжидательно, и я рассердилась:

— Мир, это бред! Я ее четыре года знаю, она обычная молодая женщина, просто чуть более наблюдательная, чем остальные!

И тонко чувствует состояние окружающих. И здорово определяет ложь. И как будто слышит, когда о ней думают. И...

Мирослав смотрел на меня с интересом.

— Высокий уровень эмпатии — еще не аргумент! И вообще! Какие ваши доказательства?! — уперлась я.

— Никаких, — Мир удовлетворенно откинулся в кресле, и вид у него был иронический. — Лен, я не видел, как она колдовала, и никто наверняка не видел — потому что она, скорее всего, и не умеет. Моё утверждение построено от противного: кто еще мог увидеть другую ведьму сквозь отвод глаз? В принципе, конечно, любой человек может. Но после обучения особым приемам или с помощью специальных инструментов. Проломить чужое колдовство без подготовки и тренировок, да еще и не заметить этого, может только другая ведьма.

Я сложилась на диване максимально компактно, подперла подбородок кулаком — то ли роденовский “Мыслитель”, то ли опершийся на свой хвост Удав из мультика.

Ведьма или не ведьма? Ведьма? Не ведьма?

Ой! Да какая, к чертям, разница?!

Ведьма, не ведьма... “Мы ответим — ну и шо! Всё шо наше — хорошо!”

И подведя этой проверенной народной мудростью черту под душевными метаниями, я объявила Мирославу свет Радомильчу свою волю:

— Во-первых, это всё ересь и неправда. Во-вторых — ну и как я ей об этом скажу?

— А надо?

— Что значит “А надо?”?! — вознегодовала я. — Знаешь ли, если бы я была ведьмой, я бы хотела об этом знать! Иногда мне очень надо уметь превращать людей в жаб!

— Ведьмы не превращают людей в жаб.

— Ну там тогда на метле полетать...

— И не летают.

— Ой, всё! Ну... а отсушить что-нибудь кому-нибудь?..

— Это могут.

— Во-о-о-от! — торжествующе протянула я.

— Теперь лично я — точно говорить не хочу.

Я, не выдержав, рассмеялась, а потом устало потерла заслезившиеся глаза.

— Засиделись мы. Пора спать, — тут же среагировал Мирослав, поднимаясь и нажимая кнопку вызова горничной.

Их прискакало целых две. Одна занялась столом, на котором остались тарелки от нашего ужина, а вторая сгрузила на стол стопку постельного белья и принялась сноровисто раскладывать и заправлять диван.

Я порадовалась, что Мир останется здесь и направилась в спальню. Там меня ожидал супер-квест “утрамбуй поплотнее трех детей и при этом ни одного не разбуди”. Мои деточки — они жидкость, и сразу занимают все свободное пространство.

— Ты куда? — Мирослав перехватил меня за локоть и кивнул на диван. — Это тебе. Нужно выспаться, и у меня есть подозрения, что на отдельном спальном месте это сделать проще.

Проще, конечно, но...

Зудело спросить, где будет спать он. Мне отчаянно, до дрожи не хотелось, чтобы он уходил. Пусть даже в соседний номер. Меня почему-то совершенно не успокаивали амбальные фигуры за дверью, зато присутствие Мирослава — успокаивало. Вокруг него была какая-то непостижимая аура надежности.

Возможно, в памяти просто слишком ярко сохранилось воспоминание о том, как он спас меня от насильников четыре года назад, и как хорошо и спокойно мне рыдалось на груди, обтянутой толстовкой с черепом. И забота, и безграничная нежность, перетекающая в жгучую страсть и снова сменяющаяся ласковыми невесомыми прикосновениями.

Я посплю и на кровати, только останься.

Язык почему-то не повернулся это сказать. Когда четыре года приучаешь себя быть сильной, быть слабой потом тоже приходится учиться заново.

Мир щелкнул каким-то выключателем, и свет приглушился. Не

выключился полностью, но померк до слабых сумерек, давая облегчение усталым глазам.

— Выключишь потом, как будешь готова?

...И я с изумлением пронаблюдала, как Мирослав устраивается в кресле, с комфортом вытягивая ноги на пуф, ерзает, усаживаясь удобнее, и, откинув голову на спинку, закрывает глаза.

— Ты что, собрался спать здесь?!

Один синий глаз открылся, сверкнув нереальной радужкой даже в темноте, и смерил меня с головы до ног.

— Ты же не думала, что я куда-то уйду в такой ситуации?

— Здесь — я имела в виду кресло, — отозвалась я, скопировав до малейшей интонации снисходительный тон, но ликуя в душе. Остается! Он не уйдет! — Не страдай ерундой ради всего святого, тебе нужен сон точно так же, как и мне.

На самом деле, меньше, конечно — но могу же я “забыть”?

— А на этом диване четверым места хватит, — щедро закончила я.

И пока мужчина переваривал заявление, я сбросила халат и нырнула под одеяло.

— И свет — сам выключай!

Я в общем-то не особенно рассчитывала, что мое щедрое предложение будет принято. Я в общем-то и делать его не рассчитывала — как-то само вырвалось! У меня, в конце концов, стресс! И уж кто-кто, а Мир должен знать, что я в стрессе творю страшные вещи и принуждаю мужчин ко всякому. В постель вот — в диван! — затаскиваю. И ведь всякий раз не подумавши, по дурости исключительно.

Я ведь правда сказала это без всякой задней мысли, я бы и Максу (тьфу ты, не ко времени вспомнился) в подобной ситуации без стеснения предложила то же самое, потому что не в темные века живем раз, и ничего в этом такого нет, а вечер был тяжелый и день завтра предстоит не легче, так что всем спать — и выспаться.

Вот только сейчас от негромкого шелеста ткани (он там раздевается, что ли?!), я против воли стиснула ноги, между которых внезапно стало жарко и томительно. Отвернулась, зажмурилась, вжалась в спинку дивана, натянула одеяло по уши, намертво закусил губу — ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу.

Диван чуть скрипнул и прогнулся. Обнаженных бедер, не

прикрытых футболкой, коснулся прохладный воздух, когда Мир приподнял одеяло, чтобы тоже под него забраться.

Я зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли разноцветные круги и звездочки.

Но ничего не произошло.

Мирослав повозился немного, укладываясь, и затих, не предпринимая в мою сторону никаких провокационных поползновений.

“Ну и слава богу!” — облегченно подумала я и расслабилась.

“Э... обидно как-то!” — решил вместо меня организм и напрягся.

Я ощущала мужское присутствие рядом каждой клеточкой тела, дрожью по позвоночнику, тяжестью в животе. Хотелось ерзать, искать более удобное положение, чтобы только отвлечься от мыслей о том, что за моей спиной лежит умопомрачительно красивый мужик, с которым у меня был умопомрачительно классный секс. Вот только про наши отношения сейчас сказать “сложные” — это ничего не сказать, и добавлять к ним еще и вот это все мужское-женское...

И я лежала, не шевелясь, не дыша. Кажется, целую вечность.

А потом за спиной вдруг раздался шумный выдох, и меня сгребли в охапку.

Без робких поползновений, без прощупывания почвы, не давая мне времени на раздумья, как в прошлый раз, Мир одним движением подмял меня под себя, и я едва успела протестующе пискнуть, как мой рот накрыли горячие губы. Тяжелая ладонь одновременно с этим мазнула по бедру, задирая футболку...

И когда мой голый живот коснулся его живота. Когда мой язык коснулся его языка. Когда мои пальцы вцепились в жесткие плечи, а его — мягко сжали...

Мне кажется, уже в этот момент я испытала микро-оргазм.

Словно почувствовав, что сопротивление сломлено, не успев толком зародиться, Мир притормозил. Поцелуи сделались долгими, жаркими, тягучими, медленными. Он не торопился стягивать с меня свою футболку, но не отказывал себе в удовольствии под нее забраться, и мне хотелось плотней прижаться к каждому щекочущему прикосновению.

Хотелось запустить пальцы в густые волосы, самой пройти ладонями по горячему гибкому телу, кожа к коже, дыхание к дыханию...

Но... Но. Но!

— Мир... Ми-и-ир, — тянула я, задыхаясь. — Стой. Не надо!

— Почему? — наглые губы оторвались от моей кожи лишь на мгновение, чтобы выдохнуть вопрос, и тут же снова к ней припали.

— Мне няня не разрешает! — мысли путались, и рассудок хватался за соломинку.

— Мне тоже, — доверительно сообщил Азор и горячо прошептал прямо на ухо: — Мы ей не скажем.

“Ну, если не скажем — это, конечно, другое дело!” — решил мозг и благополучно отключился, исчерпав аргументы “против”.

И я сдалась, отпуская внутренние запреты. И откликнулась, раскрываясь, потянувшись к нему.

К жарким поцелуям, к жгучему желанию, к острому, ослепительному наслаждению...

Один раз. Второй. Третий...

— У тебя интересные представления о выспаться, — сонно пробормотала я, распластавшись по дивану выброшенной на пляж медузой. Казалось, что у меня не осталось на теле ни одной не зацелованной клеточки, и оно от этого стало мягким и безвольным. Вот только все равно, губы скользящие по влажному позвоночнику, вновь шевелили внутри что-то безумное.

— Когда я говорил о выспаться, предполагалось, что ты будешь лежать на диване одна, — резонно возразил Мирослав, бессовестный растлитель многодетных мам, Радомилович. — Но ты права.

В голосе звучало сожаление, а когда я перекатилась на спину, на грудь мне упала давешняя футболка.

— Прикройся, коварная женщина, а то спать ну просто невозможно!

Я мстительно ткнула его в разрисованный живот, и Мирослав повалился на спину, утягивая меня за собой. Борьба была недолгой и с весьма неожиданным исходом. Потому что футболка таки оказалась на мне, Мир — подо мной, а вокруг — уютный одеяльный кокон.

Я не уснула, я вырубилась — стоило только на мгновение закрыть глаза.

Глава 8

Утро началось классическим мамским образом: со шлепанья множества маленьких ножек, как будто кто-то спозаранку выпустил из спальни стадо гусей.

Понятно, кое-кто загрустил на просторах кинг-сайз кровати.

В этом месте важно не дышать и притвориться мертвой: тогда, возможно, удастся еще немного поваляться. Одеяло приподнялось, выпуская прохладный воздух и не только.

Раз, два, три... Ага, полный набор!

Возня, но тихая — Адкина дрессировка дает свои плоды, и теперь птицы-синицы делят мамино тело в ожесточенной, но молчаливой борьбе. К сожалению, мечта поваляться не сбылась: Ярик, проигравший брату и сестре в конкурентной борьбе за бока, не растерялся и улегся на меня сверху.

Своя ноша, конечно, не тянет, но четырнадцать килограмм на живот и грудную клетку — это все же перебор. К тому же, Олька со Стасом тут же взревновали, что кое-кто Мудрый устроился получше, и дележка территории зашла на второй виток.

Устав участвовать в игре “Царь Горы” в качестве горы, я “проснулась” и с рычанием сгребла свое богатство в охапку.

Богатство запищало и завизжало, но когда это нас, хищников, такие мелочи останавливали? И я с кровожадным “ам” принялась надкусывать всё, что подвернулось на зубок — сладкие шейки, острые локти, брыкучие коленки, садистки дуть в круглые расписные животы, дьявольски хохоча на попытки вывернуться, щекотать ребрышки и пятки...

Хорошо, что Мирослав проснулся и ушел с полчаса назад. Могло бы выйти неловко. И если раньше я только подозревала, что жаворонковские гены в моих птичках — его наследственность, то теперь имела неопровержимые доказательства!

Признаю, я несколько увлеклась, истязая своих отпрысков, а потому возвращение Мирослава заметила, лишь почувствовав взгляд спиной.

Обернулась, само собой — а там он стоит. Откинулся на стену, в

костюме, с эффектно взъерошенной влажной прической и стильной небритостью.

А тут я стою: на четевереньках, с утробным рычанием и волосы мы мне дружной командой стилистов в колтун сбили.

Гармония, ну!

— Доброе утро, Мирослав Радомилович! — чопорно поприветствовала я его, и светски склонила голову — чтобы уж наверняка добить.

Стильный и эффектный Радомилович стоическим усилием удержал разъезжающиеся в улыбке губы, но глаза выдали его с головой.

Сладкие и зацелованные утренние Мирославичи тремя любопытными носами высунулись из-за меня, стоило мне сесть на диване.

Я оценила их скептическим взглядом: глаза горят, ушки на макушке, хвосты пистолетом.

Вздыхнула: разнесем мы сегодня номер, ох, разнесем... Жалко, хороший был номер.

— Я организую завтрак, — Мир с невозмутимым видом посмотрел на часы. — Сколько времени нам нужно на сборы?

— Нисколько, — созналась я и поболтала ногой. — Мы намереваемся сперва завтракать, а уже потом — собираться.

Поскольку не исключено, что после завтрака всю процедуру придется повторить, “так к чему платить дважды?”.

Адка, уже полностью одетая, вышла из спальни и не преминула поддержать:

— Мирослав Радомилович, только я вас умоляю, не надо всяких вкусных вредностей вроде конфет! Детям этого все равно никто не даст, а оттого, что они начнут по этому поводу орать, я буду гораздо хуже к вам относиться!

И веснушчатый нос вздернула, коза.

— Всенепременно учту, Аделаида Константиновна! — великосветски склонил голову Мир. — Надеюсь, гостиничный завтрак ваш требовательный вкус устроит?

— Вполне! — кивнула Аделаида, вы посмотрите-ка, Константиновна.

Мирослав Радомилович изъявили желание принять участие в семейном событии, а вот снять костюм желанья не изъявили. Ну,

ничего! Собственный опыт он всяко полезнее, чем чьи-то там досужие советы. А пятно от варенья вполне себе отстирается если застирывать сразу...

Телефон Мира зазвонил во время традиционной дележки последней печеньки.

— Я зайду? — прогудело в трубке голосом Бронислава Рогволодовича.

Мирослав взглядом уточнил, нет ли у меня возражений, и пригласил родственника.

Вчера, когда в машине нас всех представляли друг другу, он сразу и решительно сказал замороженным его мощью тройняшкам:

— Зовите меня просто дедушка!

И по тому как скривился Мир, я поняла, что ему только что с невиннейшим видом наступили на большую мозоль. Потому что он, родной отец — пока что только “дядя доктор”, а вот эта... шельма лысая — уже “дедушка”.

Мне торжественно разрешили именовать Азора-старшего “дядей Брониславом”, но я уже сообразила, с кем тут нужно держать ухо востро, и с милой улыбкой поблагодарила:

— Спасибо, Бронислав Рогволодович! — сложное имя покорилося мне без тренировок, спасибо рабочему навыку, а этот жук только ухмыльнулся.

Зато Мирослава, кажется, слегка попустило.

Когда вечером “дядя” ушел в свой номер, я пристала с традиционным уже вопросом:

— А Бронислава как в быту зовут? Как имя сокращается?

— Его разве сократишь! — пробормотал Мир, глядя вслед ушедшему, и я как-то ясно поняла, что это сейчас не об имени. — Так и зовем — Бронислав...

“Дядя Бронислав” подошел, когда Ада как раз организовывала колобчат в ванную, Ада дала детям поздороваться с гостем и увела их. Мелкие шли за любимой няней оглядываясь: “дедушка” производил на них почему-то совершенно гипнотическое впечатление.

Что мне, в целом, было понятно: на меня он впечатление произвел примерно такое же.

Утащив с тарелки последнюю печеньку, которую сегодня коллегиальным решением постановлено было оставить маме, он

сообщил:

— В общем, поблизости есть пара торговых центров с детскими комнатами. Мои парни туда метнулись — всё просматривается, санитарные требования соблюдаются, работают с десяти, так что ехать можно хоть сейчас. Аллергии-непереносимости-другие ограничения по питанию есть?

И так он это уверенно говорил, так деловито, что мой взгляд помимо воли ощутило тяжелел.

Если я что-то в жизни и не люблю, так это когда меня пытаются ставить перед фактом в вопросах, касающихся моих детей.

Бронислав Рогволодович оценил выражение моего лица, перевел взгляд с меня на Мирослава и обратно...

— Елена Владимировна, — ощутило посерьезнел он. — Меня племянник вчера предупредил, что он вас с няней с утра повезет к врачу, а детей надо будет занять и вообще, присмотреть... В целом, если вы беспокоитесь, можем из гостиницы не выходить — здесь есть игровая комната. Но я считаю, что перемещаться мы можем без опасений — похитителям просто неоткуда знать, где и во сколько мы будем. Но, если вам так спокойнее... — предложил он примирительно, глядя на меня, кажется, даже с сочувствием, и я согласилась, что да, так спокойнее.

Мир — дурак. А ведь я уже расчехлила мотопилу, только чудом не успела включить!

— Аллергий нет, сладкое нам можно только после еды. Если поймете, что не можете справиться со всеми сразу — справляйтесь с Олей.

— Не волнуйтесь, — лихо подмигнул мне старший Азор. — У меня внуки не первые!

Не то чтобы это меня совсем успокоило. Но на душе стало ощутимо легче.

— Во сколько к вам зайти за детьми?

И когда мы уже согласовали все детали, был короткий взгляд Бронислава на Мира, досадливое выражение в ответ, и насмешка на лице старшего Азора.

А когда за гостем закрылась дверь, не успела я еще открыть рот, чтобы прояснить некоторые моменты, как Мирослав дернул меня на себя, прижал и крепко поцеловал:

— Извини, был не прав, — выдохнул мне в ухо хрипло. — Не предупредил.

Пришлось второй раз прятать бензопилу обратно в чехол.

— Лен, — Мирослав говорил неожиданно серьезно, не торопясь выпускать меня из кольца объятий. — Я вчера попросил дядю Бронислава молчать, и он согласился, что будет лучше, если родителям я расскажу сам. Дальше молчать не получится — так что придется это делать сейчас.

Он внимательно смотрел мне в глаза, ожидая реакции.

— Ты правда думаешь, что они еще не знают?! — изумилась я. — А Ольга Радомиловна и Всеслав Всеволодович, по-твоему, никому ничего не сказали?

— Они тоже еще не знают, — признался Мир.

Мне на секунду стало жалко его — страшно подумать, что устроит ему двойняшка, когда всё вскрыется!

— Ну хорошо, но нас же вчера толпа народа видела из ваших! — я всё не могла поверить.

— Из наших — только охрана. У дяди Бронислава парни дисциплину понимают. Приказано молчать — будут молчать. Но... сама понимаешь. Так что извини, мне надо позвонить, — признал он, неохотно выпуская меня из объятий.

Ага, теперь понятно, к чему были эти взгляды. “Дядя Бронислав” интересовался, сообщил ли уже племянник ошеломительные новости семейству.

Я поняливо встала с удобных колен. Мир достал телефон, поднялся с кресла, и отошел к окну. Я подумала, что приличная женщина на моем месте ушла бы, чтобы не слушать приватный разговор... Но Мирославу явно досталась неприличная — и если ему нужна приватность, то пусть сам уходит.

Спустя несколько долгих гудков в трубке раздалось густое и уверенное “Слушаю!”

— Привет, пап. У меня есть дети. Два сына и дочь. Им три года.

Йоу! Мирослав, у меня есть дети, Радомилович, кто ж так делает?! Надо же было как-то сначала подготовить! А если Радомила Рогволодовича сейчас инфаркт дёр...

— Когда свадьба? — буднично и деловито поинтересовались в трубке после непродолжительного молчания.

А, нет, не дёрнет.

То есть, да, дёрнет, но не его. Меня.

— Со свадьбой пока не ясно, — ответил более хладнокровный, чем я, Мирослав.

— Что значит — “не ясно”? Что тут не ясного может быть? — рявкнули в телефоне. — Что, тебе, щенку, не ясно?! — в телефоне аж в ярости пребывали. — Ты забыл, кто ты? Так я тебе напому! Я тебя, сопляк... — дальше я предпочла не расслышать, но те части тела, за которые Мирослава предполагалось подвесить и приколотить гвоздями, я, в некоторой степени, уже своей собственностью считала. Обидненько. — Сделал ребенка — женись!

— Значит, так. — В трубке прекратили орать, и перешли к спокойному деловому тону. — Сроку тебе — час. Через час ты мне перезвонишь и скажешь, где и когда состоится бракосочетание. И не забудь, что тебе еще предстоит познакомить нас с матерью с внуками, и объяснить мне, как это всё так получилось. И не дай бог я еще раз услышу про то, что тебе что-то не ясно. Ты меня знаешь.

— Лена, спокойно! — Мир как стоял лицом к окну, так и стоял, даже головы не повернул, но и затылком прекрасно определил всю гамму моих эмоций.

Это он молодец, кстати, потому что я сама, к примеру, не очень отчетливо понимала — то ли я в панике, то ли я в бешенстве.

— Наши с тобой отношения касаются только нас, — спокойно и твердо сказал Мир. — Никто тебя ни под какой венец не потащит, не спросив твоего мнения. А отец... Это не его дело.

Фух. Фу-у-ух. Я прям физически почувствовала, как сжавшиеся в комок внутренности разжимаются. Какое счастье. Слава богу, что мне не надо воевать еще и с его семьей!

Мирослав — молодец! Умница!

А я уж было совсем... Нет, ну какой же Мир зайка!

В трубке, правда, со мной были не согласны.

— Та-а-ак... Вот, значит, как. — многозначительно протянул отец Мирослава. И скомандовал: — Ну-ка, дай-ка ей трубочку!

Мир повернулся ко мне, и вопросительно поднял брови, показывая мне телефон — возьмешь, мол? Я в ответ поманила его к себе пальцами.

Нагретый теплом мужского тела и семейного общения пластик лег мне в ладонь.

— Здравствуйте, Радомил Рогволодович, — вежливо и решительно произнесла я. — Меня зовут Елена Владимировна. Я вас слушаю.

После какого-то на редкость ехидного молчания, трубка отозвалась:

— Здравствуй, здравствуй, девонька. Это ты, выходит, за моего сына замуж идти не хочешь?

— Да вот, знаете, может и хотела, но тут засомневалась что-то, — с некоторой глубокомысленностью откликнулась я. — Зачем мне муж, который во всем слушается папу с мамой? Мне бы мужика, а не маменьки-папенькиного сыночка...

Телефон Мирославу я возвращала с чистой совестью: мотопилу выгуляла!

Так, самую малость, чтобы не заржавела.

— Давай не поедем к врачу?

— Никакого “не поедем”, — мы уже сидели в машине, машина уже вырулила с парковки “Золотого кольца”, а Аделаида Константиновна не могла уgomониться.

Про плановый осмотр у лечащего врача она не то чтобы забыла, она решила — ну какие осмотры, когда вокруг такие дела? И с чистой совестью выбросила его из головы.

Поэтому утренние решительные сборы Мирославичей с последующей передачей детей в чужие (мужские!) руки застали ее врасплох.

Нет, обычно ее каким-то там “расплохом” не проймешь, но тут девица моя сплоховала.

Больше всего ее подкосило обстоятельство, что в качестве няньки с мелкими останется мужчина. Доверять детей мужчине ей еще не приходилось.

Она раза три повторила что с малышкой следует делать, чего делать не следует ни в коем случае, что не хотелось бы, но если не сможете отобрать разом у всех троих — просто смиритесь и махните рукой. И распорядок дня. И меню. И...

Оставляя подопечных с бабушками-соседками, она ни разу так не волновалась. Хотя на мой взгляд, Бронислав Рогволодович у бабушек выигрывал по всем пунктам: с опытом присмотра за детьми, спортивный, имеет подчиненных, которых может пристроить (и

пристроит!) к сему благому делу.

Не хочу сказать, что мой нежный котик — сексистка, но... Кажется, она сексистка.

“Дядя Бронислав” слушал её наставления не то чтобы внимательно — скорее, просто нервировать не хотел.

Наверное, тоже верил, что она ведьма.

“Нежный котик” оглянулся сквозь заднее стекло автомобиля (кстати, вовсе даже не знакомого уже и почти родного БМВ, а здорового внедорожника цвета “золотой лист”) и заныла снова:

— Ну, Ле-е-ен!

— Нет, я сказала!

Впереди бессовестно заржал Мирослав:

— Доктор сказал “В морг!”, значит — в морг!

Ада зло зыркнула на него зелеными глазищами и отвернулась.

Утром мы сообщили Адке о ее возможном ведьмовстве.

Я переживала, что новость она может воспринять не очень, и потому сообщать ее решила сама и наедине (а то к Мирославу она и без новостей не слишком благосклонна).

— Ада, знаешь, господа альтеры считают, что раз ты смогла увидеть сквозь отвод глаз — то, скорее всего, ты ведьма...

— Ага, я об этом думала, — скривилась она недовольно, но совершенно спокойно, — Только знаешь, кажется, твари они еще те! Мне в свое время никто помочь и не дернулся, зато детей у родной матери украсть — это они тут как тут... В общем, мы подумали, и я решила — ну их в топку, такие знакомства. Как думаешь, если я майора попрошу, он мне разрешение на пистолет организует? А еще лучше — ружье! — кровожадно замечталась нежная девица.

Я поперхнулась словами.

Майор — тот самый, рассказавший мне про слово “рекогносцировка”, был в душе немного рыцарем, питал к Адке очевидную слабость, и запросто мог войти в положение и преподнести Прекрасной Даме такой подарок. Причем — вместе со стволом, еще и пользоваться научил бы. Запросто. Как пить дать.

— Ты в самом деле хочешь принести оружие в дом, где водятся Ярик, Стасик и Ольга Мирославовна? — осторожно уточнила я.

Адка скрипнула зубами и с написанным на лице страданием отказалась от светлой мысли. Я с облегчением выдохнула.

А теперь мы все вместе ехали в авто, и Ада с таким мрачным и суровым лицом смотрела в пустоту, что я шестым чувством чуяла — опять мечтает о ружье.

— Ад, а откуда ты? — внезапно спросил Мир, поглядывая на насупленную ведьму в зеркало заднего вида. И на ее недоуменный взгляд пояснил: — Я знаю, что ты местная, а где твоя семья? Почему ты ничего о себе не знаешь?

— Чего это я о себе не знаю?! — изобразила непонимание Адка, и я спрятала улыбку.

Я же говорила: Адку врасплох не так-то просто застать!

Мир улыбнулся ей в зеркало:

— Я имею в виду ведьмовство, — и так у него это обезоруживающе получилось, так располагающе...

Что Адка тут же ушла в несознанку. Сделала жалостливое лицо и сочувственно спросила:

— Мирослав Радомилович, вы здоровы? А то мы ведь к доктору сейчас едем — он как раз знатный специалист по больным головам...

— Премного благодарен за беспокойство, Аделаида Константиновна, — в тон ей отозвался Мир, который от беседы, кажется, получал откровенное удовольствие. — Голова моя пребывает в полном здравии, чего и вам желаю! Ад, я знаю, что вчерашняя незнакомка была ведьмой. И не увела детей только потому, что ты тоже — ведьма...

Адка задрожала нижней губой, блеснула слезами на глазах и повернулась ко мне:

— Лена! Ты ему всё про меня рассказала?! — с болью в голосе это прозвучало, со звенящим нервом. — Как ты могла?!

— Да примерно так же, как тебе про меня, — пробормотал бездушный Азор, ничуть не тронутый чужой сердечной болью.

К Адкиному сверлящему взгляду прибавился мой недовольный, и Мир фыркнул:

— Что?! Можно подумать, я поверю что ты от нее что-то скрыла!

Ну, не скрыла. Ну, не поверил. Но зачем же палить-то так?! Девочкам же неприятно!

Мы продолжили буравить Азора сердитыми взглядами, а этот гад взял и снова всё испортил. рассмеялся и поднял одну руку в жесте “Сдаюсь!”:

— Всё, всё, больше не буду!

Мы с Адкой переглянулись.

“Сомневаюсь!” — сигнализировал мне её взгляд.

“Да уж однозначно!” — ответно телепатировала я.

Обменявшись авторитетными мнениями, мы скорбно вздохнули и дружно отвернулись.

Мир смеялся без смеха, одними глазами.

— Я из детдома, — буднично ответила Ада на вопрос, о котором все благополучно успели забыть.

Я потеряла ребра слева. Что-то мне как-то стало... странно. Беспокойно.

— Ну, если точно, то в детском доме я была не так уж долго. Мне одиннадцать лет было, когда мама с папой на машине разбились. Меня бабушка к себе забрала. Но она уже старенькая была, ну и папина смерть по ней очень ударила. Мы в целом, нормально с ней жили — хозяйство, дом, всё как у всех. Три года как-то справлялись. А потом всё как-то разом резко посыпалось. Бабушка умерла, меня забрали, а без присмотра деревенский дом долго не простоит — он очень быстро рушиться стал, и в первую же зиму сгорел. Может, туда греться кто-то залез, может, дети играли...

Из-за этого у Адки и были те сложности, которые нас познакомили. На момент поступления в детский дом, жильё за Адкой числилось. И бюрократы-крючкотворы ухватились за это, чтобы отказать сироте в предоставлении положенного по закону, ссылаясь на то, что у Адки есть доставшийся ей в наследство бабкин дом, а что пострадал от огня — так у нее, Аделаиды Константиновны, ручки есть, ножки есть — ремонт сделает. Понадеялись, что молоденькая дурочка не станет бороться.

Я зло дернула углом рта — за жильё для Адки мы сражались до сих пор. Дай бог, чтобы к окончанию ею университета выдать удалось.

А еще я поймала себя на том, что испытываю что-то, подозрительно похожее на ревность. Мирослав, сволочь обаятельная, Радомилович легко и непринужденно разговорил мою недоверчивую буку — а я, между прочим, всё это у нее по капельке, по крупинке выманивала!

Повертев эти мысли, я отмахнулась от них.

Беспокойство свербело и грызло, а я никак не могла выловить причину.

А у Мирослава другие мысли в это время варилась.

Бросив быстрый взгляд в зеркало на Аду, он осторожно уточнил:

— Ад, а ты не припоминаешь, ты, когда в детдом попала, не болела? Вот чтоб прям сильно? Не было такого?

— Ну, было, — удивилась Ада. — А что?

Он дернул плечом, и когда заговорил, то уверенности в его голосе особой не было.

— Да, понимаешь, похоже кое на что твое описание. Чтобы в один год дом начал рушиться — это всё же... Странно. Я не большой специалист в ваших возможностях, но похоже, что ты те три года дом на себе держала. Бабушка часто болела? Скорую к ней вызывали?

Она растерянно кивнула, и Мир невесело сощурился:

— Очень похоже, что ты бабушкино здоровье на себе тащила. По-детски, неосознанно, неумело... Замкнула всё на себя и держала, сколько смогла. Потом тебя забрали — ключ из замка вынули. Система развалилась, и всё, как ты выразилась, посыпалось. А тебя накрыл откат. Потому и болела, потому и не раскрывалась так долго — двадцать один для ведьмы, это все же поздновато, одиннадцать — слишком рано. Очень потратилась и надорвалась.

Я потеряла грудь, поморщилась.

— Мир, а почему товарки по ремеслу Аду не нашли, не поддержали как-то? Ты же сам говорил — ваши предпочитают держаться кланами, семьями. И в Черноречке довольно большая община. Всё-таки девчонка одна осталась, ей поддержка как никогда нужна была...

— Угу, — он кивнул. — Предпочитают. Наши. А ведьмы — индивидуалистки. Каждая сама по себе и все сами за себя. Стихия и хаос. Как их главы кругов в повиновении удерживают — большой вопрос. Да и вообще... Сила развращает, Лен. Сила, передаваемая из поколение в поколение — тем более. Порождает ощущение вседозволенности. Люди, зачастую, начинают считать себя выше других...

— Ага, — поддакнула ему с заднего сиденья Адка. — Например, начинают думать, что имеют права прийти и отобрать чужое дело!

— Мы не... — досадливо начал Мир традиционные возражения, но мадемуазель-правдолюб его снова перебила.

— А получив в ответ твердое “Нет!”, начать угрожать!

Всё-таки, однажды Адку за её характер задушат.

Мирослав, железные нервы, Радомилович на провокацию не повелся, в оправдания не скатился, только посмотрел на ехидну и головой слегка покачал.

Мол, юна ты еще, девица, и зелена, и жизни не знаешь!

Девица в ответ сощурила глаза — как по заказу, юные и зеленые. Но, что бы там не думал Мир, жизнь — знающие.

Я потеряла грудь, пытаюсь сформулировать, что же меня так беспокоит.

Тревога нарастала, но каждый раз, когда я пыталась сконцентрировать на ней свое внимание, она рассеивалась, и локализовать причину не получалось.

— Лен, с тобой всё в порядке? — спросил Мир, поглядывая на меня искоса.

— Да, всё хорошо, — я потеряла руки. — Вот здесь поверни налево.

Он посмотрел вопросительно на меня, недоуменно на навигатор, рисующий прямую линию пути, и промолчал. Со сменой сигнала светофора машина свернула влево.

Беспокойство усилилось, но теперь я по крайней мере смогла ухватить его за хвост.

— Быстрее. Здесь направо, и сразу под мост. Сейчас будет развязка, там застрять можно, съезжай во дворы.

Нервы гудели. Как только я поняла, куда меня тянет, они вытянулись в струну и теперь от малейшей задержки пели мне — быстрее, быстрее, быстрее!

Если бы я могла, я бы вышвырнула Мирослава из-за руля и повела машину сама, сворачивая время и пространство, вытягивая путь по прямой, кратчайшим путем из точки А в точку Б...

— Вы свернули с маршрута, — механическим женским голосом повторял навигатор.

Адка вцепилась в спинку кресла и смотрела огромными круглыми глазами, не понимая, что происходит.

Быстрее, быстрее, быстрее — шептали мне все чувства.

Опаздываю, опаздываю, я безнадежно опаздываю!

Знакомый двор, знакомый дом.

Консьерж, вылетевший наперерез нашей бравой троице:

— Вы к кому?

— Ольга Владимировна Колобкова, к Елистратову, в двести восьмую! — отбарабанила я, снова без всяких сомнений зная, что Макс не аннулировал мой гостевой пропуск. — Это со мной!

— Не положено! — резвый парень, беспрепятственно пропустивший к лифту меня, перегородил дорогу Миру и Адке.

Вдавливая кнопку вызова лифта, я краем глаза успела заметить, как Ада, сверкнув глазищами, отступила в сторону, как Мир пытается что-то объяснить охраннику... А я лишь на месте не плясала — быстрее, быстрее, быстрее!

Мигнула красная единичка на табло, открылись двери...

— Лена, стой! Куда одна?!

Голос Мира отсекло лязгнувшими створками, я с легким удивлением обнаружила рядом Адку, и кабина стремительно поднесла меня вверх.

Снова надзвоние прошило меня насквозь, развернуло мир как объемную картинку во всех измерениях. Я не сопротивлялась и не сомневалась, я держалась за это озарение и скользила сквозь реальность иглой, сшивая её пласты в будущее единственно возможным вариантом.

Выйти на девятом, позвонить в дверь квартиры под Елистратовской. Мне отзываются почти сразу, а для меня секунды растягиваются в вечность, перевитую моим страхом.

Там, за дверью, стоит пожилая женщина, которую я не видела ни разу, но про которую в нынешнем наитии я знаю главное — она смертельно боится взрыва бытового газа. Ей Макс оставляет ключи. И потому на ее дребезжащее “Кто там?” я без сомнений отвечаю:

— Здравствуйте! Я подчиненная Максима Елистратова, он беспокоится, что забыл утром выключить газовую плиту, и прислал меня проверить.

Я контролирую голос, чтобы он звучал спокойно и ровно, и это невыносимо, потому что внутри всё вопит и визжит “Быстрее-быстрее-быстрее!”

Дверь открывается, и пожилая дама смотрит на меня строго и недоверчиво.

— Макс сказал, вы дадите ключи, — настолько очаровательной я не старалась быть никогда, и сейчас всем видом демонстрировала, как я достойна доверия.

Седую соседку Макса раздирают сомнения — можно ли мне верить? Но газ... Она колеблется между подозрительностью и вьевшимся страхом, а я схожу с ума, удерживая маску обаяния.

Быстрее-быстрее-быстрее, карга старая!

Адка сзади наваливается на меня грудью, обнимает за талию и тянет так сладко, что практически поет:

— Пожа-а-алуиста!

Соседка смаргивает. И отступает — перед нашим носом закрывается дверь.

Я стою и чувствую, как утекают драгоценные секунды — каждая сквозь меня, сквозь сердце и солнечное сплетение, царапая мне нутро.

Дверь снова открылась — и заветные ключи у меня, и я несусь к Максусу, перескакивая по две-три ступени.

Если сейчас упаду — костей не сосчитаю.

Мысль мелькнула и растаяла. Не упаду.

Знакомая дверь. Поворот ключа в замке.

Я влетела в квартиру на всех парах, без плана действий, движимая лишь одной мыслью — успеть!

Одним взглядом ухватила картину: Макс посреди комнаты, вздувшиеся вены на шее, лицо, замершее в нечеловеческой гримасе. Напряженные плечи, руки — как звериные лапы в бурой шерсти и со страшными когтями.

И спортивные штаны, трогательно сползшие и висящие на косточках

И она.

Ведьма.

Она стояла спиной ко мне, на пороге гостиной, и даже не повернулась на звук открывшейся двери, впившись взглядом в массивную фигуру Елистратова.

Разведенные руки, каменная неподвижность.

Между ними, сосредоточенными друг на друге, пространство звенело и дрожало от напряжения.

На моих глазах, в моем присутствии, эта тварь ломала Макса, сгибая его под себя, подчиняя волю.

Ярость ударила в голову, мир заволокла кровавая пелена, и последнее, что я отчетливо запомнила — это темные патлы стервы, восхитительно удобно легшие в руку, и прекрасный глухой звук, с

которым она впечаталась в стену.

Глава 9

— Лен, Лена, ты тут? Лен, приди в себя. Ну, давай уже, возвращайся, милая!

Голос Мирослава пробился сквозь темноту.

Я попыталась моргнуть, потом сесть — то и другое получилось кое-как.

— Слава богу! — с громадным облегчением в голосе выдохнул Мир и, приподняв меня за подмышки, опер на стену.

Сидеть сразу стало гораздо легче.

Рядом возникла встревоженная физиономия Адки, и я сообразила, что мы всё еще в Максовой квартире.

— Я... Что здесь случилось? — в горле пересохло, я сглотнула и коснулась рукой шеи, и Ада понятливо исчезла, чтобы зашуметь на кухне водой. — Она меня вырубил?

— Тебя вырубить! — с непередаваемой интонацией, в которой мешались досада, гордость и черт знает что еще, проворчал Мир.

— Что случилось? — в глаза будто песка насыпали, и виски ломило. — Я... долго в отключке?

Мне в ладонь ткнулся мокрый стакан, и я с жадностью и благодарностью его ополовинила, Мир дождался, пока я напьюсь, и ответил:

— Несколько секунд. Это я вас обеих... Я пока по лестнице добежал, у вас тут картина маслом: Елистратов твой корячится на полу, ты эту, — он кивнул куда-то вбок, — убиваешь всю, она трепыхаться пытается, но... Я старался по ней бить, но тебя тоже слегка зацепил. Еще у Макса твоего техника сгорела немного. То, что рядом работало.

И от этих слов и слегка виноватого вида Азора меня накрыло огромным, как приливная волна, облегчением: если уж опытный альтер беспокоится о пустяках, вроде сгоревшей техники, значит, всё хорошо!

И только спустя мгновение через это облегчение начали доходить слова Мира. “Елистратов твой корячится на полу...”

Что-то я такое видела в самом начале, но...

Если эта падаль с ним что-то сделала — встану и добыю!

— Что с Максом? — я заелозила, пытаюсь оглядеться.

— Лена, не смотри туда! — влез Мир, но опоздал.

Я уже нашла Елистратова взглядом.

— А, ладно, смотри.

Бурый медведь, расставивший лапы в середине комнаты, глядел на меня настороженно, явно не зная, чего ожидать.

Неподалеку сиротливо валялись обрывки спортивных штанов...

“Хорошо, что они порвались”, — рассеянно отметила я. — “А то ему было бы неудобно...”

— Макс? Макс, ты в порядке? — он шевельнулся, чуть отступил, и я забеспокоилась: — Ты можешь назад?..

— Он может, — встрял Азор, — Но не хочет.

И с некоторым мстительным удовольствием пояснил:

— Мне не доверяет, а вас с Адой не хочет травмировать — зрелище неаппетитное!

Мне тут же захотелось дать Мирославу Радомиловичу по шее — нашел время злорадствовать!

Медведю, видимо, тоже, потому что он мотнул тяжелой башкой, расставил лапы пошире, странно дернул плечами — и фигура его дернулась и поплыла, сплавляясь в неопрятный бурый ком и перекраиваясь в нечто иное с неприятными звуками, в которых я явственно вычленяла только хрусты.

У этого процесса был только один плюс — он длился недолго.

Не больше тридцати секунд понадобилось Макс, и это спасло меня от постыдного приступа рвоты.

Елистратов, мой родной Елистратов, стоял посреди комнаты среди обрывков штанов и смотрел на меня исподлобья.

Я подышала открытым ртом. И если содержимое желудка мне удалось удержать в себе, то честное мнение таки вырвалось наружу:

— Знаешь, Макс, как медведь ты очень ничего. Как мужик — вообще выше всяких похвал, особенно голый. Но то, что между этими двумя стадиями... Ма-а-ать!

Рядом беззастенчиво хихикнула Адка.

Я оглянулась — так и есть, эта нахалка пялится. И страха или отторжения в ней не заметно ни на грош, только вызов и бесстыжее любопытство.

Я сделала строгое лицо: сложен Елистратов, конечно, хорошо, природа была к нему исключительно щедра — но зачем же так

откровенно глазеть, чего ты там не видела?

Адка под моим взглядом слегка смутилась, но всё равно проводила Макса, сердито рыкнувшего и ретировавшегося в спальню, заинтересованными глазами.

Хм, а может, и не видела...

Ну, за те три года, что она со мной — так уж точно!

Словом, не повезло нашему бедному оборотню (и почему я уже ничему вообще не удивляюсь?), баба нынче наглая пошла, ни очи долу опустить, ни в обморок упасть, дикие времена настали, дикие!

Зря я его при Мирославе хвалила только. Чую, ждет меня новый заход на выяснение отношений...

Я мазнула взглядом по Азору, опасаясь подтверждения этой мысли, но нет. Господин альтер выглядел подозрительно довольным...

Не к добру это!

— Ад, принеси воды, пожалуйста, — попросил Мир.

И когда Адка покладисто ускакала в кухню, ухватив пустой (когда и допить успела) стакан, тихо обратился ко мне:

— Лен, я понимаю твои переживания и вообще уважаю твои чувства, но и ты мои уважай, пожалуйста, — вроде бы мягко, но достаточно внушительно выдал нависший надо мной на корточках Азор. — Если я говорю не лезть куда-то в одиночку — не лезь. Очень тебя прошу.

Та-а-ак... А Адку, значит, мы услали, чтобы делать втык мне без свидетелей?!

Ну, знаешь, дорогой, я вообще-то взрослая и самостоятельная женщина!

Я вздернула подбородок, раздула ноздри и надменно выдала:

— Да пажалста!

И уточнила, пока сбитый с толку мужик не пришел в себя:

— У нас там ведьма не очнется?

Мир поперхнулся смешком и, неожиданно чмокнув меня в кончик носа, шепнул интимно на ухо:

— Не очнется!

Адка, выскочившая с кухни с водой в руках, смущенно переглянулась с синхронно появившимся из спальни Максом, а Мир подхватил меня на руки, пересадил на диван и отошел к стене, где тихой горкой лежала наша гостья.

— Чем это ты её? — заинтересовалась я. И сама себя поправила: — Нас.

— Прямым энергетическим выбросом. — Мир и не подумал изворачиваться, хотя уж точно видел Елистратова. — Это как с лечением, только бесконтактно, и грубой силой, а не тонким воздействием. Ну-с, посмотрим на твою добычу... Твою мать.

Ада с водой, Макс в новых штанах, но теперь еще и в футболке (хе-хе!) и даже я, несмотря на ощутимую слабость в конечностях, ломанулись смотреть на загадочную “мать”.

Понимая, что отпихнуть более здоровых Макса с Адкой, не смогу, я без стеснения навалилась на спину Мирославу.

Мир перевернул нападавшую и отвел волосы, частично скрывавшие лицо, и теперь было видно, что ей лет восемнадцать, не больше — а то и меньше.

Действительно, твою мать.

Темноволосая, по виду — натуральная, по крайней мере, ресницы и брови того же цвета, только темнее, большещеротая и скуластая. Веснушек нет, но на щеке две родинки. Красавицей не назовешь — обычное девичье лицо умеренной симпатичности.

— Кто-нибудь ее раньше видел? — без особой надежды поинтересовался приезжий Мир у местных нас.

— Нет.

— Никогда, — отозвались мы с Максом единодушно.

— Я видела, — призналась Ада, и веснушки на её носу побелели от напряжения. — Это она пыталась увести детей.

— Та-а-ак... Лена, твою мать! — от рыка Елистратова звякнула люстра.

Ой, я скоро на это словосочетание буду как на имя-отчество отзываться!

Задавать идиотских вопросов, типа “Что?”, я не стала, потому что и так знала — что. И независимо молчала, рассматривая стену. Смотреть на Макса было стремновато — я немножечко представляла, как я его обидела.

Четыре года я со всяким-яким к нему за помощью бегала. А чуть появился Азор... Даже не сочла нужным сказать про попытку похищения, так это со стороны выглядело.

— Почему я об этом не знаю? — рычал Елистратов нависая надо

мной и над Миром, на спину которого я так удобно опиралась.

— Да потому что я не придумала, как объяснить тебе вот это всё! — я покрутила запястьем, беря в круг окружающее пространство. — Откуда ж мне было знать, что ты тоже... того!

Азор иронично глядел на Макса снизу вверх, но в семейные разборки не вступал — умный, ё-моё, понимал, что есть риск огрести от обеих сторон.

Макс перекатывал желваки и молчал — аргумент он признал весомым, а орать на меня без причины, просто потому что хочется наорать, не мог.

Мерзкие принципы порой ужасно осложняют жизнь! И если наедине он, может, ими и поступился бы, но при свидетелях, особенно таких, как Мир и Адка — ни за что.

Мне вдруг стало его ужасно жалко.

Бедный Макс! Ужасный день у него сегодня!

— Я тебе звонила, — мягко напомнила я. — Но у тебя был выключен телефон.

А проблему надо было решать...

Этого я не сказала, но Макс не дурак и так всё понял.

— Если вы закончили, — осторожно вклинилась Ада, — то можно, я скажу? Вчера она показалась мне старше. Но это точно она. Я узнала.

— М-да, — Мир наклонился (я с разочарованием сползла со спины), поднял подростка понёс её на диван. — И что мы будем с ней делать?

— Предлагаю добить, — внесла предложение самая гуманная участница нашего совещания, Аделаида Константиновна Звенская. — Что?!

Возмущенные взгляды отскочили от нее, как от стенки горох.

— Отпустим её и будем ждать, когда снова появится? Она, между прочим, чуть начальника твоего не скрутила, вчера у нас отметилась...

— Вот отпускать мы её точно не будем, — Макс вклинился в юношеский протест и решительно посмотрел на Мирослава. — Можешь привести мадам в чувство? Допросим.

— Могу. Но у меня другой вариант. Глава службы безопасности Азоринвеста сейчас в Черноречке. Предлагаю вызвать его и предоставить допрос специалистам.

— Логично, — Адка бесцеремонно сдвинула конечности жертвы и

уселась рядом с ней на диван. — Вот пусть он и добивает!

Мне оставалось только прикрыться мысленным фейспалмом. Доброго ребенка я вырастила, ничего не скажешь!

Мир уселся на необъятный елистратовский диван рядом со мной и вынул телефон.

На его лице тут же нарисовалось такое характерное и обреченное “я-а-ать!”, что я не утерпела, и сунула нос поглядеть, что же это Мирослава бесстрашного нашего Радомиловича ввергло в такую тоску-печаль.

А ввергла его туда надпись “Пропущено два миллиарда входящих от абонента...”

Абонентов, возжаждавших общения с Миром, было много, но по лидировала среди них Ольга Радомиловна.

Нет, я не буду говорить “А я говорила!” — но я говорила.

Мир скривился, как от зубной боли, но в списке пропущенных выбрал всё же другой контакт.

— Дядя Бронислав, вы звонил?

— Звонил, — хохотнул его собеседник. — Ты, племянничек, уехал и инструкций как быть с твоими детьми, не оставил.

В этом месте Адка вся взметнулась возмущенным сусликом: как это — не оставил? что значит, не оставил?

Да она лично эти инструкции давала-давала, чуть насмерть не заинструктировала, а теперь — инструкций не оставил?

Но гневное негодование наружу прорваться не успело, отчасти потому, что старшего из доступных Азоров Адка слегка побаивалась, отчасти потому, что он продолжил:

— А у меня тут, между прочим, операция “Буря в стакане” и телефону уже раскалились: дамы звонят и требуют ответа, как у тебя, Мирослав, образовалась неучтенка в количестве трех душ детей — у меня, Мирослав, требуют! А также хотят знать, как их всех зовут, что они любят и почему я до сих пор не прислал видеоотчет...

Лицо счастливого отца становилось всё грустнее. Видимо, он всё отчетливее представлял, как все эти женщины будут снимать с него шкуру.

— В общем, я их всех послал, — рубанул Бронислав правду-матку. — К тебе послал — ты запретил мне кому-то рассказывать — ты и разбирайся. Еще отец твой звонил — его тоже к тебе послал...

— Спасибо, дядя, — пробормотал Мир, таким тоном, что даже я отчетливо поняла, что он на самом деле подразумевал под этим “спасибо”.

— Обращайся! — щедро разрешил его родственник, тоже без труда расшифровавший послание.

И уже серьезным тоном спросил:

— Я не мог к тебе дозвониться. У тебя всё нормально?

— Нет, — тоже сразу собрался Мир. — Я тебе поэтому и звоню. Нужна твоя помощь, записывай адрес.

Разговор закруглили быстро, и Мир, вздохнув, коротко извинился:

— Прошу прощения, мне нужно сделать еще один звонок.

— Конечно-конечно! — сказали все, на самом деле Елена Владимировна, потому что представление-то нравилось всем, но под горячую лезть дурных, кроме меня, не нашлось.

А еще меня очень интересовал вопрос, кто останется с драгоценными моими чадами, если дядя Бронислав, известный в узких кругах под оперативным псевдонимом “шельма лысая”(?), едет сюда.

Или он Мирославичей с собой привезет?

Тогда я категорически против — никаких допросов при детях!

Во-первых, это ужасная травма для их нежной психики.

Во-вторых, с них же станется продемонстрировать полученные знания где-нибудь в приличном обществе — в детском саду, например.

А Лорочка нам еще кроватей с водорослями не простила...

Ольга Радомиловна взяла трубку мгновенно, быстрее, чем я успела развить до конца мысль.

— Мир, ты свинья! — свирепо сообщила она вместо традиционного “алло”. — Как ты мог?! Как... Господи, у меня в голове не укладывается! Это не семья, а Кунсткамера! Я думала, у меня хоть один приличный брат имеется! Послал же бог родственничков! — бушевала Ольга. — Ну, что ты молчишь?!

Н мой взгляд, молчал Мирослав оттого, что пытаться вклинить в этот монолог небезопасно. Но поставленный таким образом вопрос не оставлял ему выбора:

— Оля, так было нужно. Я потом всё объясню, — хладнокровно пообещал он.

Очень разумно, кстати — к моменту наступления этого чудесного “потом” можно будет и объяснение придумать.

— А если ты так хочешь побыть теткой, — продолжил Мир, — То спустись в игровую комнату отеля и подмени Бронислава с детьми. Он мне срочно нужен, не оставлять же их с охраной? Бронислав тебя проинструктирует.

Это он ловко, конечно, придумал. Перенаправить разрушительную энергию родственницы в созидательное русло — а там, глядишь, тройняшки ее так укатают, что ей не до выдвижения претензий будет. А когда она снова соберется выяснять отношения — просто-напросто повторить операцию!

— Таааак... То есть, дети всё это время были у него?! Нет, это какой-то паноптикум просто! — устало заключила Ольга Радомиловна, и взмолилась: — Боженька, пошли мне мне хоть одного нормального родственника! Просто посмотреть!

— Ну, я не боженька, конечно, но я работаю в этом направлении, — невозмутимо отозвался Мирослав.

Ольга Радомиловна буркнула что-то внезапное, и отбила вызов, а Мир задумчиво постучал телефоном по ладони.

— Лен, Ольга просит нас скорее пожениться. Говорит, посмотреть хочет...

Я поперхнулась восхищением:

— Дааа! В той школе, где меня лстить учили, ты преподавал!

Рядом нервно хихикнула Адка, и без перехода требовательно спросила, потыкав пальцем ногу в джинсе:

— Почему она не приходит в себя?

— Потому что я приложил ее от души, — буркнул Мир. — Будет лежать смиренная столько, сколько нужно..

— А она не того... не помрёт? — Ада задумчиво сколупнула грязевую брызгу налипшую на штанину. — Это было бы нехорошо...

— Конечно, нехорошо, — перебил её Макс. — В моей квартире-то.

— ...без допроса, — невозмутимо закончила свою мысль красная девица.

Моё окружение — самое доброе в мире.

— Она не того, — пообещал Мир. — Ей по всем её энергетическим каналам прилетело, или как там оно у ведьм называется. Сама из бессознательного состояния выйти не сможет.

— И это плавно подводит нас к вопросу: что ты такое?

От вкрадчивого вопроса любимого начальства у меня, если честно,

по спине побежали мурашки. А Мирославу — хоть бы хны. Только усмехнулся.

Введение Елистратова в курс дела прошло еще короче, чем со мной, и даже раздеваться Азору не пришлось.

Только услышав слово “альтер” Макс фыркнул:

— А! Ты из этих... Приперлись нелюди заморские на землю русскую!

— Не начинай, а?! — скривился Мир, словно откусил разом половину лимона.

А я не утерпела влезть с вопросом (да в этот раз не очень-то и старалась утрепеть, очень уж опешила):

— Макс, а ты что, сторонник национальной идеи? — потому что вот в чем-в чем, а в шовинизме и расизме и Максим Михайлович Елистратов до сих пор замечен не был.

Вот в других каких грехах — запросто, а в этом — нет.

— Да мне побоку, — абсолютно спокойно и без следа недавнего пафоса признался Макс. — Просто этих, расписных принято так шпынять. Они обижаются.

Дурдом.

— Обижаются — или у них принято обижаться? — осторожно уточнила я на всякий случай, и оба мерзавца фыркнули совершенно синхронно.

Нет, не понять мне, темной, этих традиций!

Явление Бронислава народу ознаменовалось переговорами: Бронислав позвонил Миру, Макс позвонил консьержу, и блестящего главу службы безопасности Азоринвеста допустили в святая святых.

Впущенный в квартиру лично Максом, он поздоровался, бодро проскакал по процедуре представления-знакомства и заинтересованно присел перед лежащей на диване девочкой.

— Так-с, что тут у нас произошло?.. — мурлыкнул он, тщательно осматривая нашу добычу и чуть ли не обнюхивая её.

Интересно, есть ли у альтеров преимущества пред людьми в обонянии?

Макс с Миром переглянулись, обменялись какой-то сугубо мужской информацией, и объяснения взял на себя Мирослав.

— Эта барышня — и есть та “тётка”, которая вчера пыталась увести Стаса, Ярика и Ольгу в неизвестном направлении. Сегодня она

переориентировалась и решила что по одной крупной цели попасть легче, чем по нескольким мелким. Когда мы вошли в квартиру, она пыталась заставить Максима Михайловича совершить принудительный оборот.

— О как! — неизвестно чему порадовался Бронислав, выудил из кармана складной нож, выщелкнул кусачки, перекусил цепочку на шее у девицы и аккуратно, помогая себе ножом и карандашом, стащил ее, рассмотрел болтающийся там кулон. А потом все так же, не касаясь руками, перенес на журнальный столик. — Весело у вас тут. Живенько. И в кого же господин Елистратов изволит обращаться?

Мир поморщился:

— В данном конкретном случае господин Елистратов обернуться не изволил. В принципе, отношения к делу это сейчас не имеет.

Пожалуй, я была с Миром согласна — обсуждать Макса в присутствии Макса... Это себе мог позволить только Бронислав, который, по моим наблюдениям, вообще всё себе позволял.

— Да-да, конечно, — с некоторой иронией согласился Азор-старший.

Не то, чтобы глядя на Макса, можно было вообразить такое уж многообразие версий!

— Я её вырубил энергетическим ударом, — Мир отчитывался сухо, опуская множество несущественных деталей. — Что именно она пыталась сделать — нам не известно.

— Подчинение, — вздохнул Макс. — Она пыталась набросить подчинение.

— Верно, — мурлыкнул Бронислав, разворачивая девушку и осматривая ее руки. — А чтобы подчинить оборотня, одного колдовства мало. Надо продавить его волю, вынудить обернуться и сломить сопротивление зверя. Кстати, Елена Владимировна, — без какого-либо логического перехода заявил альтер, продолжая осматривать ведьму, — прелестные дети, зря вы на них наговаривали Ведут себя чудесно, играют и хлопот не создают.

Мы с Адой обменялись растерянными взглядами. Мелькнула одна на двоих мысль: что-то мы не так все эти годы делали!

— Гостиница предоставила нам двух аниматоров, так что, мы прекрасно проводим время!

Вот... шельма! Страстно захотелось родича Мирослава придушить

и сказать, что так и было. Ада смотрела на бритый затылок так, словно уже прикидывала, как ловчее на него торшер опустить.

Понятно, что мы не так делали — мы не привлекали родственников, охрану и сторонних специалистов!

А Бронислав, полностью игнорируя опасность в лице двух звереющих дам, повернулся к Елистратову:

— Максим Михайлович, у вас найдется, чем снять вот эти милые безделушки? — он кивнул на массивные кольца, сейчас смотревшиеся на тонких пальцах нелепо, но еще секунду назад незаметные. — Не хотелось бы, знаете ли, касаться руками...

— Нет, — нахмурился Макс, пытаясь прикинуть варианты. — Ничего подходящего я в квартире не дер...

— Да найдется! — Адка вскочила и скрылась на кухне, а вернулась оттуда не с ножницами для мяса, как я втайне опасалась, а с кухонными щипцами.

Бронислав просиял навстречу моей няне улыбкой и осыпал ее благодарностями с головы до ног. Зря старался, могу точно сказать — аниматоров ему так и не простили. И не простят еще долго.

Кулинарные щипцы оказались даром небес — с ними дело пошло быстрее, и вскоре на стол рядом с кулоном перекочевали три кольца с одной руки, два с другой, горсть разной невнятной мелочевки из карманов, а Бронислав всё продолжал осмотр.

— В квартиру она как попала? — Азор вопросительно взглянул на Макса.

— Я сам впустил, — Макс был мрачен. — Представилась курьером, сказала, что привезла документы из мэрии...

— А вы ждали? — бросил острый взгляд на моё начальство Бронислав.

— Ждал, — кивнул Макс. — Не точно сегодня, они могли прийти и вчера, и завтра, и через неделю — но она правильно назвала, от кого.

Н-да, невесело. Какой-то очень уж осведомленный у нас противник.

Бронислав ободрал с девицы куртку и кроссовки, принялся всё теми же щипцами шарить по внутренним карманам.

— Кстати, мне показалось, что она выглядела старше. Лет на двадцать пять. И Ада... — он оглянулся на Адку, оккупировавшую подлокотник дивана.

— Ага, — согласилась она. — Я так примерно и подумала — постарше меня, но помладше Лены.

Ну, спасибо тебе, деликатная моя!

— Так про выброс энергии я понял, — произнес Бронислав. Теперь, стащив с ведьмы всю сомнительную бижутерию, он бесстрашно крутил и щупал ее голову. — А шишка откуда?

Мирослав запнулся, подбирая слова, и напрасно — потому что Аделаида Константиновна такими глупостями не озадачивалась.

— Пока Мирослав Радомилович разбирался с консьержем, Лена сделала гостю Максима Михайловича замечание, — пояснила она, невинно блестя глазами.

На лице Бронислава появилось что-то подозрительно похожее на уважение.

— В общем, так, — Азор закончил щупать ведьму и теперь разглядывал коллекцию побрякушек на столе. — Ведьма вам досталась странная. Смотрите, артефактами она загружена под завязку, и, насколько я разбираюсь, всё узкоспециализированное — четко подобрано под конкретную задачу. Отвод глаз, морок на внешность, подавление воли, усилители... Но при этом у неё даже уши не проколоты.

А ведь действительно — даже если ты не носишь обычных украшений. Серьги — это возможность взять с собой пару дополнительных артефактов. А то и не одну.

— Дальше. Экипировка у нее собрана грамотно. И такой набор надо не один год собирать — новодела, если я правильно вижу, здесь нет. Очень недешевое удовольствие. Кто доверил такие вещи подростку?

— Сама взяла? — заинтересованно предположила Ада. — По наследству досталось.

— Возможно. Но... — Бронислав поморщился. — Ей самостоятельность не по возрасту. Такой самое время возле наставницы сидеть.

— Хорошо, — согласилась Ада. — Она сидит возле наставницы. И эта наставница ее отправила вчера к нам, а сегодня сюда.

— Кто доверит такое дело подростку? — Мир присоединился к оппозиции.

— Предлагаю выяснить всё у первоисточника, — буркнул Макс. —

Версии мы можем строить сколько угодно.

Логично, согласилась я мысленно, и все остальные, видимо, тоже, потому что разом зашевелились.

— Сейчас я ее в чувство приведу, — вздохнул Мир.

— Я тебе приведу, — всё с теми же ласково-мурлычущими интонациями откликнулся Бронислав. — Во-первых, не спеши, во-вторых, я и сам с усам... Максим Михайлович, у вас пары брючных ремней не найдется?

Нашлись, и даже больше, чем пара — Макс, не мудрствуя лукаво, принес их все сразу, вместе с вешалкой.

Рогволодович придирчиво повертел её, выбирая наиболее удовлетворяющие его взыскательному вкусу. Определился с выбором, выдернул подходящие, вешалку положил на столик, рядом с колдовскими цацками.

Выглядели они, кстати, абсолютно обыкновенно, никакой особой силы от них не исходило, да и вообще... Бижутерия как бижутерия, кое-что — явный авторский хэнд-мейд, часть и вовсе обычного потокового производства, по виду.

— Как вас вообще сюда занесло? — уточнил он между делом. — Вы же, вроде, к врачу собирались и потом сразу домой, спасать от меня детей?

Во-первых, еще неизвестно, кого от кого спасать, а во-вторых, хороший вопрос. Если бы я знала — я бы на него обязательно ответила.

Адка перескочила взглядом с Бронислава на меня.

— Лене понадобилось к начальнику, заехали по-быстрому, — пояснил дяде Мир, внезапно пришедший на выручку. — Ну и сам видишь, с врачом у нас в итоге как-то не срослось.

Макс взглянул на меня обеспокоенно — в отличие от Бронислава, он точно знал, что я бы скорее позвонила, чем приехала. Да и не объясняла эта версия одной маленькой детали — как у меня появились ключи.

Я, в целом, и не сомневалась, что Макс тоже задал бы мне этот вопрос, просто не при ком-то.

— Может, лучше за спиной? — деловито уточнила наидобрейшая моя, когда Бронислав свел запястья барышни и ловко захлестнул их петлей.

— Не учи папу Карло строгать Буратино, — благодушно отозвался

Азор-старший. — С вашей сестрой нужно бдительно следить за руками, чтоб вы ими не откололи чего.

Ада слушала с превеликим вниманием.

Н-да, не сложится у нее с сестрами по ремеслу, ой, не сложится...

На первой же минуте лекции, объясняющей благодарной слушательнице, как, в случае нужды, быстро и эффективно соорудить кляп из ремня для брюк, я поняла, что у меня с ведьмами тоже не сложится. Особенно в той части, где их допрашивают.

Слава богу, продемонстрировать методику прямо сейчас никто не собирался, просто запасливый дядюшка подготовился на случай возможных неожиданностей, но...

— Ада, ты бы лучше воды приготовила. Когда она придёт в себя — она будет очень хотеть пить! — напомнила я о себе и об основополагающих принципах гуманизма в целом и позорно сбежала.

Относить ключи соседке, пока она не эвакуировалась из здания, спасаясь от грядущего взрыва. Или не вызвала к нам отряд в тридцать витязей прекрасных, что вероятней.

Без чешуи, но с дубинками.

Вернув почтенной даме знак Елистратовского доверия и заверив, что всё было в порядке, и Макс ей ужасно благодарен, и вообще, скоро приедет, и я его непременно дождусь, спустилась на пролет и присела на ступеньку.

Дурнота, вроде бы уже отступившая, вдруг вернулась, да и наблюдать за тем, как «дядя Бронислав» допрашивает ведьму, по прежнему не было то ли желания, то ли сил. И не то, чтобы он собирался и впрямь ее пытаться...

В общем, я рассудила, что в квартире и без меня тесно, а я вот лучше тут посижу, подышу свежим подъездным воздухом.

В конце концов, там Макс и Адка, с такой группой поддержки нет ни единого шанса, что меня обнесут с какой-нибудь ценной информацией, а раз так...

Мир присоединился ко мне спустя буквально минуту, сел рядом и протянул термос, который, кажется, привез с собой Бронислав Рогволодович.

— Попей.

Я с готовностью сделала глоток и испытала острое разочарование.

Вместо ожидаемого горячительного, в термосе была самая обычная вода. Еще и с каким-то противным минеральным привкусом. М-да, собутыльник в минуту горести из Мирослава Радомиловича — так себе!

Однако под поощряющим взглядом я сделала еще пару глотков и вернула термос Азору. Сам пусть пьет. Он, не будь дурак, тоже хлебнул, а потом вкрадчиво поинтересовался, закручивая крышку:

— Лен, ты за последние недели ничего... странного не заметила?

— Ты издеваешься?! — искренне сорвалась на фальцет я.

— Ладно, уточню, — хмыкнул Радомилович. — Едем мы, значит, везем Аду к доктору, а потом...

Многочисленное молчание повисло в воздухе. Я насупленно молчала. Ой, вот не надо наезжать на женскую интуицию!

Я посопела.

— Мир, если ты сейчас опять начнешь насчет Макса...

Азор, запрокинув голову, хохотнул.

— Вот не переживай насчет Макса больше! К младенцам я не ревную! Даже если они голопопые...

— Справедливости ради, голая там была не попа, — растерянно пробормотала я. — Вернее — не только попа!

Боже, зачем я это делаю? Явно не от великого ума... Разве что, проверить — насколько можно верить его "не ревную"...

— Но вообще при чем тут младенцы?!.. — да, зажигание у меня сегодня позднее, но и мысли Мирослава, сама таинственность, Радомиловича, скакала очень переменными курсами.

Мир продолжал смотреть на меня умиленно. Но совершенно не собирался колотья, потому что прозвучал следующий ничего не поясняющий вопрос:

— Лен, тебе от водички полегчало?

Я прислушалась к себе. Ну полегчало. Но от водички ли?

— Ага, — кивнул Мир. — Лен, помнишь я тебе рассказывал про гендерные заморочки? Ну, что у мужчин-альтеров это боевое предвидение?

Я смотрела на него подозрительно. Не нра-а-авится мне куда вот сейчас тема завернулась!

— Так вот. У женщин есть свое предвидение. Только завязано оно на опасность, угрожающую их детям. Ну... или тем, кого они воспринимают на уровне фактически своих детей. Материнский

инстинкт суров и беспощаден, — добавил Азор и снова заухмылялся, явно что то себе представив.

Он выглядел таким совершенно, омерзительно довольным, что руки сами тянулись стереть это выражение с его физиономии.

Это просто возмутительно выглядеть таким довольным, когда я тут вся в прострации сижу и в себя завернута!

— Так что вспоминай, Колобок, — добил меня бессердечный нелюдь, — У кого из твоих родственников в роду были двойняшки?

— Ни у кого не было, — растерялась я, окончательно потеряв нить рассуждений (а ведь только что почти в руках была!), и возопила: — А двойняшки-то тут при чем?!

— А это самый очевидный маркер расовой принадлежности, — охотно пояснил этот садист. — Самый простой способ выяснить, по какой линии у тебя идет альтеровская наследственность и в каком она колене, это отследить случаи многоплодной беременности в семье. Хотя, в принципе, уже неважно — такие вещи выясняют до.

— До — чего? — я трепыхалась на поверхности из последних сил, отчаянно не желая погружаться в пучину невозможного, сверхъестественного и нелепого.

— До всего. Чтобы подсчитать, насколько велика вероятность завести детей у пары со смешанной наследственностью. Нам поздновато, не находишь?

Вот ему явно было хорошо, ему всё было просто и всё понятно.

А мне отчаянно, невыносимо были нужны Дин и Сэм Винчестеры.

Парни, в нашем городе вас ждёт много работы!

Я еще немного посидела, предаваясь сладостному отрицанию, подумывала еще про гнев, торг и депрессию, но вздохнула, и как большая девочка, перешла напрямую приятию.

— Давай еще раз, медленно и по пунктам. Ты сейчас намекаешь, что я имею какое-то отношение к вашей расе. В качестве аргумента приводишь нынешнюю ситуацию с Максом, утверждая, что это проявление ваших сверхсил? Вот прям мне в глаза это говоришь?

В такой формулировке это звучало еще абсурдней. План по приятию ощутимо пошатнулся.

Я смотрела на Азора давящим взглядом.

Вместо того, чтобы подавиться, он приобнял меня за плечи:

— Лен, да ты не переживай, это не больно! Жила же ты так всю

жизнь. Да и потом, я думаю, что у тебя альтером был в лучшем случае дед-прадед. Ну или бабка-прабабка. А то и того дальше. Просто близость источника, да дети-альтеры всю эту генетику чуток активировали.

Нытье “Ну заче-е-ем” и “Но я не хочу-у-у!” тут явно не сработает.

Вместо этого я вытянула у Мира термос и от души глотнула. Если не выпить, так хоть сделать вид, что выпила!

— Что там за дрянь налита? — уныло поинтересовалась я, лишь бы не говорить (и не думать) о насущном.

— Вода, напитанная источником. Ваша, кстати, из “Тишины”, — Мир клюнул меня поцелуем в макушку. — Не переживай так, Лен. Всё будет хорошо.

Я подумала, что надо бы сбросить это объятие — исключительно в педагогических целях, чтоб не смел огорошивать меня всякими гадостями, или просто вещами, которыми я не хочу огорошиваться, но передумала, и ткнувшись носом ему куда-то в подмышку, горестно засопела.

Ну заче-е-ем, а?! Ну я не хочу-у-у! Мне очень нравится быть единственным нормальным человеком во всем этом дурдоме!!!

— Такое раньше уже было? — тихонько спроси Азор у моего плеча, и я дернула плечом.

— Было. Во время рейдерской атаки на “Тишину”. Я тогда убедила себя, что это просто игра разума, галлюцинация, с беременными бывает — некоторые, вон, троллейбусы в у себя в спальне видят, а меня вот так накрыло...

— Мы предполагали, что это ты, скорее всего, вынесла тогда документы, — Мир вздохнул, и обнял меня уже обеими руками. — Но не подумали, что здесь может быть замешано что-то по нашей части. Всё же, беременная женщина, большой срок, угроза преждевременных родов... Ведьмы поэтому и отступились тогда, занялись тобой. Погибни кто-то от их рук рядом с источником — и он на долгие годы стал бы непригоден.

Мир потерся о мои волосы щекой.

— Достаточно разумное объяснение, чтобы не искать подтекстов. А еще подобное было?

Я задумалась: случай с Адкой выглядел за уши притянутым, я могла от чего угодно проснуться среди ночи, на самом-то деле, но я всё

же поделилась с Миром сомнениями.

А это бессовестная сволочь в ответ заржала:

— Действительно, какие могли быть сомнения, что и Адка в списке психологически усыновленных!

Может, спихнуть его с лестницы? На него, в конце концов, мой материнский инстинкт не распространяется!

— Мир... а почему тогда я ничего не почувствовала, когда эта рожа ведьминская уводила детей? — оказывается, моя голова еще могла что-то соображать, и вопрос назрел сам собой.

— Потому что чуйка срабатывает на непосредственную опасность. Если детворе не собирались причинять вреда...

Я задумчиво кивнула. Окей, один повод для убийства с особой жестокостью из списка вычеркиваем!

— Пойдем, — Мир встал и потянул меня за руку. — Что-то мы надолго господ гуманистов без присмотра оставили. Боюсь, Елистратов твой один с ними не справится!

“Мой Елистратов со всем справится!” — мрачно подумала я, но поднялась со ступенек и пошла за Мирославом, анализируя и раскладывая на составные не слишком привычное ощущение — свою руку в чужой ладони.

Вернувшись, я первым делом окинула взглядом Максову гостинную, ища следы кровавых зверств — не нашла. Уф, слава богу!

Бронислав сворачивал тугим кольцом несостоявшийся кляп, Адка сидела на подлокотнике дивана над плененной девицей, Макс на диване — но с другого его краю.

Я пригляделась к пленнице — темные волосы вороньим гнездом, связанные руки поджаты к локтями к животу, запястьями к груди, и характерные прерывистые вздохи из середины этого сжавшегося комка.

Понятно, режем-с. Как ломать волю человека, ничего плохого тебе не сделавшего — так это мы взрослые. А как отвечать за свои поступки — так сидим в слезах и соплях.

Гуманисты выглядели раздосадованными. По крайней мере, та, что помладше и девочка. Тот, что покрупнее и лысый, казался скорее задумчивым.

Предчувствуя, что ответ на мой вопрос меня не порадует, я всё же спросила с робкой надеждой:

— Что удалось узнать?

— Не так много, как хотелось бы, — признался Бронислав и уселся в кресло. — Нашу барышню зовут Ирина Борисовна Святкина, по ее словам. Семнадцати лет отроду. Мои люди сейчас пробивают, что это за зверь такой. Будут результаты — поделюсь. Так вот, если она не врёт, а она вроде бы не врёт — то противоправные действия против Максима Михайловича Елистратова она совершала не по собственной инициативе, а по прямой указке своей старшей. Попытка похищения малолетних детей Колобковой Елены Владимировны тоже была выполнена по ее распоряжению.

Нет, не бог весть какие шокирующие откровения, так-то: вряд ли сопля, не достигшая возраста избирательного права, рассчитывала сама подмять источник. Логично, что она делала это для кого-то.

— Информация о том, что твои дети немножко нетипичны, просочилась из поликлиники. Кого-то заинтересовали анализы, которые вы делали, когда началась инициация. — Бронислав рассказывал всё это, не сводя глаз с Ирины нашей Борисовны.

Меня кольнуло чувство вины — черт, так и знала, что выйдут нам боком эти анализы!

— В принципе, нормальный человек ничего из обычных анализов не увидит, — продолжил Азор. — Барышня по этому поводу знает только то, что про детей её наставнице рассказал кто-то из товарок, подвигающихся в детской поликлинике, так что это только моё предположение. Я думаю, нашелся кто-то, сведущий в... тонкостях. Его заинтересовала клиническая картина, и он сделал пару необычных анализов. Зачем наставнице дети — она не знает, но догадаться не сложно. С Максимом Михайловичем — аналогично. Вызвала наставница, очертила задачу, после чего выдала снаряжение и нужные сведения, и вперед... Имя, описание или хотя бы какие-то приметы этой чудесной женщины установить не вышло.

Бронислав невесело сощурился, разглядывая забившуюся в угол девку.

— Зато удалось узнать, что современные наставницы не гнушаются ставить блоки своим ученицам. Причем, не считают нужным не то чтобы поинтересоваться мнением ученицы по этому поводу, а даже и постфактум о своих действиях известить... собственно именно из-за блока мы ничего больше от нашей птички залетной и не добьемся.

Ога, я поняла по вашим кислым щас, что это нетипичное решение,

но хорошо бы разъяснения разъяснить! Для неофитов.

Я перевела взгляд с одной глубокомысленной физиономии на другую и решила, что Елистратов в качестве источника информации мне нравится больше.

— Это очень плохо сказывается на возможностях будущей ведьмы, Лен. — Оправдал мои ожидания Макс. — Все эти действия, совершаемые против воли или за спиной, подрывают уверенность в себе. А для ведьмы уверенность в себе — половина силы.

Я погоняла по черепной коробке эту мысль — что так, что эдак, выходило некрасиво.

— Хорошо, я поняла. О будущем своей подопечной таинственная старшая особо не думала. — Я вопросительно посмотрела на мужиков. — Ну, по сути, мы и так это знали — какая нормальная наставница отправит несовершеннолетнего на такое дело? Но проблемы воспитания ведьмами молодняка нас пока что не касаются, на мой взгляд — у нас своих полно. Что делать-то будем?

— Искать, — Бронислав покачал ногой. — Будем, дорогая моя Елена Владимировна, искать. К сожалению, домой вы с детьми пока что вернуться сможете — я не смогу гарантировать вам безопасность. Гостиница мне в свете последних новостей тоже не нравится — слишком много людей имеют доступ к номерам. В ближайшее время мы подберем дом в частном секторе. Поэтому...

— Поэтому, — перебил Макс, — Будет лучше если вы временно переберетесь в “Тишину”.

И поморщился когда на нем скрестились взгляды двух Азоров:

— Имейте в виду, я пускаю вас только ради безопасности детей!

Меня тут же озарило, что вот он, удачный момент, технично сдать назад и не выглядеть при этом дура-дурой.

— Так уж и быть, — встряла я, всем видом давая понять, что наступаю на горло собственной песне, и какой песне! — Позвоню сейчас Виталику. Может, найдутся ваши машины... Но я делаю это только ради безопасности детей!

Адка отвернулась, закусив губу, Макс стоял с максимально серьезным лицом.

Мирослав поклонился, прижав руку к сердцу:

— Спасибо вам, елена Владимировна!

Я благосклонно кивнула. Говорить глупости вроде “Не за что!” не

стала.

Что значит — не за что? Еще как есть за что. Пусть знают, кто тут их благодетельница!

Добытая ведьма пялилась на нас из угла дивана с легким испугом. Может, даже, не на нас. Может, даже, на меня.

Кстати. Этим нужно воспользоваться.

Но сразу реализовать свои коварные планы мне не удалось, потому что Бронислав Рогволодович не дремал, а имел что сказать широкой общественности:

— Максим Михайлович, мы ценим ваше щедрое предложение, особенно в свете всех... событий. Однако, в свете этих же событий, ваша база тоже не представляется очень уж безопасным местом. Скорее всего, среди ваших затесалась либо ведьма, либо кто-то им сочувствующий. В любом случае, ваш штат... Не совсем благонадежен.

— Именно, — невозмутимо кивнул Макс. — Именно поэтому “Тишина” закрывается на карантин, а сотрудники отправляются в вынужденные отпуска.

“Что?!” — взвился во мне на дыбы внутренний старший администратор.

— Что?! — взвилась следом я вся. — Макс, что значит — закрываемся, как — закрываемся?! Это же... Это же ущерб, репутация, потери... Выселять гостей, возвращать деньги, отменять брони... В конце концов, киношники! К нам киношники приезжают!

— Лена! — рявкнул Макс, оборвав меня на полуслове. — Предлагаешь мне дальше греть под боком кого-то, кто присылает ко мне одноразового исполнителя с приказом превратить меня в идиота? Или, может, подождём пока эта сволочь еще что-то подожжет? Может, не лес, а базу? — тяжелое бешенство, до этого тщательно сдерживаемое, шарахнуло наружу.

— Созвониться с одной хорошей девочкой из СЭС? Она поможет подобрать формулировку, чтобы проделать всё с наименьшими подозрениями и ущербом...

Я быстро брякнулась на все четыре фигуральных копыта — то есть, вспомнила, что хороший администратор отличается умом, сообразительностью и здоровым инстинктом самосохранения.

— Звони, — Елистратов уже взял себя в руки, и удушливая волна распирающего его гнева как-то упаковалась обратно, но Адка всё равно

смотрела на него с невыносимым сочувствием.

Пока я звонила, мужики углубились в детали предстоящей кампании по поиску ведьм.

Звучало это очень по-инквизиторски. Да и настроение (моё, по крайней мере) вполне соответствовало.

У Макса выхода на ту сторону не было. Азоры, хоть и выяснили, что в Черноречке обитает довольно большая община, установили это по каким-то своим косвенным признакам и, скажем так, следам деятельности.

Краем уха слушая обсуждаемые стратегии, я присела на диван рядом с девчонкой.

Сколько я ее ни рассматривала, ничего демонического не видела. Так... Подросток как подросток, симпатичный и угловатый. Только-только округляться начала. Поздновато для современных акселератов... Тоже неблагополучная, что ли? Хотя это не показатель.

Вздыхнув, я спросила:

— Тихий лес — тоже твоя работа?

Она шмыгнула носом и покачала головой:

— Нет, — я едва расслышала её ответ. — Меня не взяли. Там тонкая работа была, важно было, не оставить следов, и...

Глаза на меня она поднять не смела.

Я старалась говорить негромко и спокойно. Хватит, зубы я ей сегодня уже показала — теперь бы мне ее на разговор вывести. На отвлеченный разговор о не слишком важных вещах.

Держалась девчонка ко мне боком, прятала лицо и... Я не могла понять, она боялась меня или стыдилась того, что наделала? Хорошо бы, второе. Тогда еще не всё потеряно.

— Слушай, а ведьмы правда в Вальпургиеву ночь гольшом шабаши устраивают?

Рядом фыркнула Адка, и тут же среагировала:

— А ты бы не фыркала, а пользовалась! Настоящая ведьма рядом сидит — когда еще получится узнать о себе важное?

Адка сделала лицом скептическое “ну-ну”, но послушно пересела с подлокотника в ближайшее кресло, давая понять, что готова присоединиться к беседе о неважных вещах.

Нависать перестала, внимание изобразила — всё-таки, мне с Адкой дико повезло, она невероятная умница.

— Нет, — неохотно, но всё же отозвалась “настоящая ведьма”, поняв, что мы таки ждем ответа. — Это не наш праздник, ну... И вообще...

То ли она сама не знала, что “вообще”, то ли ее не особо пока до таких вещей допускали — я не поняла, но это было не очень важно. Беседа мало-помалу двигалась в нужном мне направлении.

— А какие праздники — ваши? — поинтересовалась я. — Вы Новый год отмечаете?

Исключительно поддержания разговора ради.

Собеседница вздохнула, вытерла рукавом глаза:

— Отмечаем, но... как люди. А ведьмовские праздники — это... ну, равноденствия с солнцестояниями... Те дни, которые астрологически значение имеют.

Она выглядела неуверенной и подавленной, эта девочка Ира Святина. И мне было ее жалко — даже за то, что сделала я сама. Даже при условии, что будь у меня возможность переиграть, всё сделанное я бы повторила не колеблясь. Мне всё равно было её жалко.

— Ладно, девочки, вы болтайте, — я осторожно погладила дуреху по плечу, — А я пойду, с мужчинами поговорю.

Адка, бдительный страж пленённых ведьм, пересела на моё место, как только оно освободилось, и я уходя успела услышать, как Ирина, бессильно откинувшись щекой на спинку дивана, тихо выдохнула в пространство:

— Наставница меня убьёт!

И бодрое Адкино:

— Да ладно! Ей еще в очереди придётся постоять!

Фейспалм. Аделаида Константинова в ампула утешительницы еще менее состоятельна, чем я!

— Макс, а ты случайно не знаешь, где на территории “Тишины” располагается этот самый источник?

— Нет. — Елистратов если и удивился вопросу, этого не показал. — Я вообще о нём понятия не имел.

Оба на! Теперь удивилась я — как это так?

— Я знаю, где, — вмешался Мир. — А Елистратову он просто не нужен — оборотням от них ни жарко, ни холодно. Вот и не чувствуют они их никак. А что?

— Ага... — так, конечно, стало понятнее, хотя речь не об этом. —

Покажешь мне, где? Макс, у тебя карта “Тишины” есть?

— В кабинете, — Елистратов смотрел на меня с подозрением.

Я повертела головой, выбирая наиболее подходящую дверь. Макс молча встал и вышел.

Мир и Бронислав Рогволодович смотрели с интересом, но больше спрашивать не пытались — да я бы и не сказала, слишком боялась спугнуть.

Большая настенная карта легла на пол.

Мирослав, прикинул что-то, и ткнул пальцем в нужную точку, и я взгляделась в красочно оформленный чертеж елистратовских земель:

— Так-с, что тут у нас? Барсук, лось и глухарь... Макс, у тебя есть отсюда удаленный доступ к нашей базе данных? Нам нужно выяснить, кто занимал эти избушки последние три года в дни солнцестояний и равноденствий.

Глава 10

В “Тишине” было... тихо. Настолько тихо, что звенело в ушах и кружилась от непривычности голова.

Когда мы приехали туда с корзиной-картиной-картонкой и тремя Мирославовичами после Адкиного врача (фиг тебе, а не соскочить, коза!), которому подсунули заодно и Ирину, обеда и долгих сборов, Макс уже успел промчатся по базе суровым ураганом и вымести оттуда народ, начиная от работников, заканчивая постояльцами, коих — одно счастье! — по зимнему времени было немного.

Мне оставалось только страдать, что он наверняка это сделал без должного уважения.

Из персонала на базе остался лишь минимальный минимум — так, за отоплением проследить да коней обиходить.

И все эти люди работали в “Тишине” существенно дольше четырех лет — того момента, когда здесь сформировался источник, и к базе начали проявлять свой недружественный интерес нехорошие лица.

Даже ворота нам открывал вместо привычной физиономии, посаженный в будку подчиненный Бронислава. Я невесело хмыкнула — вот вам и столичные захватчики! Захватили жеж! Установили полный контроль над территорией, не подкопаешься.

Я поделилась этим метким наблюдением с Мирославом, но тот только буднично осведомился:

— Отозвать?

Я нахохлилась и отвернулась. И кто, спрашивается, разрешал ему вырабатывать иммунитет и лишать меня такого прелестного наезда?!

Единым решением было забаррикадироваться в гостевом корпусе, а не рассредотачиваться по избушкам, поэтому внутри оказалось довольно оживленно, с учетом развернувшегося штаба, и все равно, сердце как-то болезненно сжалось, когда взгляд мазнул по пустующей стойке администратора...

— Три года, — пробормотал Бронислав Рогволодович, когда, еще в квартире Макса, я явилась к мужчинам со своей светлой мыслью. — Четыре известных даты. Три домика. Да мы, если повезет, и засланца вашего сейчас вычислим. Елена Владимировна, в вашей базе данных

фиксируется, кто из администраторов оформлял бронирование?

— Неважно, — вместо меня отозвался Макс. — Там фиксируется дата, а сопоставить ее с графиком смен — вопрос десяти минут.

Аня Машукова, Рита Викентьева, Женя Никитенко и Маша Великанова.

С горничными мы общались меньше, а с девочками...

— Думаете, всё же администратор? — вопрос был глупый, но он был скорее про мою надежду, чем про разум.

— Уверен, — сочувственный взгляд Бронислава ситуацию особо не поправил. — Им нужен был гарантированный, беспрепятственный доступ к Источнику, настолько, что они решились на силовой захват. Какой смысл засылать к вам информатора, если он не сможет его обеспечить? Горничные или там работники кухни могут быть замешаны только в том случае, если шпионов больше одного.

Это было логично. Более чем. Но от мысли что одна из этих девочек, которых я считала “своими”, вот так вот хладнокровно сожгла лес, посаженный собственными руками, пыталась похитить моих детей, фотографиям которых еще недавно умилялась...

Дурно мне было от этой мысли. Дур-но.

Наш план был прост. Прошерстить даты на предмет частых повторов и вывести несколько имен с допустимой статистической погрешностью.

А имена — это уже не безликое “ведьминская община”, это адреса, связи, контакты.

Господи, да в городе вроде Чернорецка, вполне вероятно, даже азовские ресурсы задействовать не придется, здесь и так все всех знают...

Ну и вычислить, кто бронировал номера на эти имена.

— Елена Владимировна! — Ольга Радомиловна перехватила меня у лестницы. — Можно вас на минутку?

...когда мы всё тем же великолепным составом явились в “Золотое кольцо”, вид у сестры Мирослава был несколько очумевший, но, в целом, скорее радостный, чем нет. Да и держалась она молодцом — у ребят из охраны, к примеру, в глазах плескалась тоска-печаль “И вот этому всему нам предстоит как-то обеспечивать безопасность!”. Я им сочувствовала, но ничем помочь не могла.

Тогда мы все были на взводе и в сборах и на праздные беседы

совершенно не было времени, а теперь вот Ольга стояла передо мной и слегка смущалась, собираясь начать разговор.

А я в очередной раз отметила, насколько она красивая женщина: ей шло всё. Деловой костюм, ультракороткая стрижка, легкое смущение. Всё ей оказывалось к лицу, всё её только красило.

— Елена Владимировна, знаете, у меня немного странная просьба... Вы не могли бы поделиться со мной фотографиями Стасика, Ярика и Оли?

— Колобчат — чтобы всех не перечислять. Или Мирославичей — если вам так больше нравится, — предложила я. — Не подумайте, что мне жалко, я, конечно, поделюсь, просто любопытно. Вы же часа два с ними в сидели. Неужели не нафотографировались?!

— Видите ли, — она вдруг смутилась еще сильнее. — Я разбила свой телефон.

Так. Я перевела взгляд туда, где в сопровождении Адки чинно стояли мои милые дети.

Так.

Логическая цепочка выстраивалась наимпримитивнейшая: тройняшки — попытка поснимать — разбитый телефон.

— Вы что, давали им свой телефон? — мученически уточнила я.

— Он был в противоударном чехле! — оправдывалась Шильцева тоном нерадивой ученицы, объясняющей, почему она не выучила урок.

Ага, в чехле. А в садике кровати вообще были деревянные — как будто кого-то это спасло!

Я молча вынула свой смартфон.

— Говорите, куда скинуть, Ольга Радомиловна!

— Просто Оля, — обаятельно улыбнулась она.

— Тогда уж и вы зовите меня Леной, — вынуждена была предложить я, чувствуя, как обваливается еще один кусок тщательно выстроенной мной стены.

Нет, я бы и сама из-за нее вылезла, зачем же так ломиться?!

Азоры — это всегда Азоры, даже если они Шильцевы!

И, отстранившись от внутреннего бульканья и фырчанья, пообещала:

— Заселимся, отберу что поинтереснее.

— Спасибо! — еще обаятельнее улыбнулась Ольга. — Лена, вы разрешите подарить детям щенка или котенка?

— Нет! — и это было такое “Нет!”

Всем нетам “нет”!

— Почему? — Ольга даже растерялась от моей категоричности, а я начала понимать, чего мне на самом деле следовало всё это время бояться. — Вы не любите животных?..

— Люблю, — мрачно призналась я, кося взглядом в сторону колобчат. — Потому и не завожу!

И пояснила расстроенной свежеиспеченной тетке:

— В квартиру, где уже держат троих активных и любвеобильных малолетних детей, приводить еще одного питомца бессердечно. Залюбят. — И со вздохом призналась. — Мы с Адой о частном доме подумывали. Вот если переедем — тогда можно будет и подумать. О чем-нибудь солидном, чтобы умело не давать себя в обиду. Или шустром, чтобы в случае чего, могло убежать и спрятаться.

— Или достаточно многочисленном, — поддакнул Мир, незаметно подойдя сзади и положив ладонь мне на спину, — Чтобы детская любовь равномерно распределялась по большому количеству особей!

Я одарила юмориста кислым взглядом.

— Но, в любом случае, сейчас нам некогда этим заниматься.

— Кстати, Лен, — жизнерадостно продолжил Мир. — Наши машины нашлись, представляешь?

— Да что ты говоришь? — изобразила я неубедительный энтузиазм.

Ольга переводила взгляд с него на меня и обратно.

Я всегда знала, что Виталик — профессионал!

— Да-да! Представляешь, сами позвонили, сами сообщили! Даже не знаю, как теперь иск им вчинять за незаконные действия. Прямо, неловко!

Мирослав, возможно, еще долго бы глумился, но тут по лестнице спустился Елистратов.

— Дядя Ма-а-акс! — возопила малышня, завидев необъятную фигуру и, мигом растеряв всю благопристойность, табуном кинулась к нему, сшибая все на своем пути.

“Дядя Макс” при первых звуках трехголосого вопля втянувший голову в плечи, на момент, когда вихрь до него домчался успел взять себя в руки и распахнуть объятия в которые влезло бы еще разок по столько же.

— Ш, дети, Максим Михайлович занят, — застрожилась я и погнала стадо дальше, на второй этаж. Там есть чудесные номера прямо рядом с игровой комнатой.

Я не видела лица Мирослава за моей спиной, но отчетливо осознала, что кое-что мне надо сделать прямо сейчас, и тянуть дальше не имеет никакого смысла.

— Так, играем в “тише мыши”! — объявила я, стоило зайти в номер, и Оленька, уже наострившая косячки в знакомую игровую, печально выкатила нижнюю губу. Синие глазищи заблестели, но воля наша крепка — непреклонный взгляд и девица послушно залезла на кровать рядом с братьями.

“Тише мыши” — это у нас сигнал для разговора, когда мама говорит, а дети слушают. Выработывался долго и мучительно, и используется только в крайних случаях. Если зачистить — перестает работать, увы. Пробовали.

Мир сгрузил наши сумки, и я жестом подманила его поближе. Возможно, всех надо было как-то к грядущему морально подготовить, но что-то на моральные подготовки у меня последние дни не было никаких моральных сил. Спонтанность и импровизация — наше все!

Я присела так, чтобы оказаться на уровне детских глаз и проникновенно завела сказочку:

— Птички мои, помните мультик про мамонтенка?

“Птички” согласно покивали. Ярик даже радостно затащил “по синему моюююю...”, но его тут же зашикали двое других. Если в “тише мыши” не слушать маму — конфет на полдник не достанется никому, а не только нарушителю.

— Помните, как мамонтенок потерялся и потом искал свою маму?

Рожицы согласно закивали.

— Искал-искал-искал — и нашел. Так вот. У нас в семье потерялся папа.

— Папа? — в один голос переспросили все трое, и я почувствовала, как за моей спиной кто-то кажется перестал дышать. Хм, мужики вообще в обмороки падают, мне пора начинать беспокоиться?

— Да, папа, — подтвердила я.

В принципе концепт этот колобчаткам был знаком. Хоть и смутно. Был момент, когда обнаружив в книжке, что у детей бывают мама и папа они называли папой Адку — за неимением альтернатив. Потом,

когда им втолковали, что девочка не может быть папой, что папой может быть только мальчик, эту почетную должность на короткий срок занял сторож дядя Паша. Тот, несмотря на всю любовь к моей банде, тоже не захотел почивать на таких лаврах, и дальше вопрос как-то быстро сошел на нет. “А где наш папа?” я так и не услышала, видимо, даже детям было ясно, что от такой бестолковой матери ответа искать бессмысленно. По глазам видно — сама понятия не имеет!

— Он тоже потерялся и долго-долго нас искал. И нашел.

Слова почему-то подбирались с трудом. И не столько даже потому, что тема была сложная для разговора с трехлетками. А...

Что-то царапало в груди. Маленькими коготками. Что-то просилось наружу, скапливалось в уголках глаз, норовило заблестеть на ресницах. И пока я проталкивала ком в горле, чтобы продолжить, синие взгляды переместились мне за спину, и мои умненькие деточки дошли до сути и сами.

— Это папа?..

— Да, котята, это ваш папа.

Синие глазищи сделались огромными и круглыми. А я почему-то не могла заставить себя обернуться и посмотреть на Мирослава.

— Ва-а-ау... — бесхитростно протянула Оленька.

И я, не удержавшись, таки уронила лицо в ладони и... захрюкала. Да, дорогая моя! “Вау!” — это крайне метко и очень емко!

Я поднялась, испытывая глубокое моральное облегчение от исполненного долга, и хлопнула в ладоши.

— “Тише мыши” закончились, теперь можно взять папу и показать ему игровую комнату! А еще задать любые вопросы и он на все обязательно ответит, потому что папы знают все-все-все!

И вот тут я обернулась. Безмолвный вопль “Лена, твою мать, кто ж так делает?!” читался в синих глазах, но он быстро был заглушен радостным визгом, с которым колобчата скатились с кровати и повисли на новообретенной “игрушке”.

Я только развела руками с гнусной ухмылкой. А когда за воссоединившимися родственниками закрылась дверь — рухнула на кровать и блаженно на ней растянулась.

Да-а-а. Да-а-а. Все правы! Детям однозначно нужен отец!

Чтобы мать могла вот так вот валяться и даже не испытывать за это угрызений совести!

“Совет в Филях” собрался в малой переговорной.

Присутствовали со стороны “Тишины” — Макс и я, с “Азоринвеста” — Мир, с трудом выцарапанный из цепких детских ладошек, Бронислав и Ольга. Она, кстати, пыталась подать голос в защиту Славика, но мужики были непреклонны: наказан! Так что пусть сидит, охраняет Ирину свет Борисовну, и не жужжит.

Бронислав держал слово. Отчет о проделанной работе был достаточно скромен:

— В списке проживавших в интересующих нас домиках одно имя повторилось четыре раза, еще три имени — трижды, все остальные упоминаются один-два раза, вот список, — Бронислав протянул Максу листок, тот беглым взглядом окинул список из пятнадцати фамилий и передвинул его ко мне. — Семь раз из двенадцати бронирование осуществлял один и тот же администратор, в в первые дни после того, как открывалось бронирование. Викентьева М.

Ритка. Да чтоб вас всех! Ритка! Маргарита Леонидовна Викентьева, стальной характер, железная хватка, нарадоваться на нее не могла — надежнейшая сотрудница!

Максу, в отличии от меня, некогда было развозить сопли по морозу, он думал о настоящем:

— А остальные пять случаев?

— Все равно это бронь в день открытия бронирования, Максим Михайлович. Видимо, те случаи, когда их человек не смог поменяться сменами и попасть на первый день — тогда они звонили и бронировали место общим порядком.

Да, Ритка часто менялась сменами. Какая-то там хитрая система взаимовыручки и девчонок была. Я не возражала. Настаивала лишь на том, чтобы меня предупреждали заранее... Может, зря это? Может, стоило требовать жесткой трудовой дисциплины и соблюдения рабочего графика?..

— Еще есть две пометки о случаях, когда брони были сдвинуты. Сперва одна из трех избышек оказывалась занята посторонним клиентом, а через некоторое время, в смену Викентьевой, происходила рокировка, и первоначальный клиент переезжал, а освободившееся место занимал кто-то из списка, — Бронислав выглядел серьезным и сосредоточенным.

Я задумчиво изучала фамилии гостей, снимавших заветные избушки. Вот что странно: мне казалось, ведьмы должны быть не последними людьми в городе.

С магией-то, считай, легче строить карьеру, чем без, не?

Там на глаза удачно кому-то попадешься и запомнишься, тут сопернику бумажку нужную потерять сможешь... И готово: образ наиболее компетентного сотрудника сформирован. И это я чисто о мелочах говорю.

А между тем, фамилии в списке мне сплошь незнакомые.

— Ладно, — Макс поднялся над столом хмурой глыбой. — Предлагаю съездить к госпоже Викентьевой и на месте получить у неё разъяснения. А там разберемся.

— Согласен, — Мир тоже встал. — Два свидетеля — лучше, чем один. Тем более, с блоком.

Бронислав поднимался со старческим кряхтением и неохотой, изображая из себя разбитого параличом дедушку-инвалида, и я тихо порадовалась, что женского персонала на базе нет. “Дедушка” Бронислав грозил серьезным ущербом моему авторитету — удержать девок от безудержной кадржки я бы не смогла.

Господи, хоть бы он был женат!

— Да, — добавил Бронислав, не подозревая, к счастью, о моих страданиях. — Я видел на улице камеры. Как долго у вас хранятся записи? С двадцать первого декабря могли остаться? Хорошо бы просмотреть, Елена Владимировна. Может увидите кого знакомого, что любопытное.

Мужчины вышли, а я отстала, задумавшись о брэнном: как бы это мне так организовать питание колобчат и примкнувших к ним товарищей, чтобы не браться за готовку самой? По всему выходило, что никак.

Печально переварив этот вывод я поднялась и покинула конференц-зал.

Там мужики на подвиг собираются, надо им платочком помахать, что ли. И идти к окошку, вязать на пальцах. Тьфу ты, на кухню — кашу варить.

— А где Елена Владимировна? — голос Славика донесся откуда-то от лестницы, а сам его обладатель виден мне не был — впрочем, как и я ему.

— В конференц-зале... О, вот она, — Мир деловито застегивал пальто. — А что?

— Вот именно — а что? — согласилась я. — Вы же не ждете, что я с вами на разборки поеду?

— Отнюдь! — Всеслав Всеволодович жизнерадостно высветил зубы в улыбке. — Наоборот! Я, знаете ли, опасаясь вас из виду выпускать. А то, боюсь, приедем — а там Елена Владимировна в одиночестве стоит, сабельку от крови отряхивает!

— Мир! — возмутилась я столь откровенному намеку на то, что я склонна махать шашкой, чуть что. Это же не правда!

— Топор, — покладисто поправил племянника Мир. — Елена Владимировна предпочитает топор.

Выпроводив героев на правое дело, я сделала то, чего давно хотелось: пошла посмотреть тот самый пресловутый Источник.

Ну, что сказать... Ручей, как ручей. Насколько я знаю, он питался от того же подземного источника, что и родники, давшие название заповеднику. Пару лет назад, когда я как раз вышла из декрета, его облагородили: прочистили русло, выложили где яркой пестрой галькой, где светлым песком, а над истоком навалили шалашом массивные камни. Никаких изяществ и излишеств, сплошь простота и естественность природных форм.

Из-под этих камней ручей теперь и вытекал. Чистый, искристый, всегда холодный — как и положено любому уважающему себя подземному роднику. Поросший по берегам хрупким колким льдом по зимнему времени.

Пить из него воду, правда, мне никогда в голову не приходило. Дитя большого города, я в принципе, ужасалась от мысли, как это — вот просто взять и попить воды из открытого источника?! Но вон в заповеднике мне этот аттракцион не раз предлагали, и все сотрудники хором клялись что это совершенно безопасно, а провожатые для каждой группы туристов исполняли арию об анализе, пробах и составе. И пили, конечно — что гости, что персонал. Не могу сказать, что смертность среди сотрудников “Соловьиных родников” существенно превышала норму.

Я вгляделась в воду, пытаюсь хоть что-то увидеть, почувствовать — шиш.

Мне было хорошо здесь.

Но мне в принципе в “Тишине” было хорошо.

Очень хотелось ковырнуть его пальчиком, спросив в пустоту: ну и где тут эта ваша сила? Но, как взрослая умная женщина, ничего подобного делать я не стала.

Так ничего и не вычужав, и махнула хвостом и отправилась к своим хвостикам — каша, знаете ли, сама себя не сварит.

Я брела по дорожке, пинала случайные комки снега, и вообще, пребывала в изысканной меланхолии, когда на меня налетел Филлипыч. В прямом смысле — налетел, придержал за плечи, чтоб не шлепнулась, и поинтересовался у меня откуда-то сверху нашей разницы росте:

— Ты чего приуныл, Колобок?

— Есть готовить не хочу, — честно, как на духу, созналась я в грехе бесхозяйственности.

— Да кто ж тебя допустит?! — искренне изумился друг. То есть, человек, которого я когда-то им считала.

И пока я прикидывала, как морально уничтожить эту версту коломенскую, чтоб не смел больше принижать моих неоспоримых достоинств, он развил свою мысль:

— Шашлык — дело мужское! — и уже серьезно, без шуток, спросил, — Лен, ты не знаешь, что происходит?

— Знаю, — призналась я, сгребла Игоря под руку, и мы побрели по дорожке парой. — Игорь, только это не для передачи... “Тихий лес” кто-то из наших поджег.

Я локтем ощутила, как он дернулся и напрягся от такой новости, а емкий и нецензурный комментарий предпочла не расслышать, и невесело кивнула, подтверждая — да, я не шучу.

— В общем, Макс как узнал — на дыбы встал. Ты ж его знаешь. Вот, теперь — пока не прищемит хвост поджигателю, никого на базу не пустит.

— Да уж, вы с Елистратовым похожи. Только у него размах побольше — ты только гостей выгнала, а он всю базу разогнал, — невесело пошутил Новицкий.

В принципе, тут есть, чем гордиться!

— Лен, ты уверена? — светлые глаза на смуглом лице смотрели жестко, недоверчиво, когда Филлипыч задал этот вопрос.

Я вздохнула.

— Игорь, как думаешь, Макс пошел бы на вот это всё, — я кивком обвела территорию базы, имея в виду чужую охрану на постах, отправленных по домам сотрудников, и гостей, расселенных по другим базам отдыха. — Будь у него хоть какие-то сомнения? Или, полагаешь, он такой легковёрный...

Игорь, уверена, ничего подобного не думал. Но поверить в сказанное мной сходу тоже не мог. да что там — я сама не сразу в это поверила.

— Ладно, Лен. — Новицкий аккуратно вынул руку из моего захвата, и потер лицо. — Пойду я костер разводить. Пока прогорят, пока шашлык можно будет ставить...

Шашлык? Шашлык! А жизнь-то, определенно, налаживается!

Новицкий ушел разжигать костер и переваривать отредактированную версию новостей для сотрудников, не посвященных в аномальное, а у меня в кармане почти тут же сработала рация.

— Елена Владимировна, — выдал кусок пластика, прихваченный с собой исключительно по устоявшемуся рефлексу, — Это Сергей Глушко, старший группы охраны. Мирослав Радомилович распорядился с вами детское меню согласовать. Я сейчас парней в Чернорецк за ужином отправляю, какие будут пожелания?

Господи! Жизнь прекрасна!

Когда вопрос хлеба насущного рассосался и скрылся за горизонтом вместе с кормовыми огнями внедорожника охраны, меня озарила прекрасная, неожиданная в своей свежести мысль.

А не поработать ли вам, елена Владимировна?

А поработать!

Я вынула телефон (надо было и Адке выдать рацию, чего она на администраторской стойке без дела болтается, но я не подумала). Трубку моя няня взяла сразу.

— Ад, вы где?

— В игровой, — получила я мрачный ответ. — И мы с мелкими, и Ольга Радомиловна, и эта! И еще два парня из подручных дяди Бронислава, они к этой приставлены, вместе с ней пришли.

“Дяди Бронислава”? “Дяди”, твою раскую, “Бронислава”?!

Боже-боже, пусть он будет женат, от всей души прошу!

Это каким же всепроникающим, как гамма-лучи, обаянием надо обладать, чтобы склонить мою нескгибаемую к фамильярности!

Осторожно, подтянув на место отвисшую челюсть, я слабым голосом поинтересовалась:

— Адочка, а Ольга Радомиловна ничем важным не занята? Если нет, попроси её...

— Так, секунду, погоди! Сейчас я ей телефон дам!

Действительно. Чего это я.

Новое “Алло!” в трубке было сказано уже другим — богатым, хорошо поставленным голосом.

— Оля, ты ничем не занята? Если нет — бери ноутбук и подходи к административному корпусу. Я попробую записи с камер наблюдения поднять, а ты сможешь накачать себе фотографий детей...

Родной кабинет встретил прохладно: ввиду отсутствия народа по рабочим местам, Елистратов, рачительный хозяин, убавил отопление до минимума. Я раздумала снимать пуховик и открывать окно, зато, порывшись в недрах шкафа, выудила электрообогреватель.

Компьютер приветливо подмигнул заставкой (летняя “Тишина” и слет ролевиков-косплееров), когда ко мне присоединилась Ольга.

Фотографий драгоценных чад у меня было изрядное количество, особенно новорожденных: первое время мы с Адкой, две особы, близко не знакомые с младенцами, фотографировали как очумелые.

Часть снимков, правда, годилась только для отправки в интеллектуальное казино “Что? Где? Когда?”, с подписью “Уважаемые знатоки, что, по-вашему, изображено на этой фотографии?” (и ничего бы не светило там ни Аскерову, ни даже Друзю!), а другая часть как раз для того и снималась, чтобы выложить фото на мамском форуме с паническим “Что с ним/ней?!”. Но рыться во всём этом богатстве мне было лень, а потому я с чистой совестью перевалила эту честь на того, кому больше нужно — и попросту предоставила Ольге доступ к папке “Дети” в облачном хранилище, с невинным видом “разрешив” удалять самые неудачные и дублирующиеся.

Главное — грамотная организация труда и делегирование полномочий: сохраняет снимки за меня телефон, а сортирует пусть Шильцева!

И пока Ольга щелкала мышью, я зашла в систему видеонаблюдения.

Пароль. Что значит — “неверный пароль”?!

Еще раз пароль! “Осталось две попытки”.

Та-а-ак... Я же точно помню, я не могла забыть!

А что там еще написано?

Твою мать, Лена!

“Выберите пользователя”.

Убедившись, что Шильцева увлечена своим делом и не видит этого позора, я торопливо выбрала из списка “Администратор”, и повторила пароль.

Табличка благополучно рассосалась и впустила меня в систему.

Тык-с. Дата — двадцать первое декабря. Отправить.

С некоторым душевным трепетом я ждала ответа верной машинки — вдруг, не повезло? Вдруг, эти записи успели кануть в небытие? Но нет, немного подумав, комп уведомил, что нашел искомое, и я с азартным нетерпением ткнула на значок загрузки.

Наблюдать рабочий день администратора через запись видеокamеры мне доводилась не первый раз — видеоконтроль, в конце концов, являлся одной из моих обязанностей. Сплошной проверки Макс не требовал, но периодически наугад проверять записи камер наблюдения — будь любезна. Это не считая форс-мажоров, само собой.

Я и проверяла — но никогда доселе я не смотрела на человека за стойкой, как на врага. Резкая, глубокая неприязнь вытеснила такую же глубокую симпатию, и прочно заняла её место.

Эта. Женщина. Причастна. К попытке похитить моих детей!

Макс, молча и безнадежно сражающийся за свободу воли.

Сгоревший Тихий лес и стылый запах гари над “Тишиной”.

Ко всему этом Рита Викентьева, надежная, компетентная и приятная, приложила руку, даже если она не является той самой таинственной наставницей Ирины Святиной.

Ведьм на записи я опознала сразу.

Камера смотрела сверху из-за плеча администратора на стойку и посетителей, и их лица были хорошо различимы. Выражение, с которым первая из вошедших обменивалась приветствиями с Ритой, были очень характерными — так смотрят не на персонал базы отдыха, где бывают раз-два в квартал, так смотрят на собственного подчиненного, которого давно, хоть и не очень близко, знают.

Я остановила ускоренный просмотр и отмотала запись чуть назад, чтобы начать смотреть с того момента, как компания вошла, запомнила время на бегунке, и нажала “плэй”.

Четыре человека, все женщины.

Внимательно всматриваясь в запись, пока ведьмы по очереди предъявляли паспорта администратору, я пыталась найти известные мне лица — но без особого успеха. Вот эта статная брюнетка, в возрасте “под тридцать”, который у таких ухоженных дам сохраняется лет до пятидесяти, выглядит, вроде, знакомой. И вон ту крашеную блондинку я, кажется, где-то видела... Всё. На этом мои успехи в опознании исчерпались.

Проверки ради я загрузила запись с той камеры, что смотрела на дорожки, ведущие к триаде “барсук-лось-глухарь”, вбила время с концовки предыдущего видео — и да, вскоре под камерами прошла знакомая верхняя одежда, в комплекте четыре штуки, свернула на нужное ответвление. Вернувшись к первой записи, я аккуратно вырезала кусок видео с лицами нужных гостей. Вернутся мужики — сдам.

— Что-то нашла? — Ольга оторвалась от своего ноута.

— Да, — я вздохнула, и повернула монитор так, чтобы ей было лучше видно. — Но четыре человека на три домика — это очень мало. Надо дальше смотреть.

— Ага, а пока ты отвлеклась, расскажи-ка мне, что на этих фотографиях?

Теперь уже я тянулась к чужому монитору, а Ольга разворачивала его ко мне.

— Ну, это мы приехали домой из роддома, и пересчитываем детей, — прокомментировала я трех красных червячков на своей кровати. — Это — Оля голову держать начала... Ой, нет, это Ярик. Или это Стасик? Не, точно Ярик! Это кто-то из мальчишек из манежки сбежать пытается — с этого ракурса не разберу, кто. Но скорее всего, Ярик, у него с детства исследовательское шило свербит. Тут мы с Адой Олю ходить учим. В кадре не видно, но остальные двое в этот момент орут. А здесь...

Печатала Ольга быстро, десятипальцевым методом, подписывая снимки практически с той же скоростью, с какой я их комментировала, а в углу мессенджера в параллельно прирастали циферки непрочитанных сообщений.

По мере отправки снимков счетчик обнулялся, но количество сообщений росло с такой скоростью, что было очевидно: чат семейный,

и он бурлит.

Ольга со скоростью пулемета участвовала в переписке.

Я вздохнула, и вернулась к просмотру, правда, изменив порядок действий: теперь я решила сначала просматривать камеру с тропинки к домикам, и уже по времени на ней искать нужные куски на ресепшене. Так выйдет быстрее и надежней, чем по выражениям лиц отгадывать, “ведьма ты, али не ведьма”, как говаривал Высоцкий.

— Оль, а что это за отпуск у Мирослава такой странный? — между делом спросила я, старательно пялясь в ускоренную прокрутку видеозаписи пустой дорожки.

— Какой — странный? — подняла голову от ноутбука Шильцева, где как раз загружалась очередная пачка фотографий.

— Ну... гопницкий! И вообще, расскажи мне про него.

— А-а-а! — радостно протянула любящая сестра, и лицо ее озарила наиковарнейшая из улыбок. — Сейчас!

И в мессенджер улетело сообщение: “Мам, пришли мне фотографий Мирослава в юности, ну тех, которые ты не любишь!”

— Мир у нас в семье бунтарь! — ошастливила меня Ольга. И я одарила ее сомневающимся взглядом “кто бы говорил, мисс Рогнеда”. — Нас у родителей трое, Всеволод, старший, ему сейчас сорок восемь, долго был единственным ребенком, а ты знаешь, у нас это редкость, родители уже почти и не надеялись, что получится еще кто-то, поэтому вложились в единственное чадо конкретно так, вырос чудо, а не сын, по всем фронтам идеальный. А потом родились мы. И на наше воспитание сил у мамы с папой уже не хватило, поэтому что получилось, то получилось.

В голосе ее звучала отнюдь не горькая, а вовсе даже веселая ирония, и я, не стесняясь, хихикнула.

— Во, смотри! — мессенджер пикнул, выдавая запрашиваемые фото, и Ольга развернула их на весь экран.

Йо-о-олки зеленые...

— Тут ему восемнадцать, — участливо подсказала доброй души женщина, откровенно наслаждаясь моей реакцией.

На фото Мир, бритый, с гопницкой ухмылкой, с серьгой в ухе стоял, небрежно прислонившись к монстру, отдаленно похожему на мотоцикл. Я в свои восемнадцать на такое чудовище взгромоздилась бы только под страхом смертной казни. Ну, или если бы мне предложил вот

этот вот синеглазый рэкетир.

Он был в футболке, и на руках отчетливо виднелись татуировки-линии энергетических каналов.

— До восемнадцати мы обязаны скрывать каналы, — пояснила Ольга, явно следя за моим взглядом и ходом мыслей. — А после — по желанию. Мир перестал сразу же, как только получил такую возможность.

На другой фотографии была запечатлена компания таких же гопников (это удовлетворенно отметило, что мой — самый симпатичный). Еще несколько фото в общем-то отображали ту же картину.

— Тут помладше. Пятнадцать вроде.

В пятнадцать у него было побольше волос, не было серьги и татуировок, но был тот же задиристый взгляд, толстовка с черепом, куча какого-то металлолома на рюкзаке и общий вид ребенка, которого из школы лучше сразу выставить, во избежание.

— Отучился он из-под палки, — но не потому что дурак, а потому что не интересно, и в нашу компанию запихнулся в общем-то едва ли не силком. Как раз-таки на нынешнее место Славика. Севка взвыл от этого, но папа был непреклонен — хватит фигней страдать, пусть набирается реальной жизни. Правда, ко всеобщему удивлению, реальная жизнь с реальной работой Миру очень даже внезапно понравилась. Так что единственное от чего он страдал — это от дресс-кода. И при малейшей возможности выкидывал что-то вот из разряда, — Ольга хихикнула и кивнула на фотографии, а потом задумчиво постучала себя по подбородку. — Давненько у него правда срывов не было. Ты, считай, пожалуй, последний застала. Перерос, наконец, что ли?..

— Первые сорок лет самые сложные в жизни мальчика, — прокомментировала я известной фразой.

— Да-да, — активно покивала двойняшка, которая судя по физиономии, и про себя могла бы много чего интересного рассказать, но пока что наслаждалась тем, что сдавала с потрохами братца. Семейка! — Но вообще, как ни странно, он у нас в семье самый обаятельный. Собственно, поэтому ему всегда все с рук и сходило, даже все черепа и прочие извращения. И в школе его учителя обожали не благодаря, а вопреки. И в университете строгие совковые дамы души в нем не чаяли, и “татушки” не помеха. Да и вообще по жизни...

— Да, я заметила что-то такое, — пробормотала я себе под нос, и Ольга хмыкнула.

— Но ты не подумай, он не бабник, хоть по виду и не скажешь. У него наоборот с женщинами как-то не складывается. Вернее, не то, чтобы не складывается, а...

Она примолкла, подбирая слова, а я затаилась, не желая выдавать излишний интерес к подобным сплетням, но и отчаянно желая услышать, что же она расскажет.

— Просто по жизни до сих пор ему было интересно что-то другое, а не эти ваши все отношения, — наконец нашла слова Ольга. — Ему надо, чтобы так раз — и в омут с головой, и чтобы ух!

— Ага, займешь трех трехлетних детей после одной случайной ночи, — философски поддакнула я. — Куда уж более “ух!”.

— Вот, — Шильцева не оценила сарказм, а наоборот возрадовалась. — Именно! Чтобы драйв, кипиш, и непонятно, что со всем этим делать, но делать что-то надо!

Что ж, затусить с девицей в истерике, которую только что спас от насильников вполне вписывается в концепцию драйва и кипиша!

А на вид все же такой приличный мальчик.

Сейчас. А не в восемнадцать. И не четыре года назад...

Я подумала сама себе “ой, все!” и вернулась к делу, оставив Ольгу одним глазом косить на меня с непонятым умилением, а другим продолжать участвовать в бурной семейной жизни чата.

Всего я выбрала двенадцать человек, которые двадцать первого декабря приехали отдохнуть в домиках вокруг Источника.

Знакомых лиц среди них было мало — я узнала только одну, журналистку, корреспондента областной газеты и достаточно известного в городе блогера. Еще двоих помогла идентифицировать функция распознавания фото в поисковике. Одна оказалась индивидуальным предпринимателем, владелицей нескольких магазинов и периодически мелькала в разномастных рекламных кампаниях; вторую выдали соцсети — эффектная дамочка активно выкладывалась в Инстаграм, Фейсбук и черт знает где еще.

Если не учитывать ту блондинку, которая у меня смутно ассоциировалась с городской администрацией, выходила треть.

Ладно, может, Макс еще кого узнает. Ну и возможности службы безопасности “Азоринвест” вряд ли исчерпываются гуглом.

С чувством выполненного долга я заварила чай (пакетированный, ужас-ужас, пьется только на работе, чтобы ни дай бог случайно не увидела Адка, а то убьет), поставила перед Ольгой ее чашку и подошла к окну.

За окном бурлила жизнь: Аделаида Константиновна вывела на прогулку вверенный её попечению зоопарк, в составе трех колобчат, двух охранников и одной ведьмы, которую осторожная моя, очевидно, боялась выпускать из виду.

Выкатившись на улицу, мои детки первым делом ринулись делать “снежных ангелов” на газоне. Дома им такого удовольствия не перепадало, дома везде машины, собаки и другие дети — куча конкурентов, словом, а тут простор и целина, сколько счастья в одни руки!

Глаз зацепился за движение на заднем плане.

Автомобили смешанной оборотново-альтеровской ударной группы героев появились на въезде, и почти сразу скрылись, загороженные воротами, чтобы через минуту снова появиться в поле зрения, вырвав на парковку.

Я нахмурилась: что-то мне подсказывало, что если бы возвращались с уловом, хоть один бы да позвонил, похвастался бы. А раз нет...

Я вытянула шею, рассматривая момент выгрузки из машин, и оказалась права: Риты Викентьевой там не было. Они вообще вернулись тем же составом, что уезжали — что, само по себе, конечно, радовало. Но...

Мужчины, о чем-то с серьезными лицами переговариваясь, пошли по дорожке к теремам, вывернули из-за елок — туда, где нагуливала аппетит перед ужином гоп-компания.

Я гнусно захихикала: со второго этажа было отлично заметно, как мгновенно сориентировавшийся Макс грамотно сдал назад, оставив на острие атаки шедшего рядом Мирослава, и с выражением лица “нафиг-нафиг” слинял в задние ряды, ровно за секунды до того, как синицы заметили взрослых.

Многоголосое “А-а-а-а!” досталось целиком и полностью Миру, который, наоборот, радостно склонился навстречу разноцветной волне зимних комбинезончиков и расставил руки.

Я прижалась виском к стеклу и смотрела вниз, чувствуя, как губы

сами собой, абсолютно неконтролируемо расползаются в улыбке.

Зеленый, броской жизнерадостной расцветки, комбинезончик подлетел в воздух сперва слегка, а потом как следует — сопровождаемый полным восторгом воплем.

Стасик приземлился в руки Мирослава, обвиснув всеми конечностями, как котенок — и тут же изо всех сил ими задержал, требуя повторения развлекательной программы.

Мир засмеялся и снова подбросил старшенького.

Снизу, в районе его колен, скакали Ярослав и Оля, требуя внимания, увеселений и власти над миром.

Развлекуха зашла на второй круг, когда господин Азор решил, что пора бы внести изменения в программу, и моё сердце оборвалось и покатило куда-то со второго этажа по ступенькам в преисподнюю (хотя раньше они туда не вели) — Мирослав бросил дитя не вверх, а в сторону.

Нет, мозг понимал, что... Да всё мозг понимал — он просто понимание это до инстинктов донести не успел, и когда поймавший Стаса Бронислав стал мне виден из-за елки, я успела благополучно умереть.

— Что они творят! — свирепая реплика Ольги сопровождала полет второго комбинезончика — вместе с абсолютно счастливым содержимым, само собой.

Я придержала Радомиловну, рвущуюся к окну:

— Погоди... Всё, третий пошел. Можешь орать! — великодушно пропустила её к окну, и от души хлебнула из кружки остывшего чая.

А зря я коньяку в кабинете не держу, вот зря!

Душевное равновесие и так восстанавливалось, но с коньяком дело пошло бы быстрее.

Оля посмотрела в окно (там летали дети, но невысоко — к осадкам, видимо), посмотрела на меня:

— Но... почему?!

— Что — почему? — я вздохнула, и прекратила придуриваться, — Оля, вот ты веришь, что они их уронят? И я не верю. Так что...

Я допила остатки чая одним глотком и прошла к шкафу — там у меня было небольшое чайное НЗ на всякие непредвиденные ситуации.

— К тому же, — я отлила в кружку воды из бутылки, ополоснула, вытерла насухо салфеткой и убрала кружку на место. — Твой дорогой

брат еще не знает, что он только что вменил себе вот этот вот фитнес в обязанность. Я его пока просвещать не буду, а там пусть сам выпутывается!

Телефон зазвонил и не дал мне развить эту мысль, исполненную глубочайшего коварства и вероломства.

— Спускайся ужинать! — мурлыкнул Мир, и я на слух определила, что он улыбается. — Твой попельник шашлыки приготовил...

— Какой попельник? — очень убедительно изобразила я голосом недоумение и удивление.

— Ну, этот. Раколов! — ухмыльнулся мне в ухо Азор и отключился.

И моё артистичное, выразительное, отображающее пару десятков оттенков эмоций фырканье пропало зря.

Ну, ничего, я ему потом на бис повторю!

Внизу разворачивалось действо: Филлипыч священнодействовал над мясом. Остальные мужики стояли над ним с видом чрезвычайно одухотворенным, и осуществляли моральную поддержку.

Хорошо, что предусмотрительная и многомудрая Ада угнала колобчат ужинать в цивилизации, за столом: аромат стоял такой, что хотелось немедленно Родину продать за ради того, чтобы быть допущенной к его источнику.

Я воздержалась, и не напрасно — Игорь надрезал ножом пилотный кусок, внимательно его рассмотрел, и объявил:

— Всё, готово!

Шампуры с горячим, сочным мясом пошли по кругу. В первую очередь — Ольге и мне (причем ей — первее, у-у-у, павлин, уже хвост перед гостьей распустил!), потом Макс и Азорам.

Есть шашлык прямо с шампура изящно и красиво и не уделаться — это великое, великое искусство. Я им не владею, потому процесс от меня требовал всего внимания.

Господи, вкусно-то как! Язык проглотишь!

— Лен, а где твоя машина? — спросил вдруг Игорь.

Я недоуменно оторвалась от еды, и посмотрела на Филлипыча с двумя шампурами в руках.

Внутри обеспокоенно шевельнулась жадность: а почему это ему два? Почему ему, а не мне?!

Я заглушила внутренний голос, и активировала внешний:

— Дома остался, а что?

— Давай ключи, я Сеньке отнесу. Завтра заберет...

А! То есть, второй шампур — Балоеву!

А почему он не вышел здороваться?

Стоп, а он что здесь делает?!

Хотя... Я попыталась представить Сеньку вступающим в сговор с ведьмами, и не смогла. Макс, наверное, тоже не смог — вот и не выпер механика в отпуск.

Спохватившись, что Игорь ждет ответа, я вздохнула:

— Не, не надо, — свежо еще было воспоминание о том, как Сенька не хотел садиться за руль, когда я попросила отвезти меня в заповедник. — Сама заберу.

Филлипыч кивнул, мол, как знаешь, и утопал в сторону гаража. А раз единственный непосвященный в чертовщинные дела удалился, можно было начать и разговоры разговаривать.

— В общем, такое дело, — Бронислав потянулся и перевернул новую порцию мяса на мангале, и заговорил, лишь убедившись, что Новицкий ушел достаточно далеко. — Опоздали мы, сбежала ваша Викентьева. Муж со свекровью в растерянности — куда она исчезла, не знают, и даже когда — сказать не могут. Не помнят, и всё

Я сосредоточенно жевала мясо, внимательно слушая Бронислава. Если физиономия у меня при этом стала такая же серьезная, как у Ольги — выглядело это забавно.

— Нам показалось это странным, я немного поработал со свидетелями, и они сумели-таки вспомнить, что в какой-то момент Рита просто села в машину и уехала. Вещей не собирала, ничего не объясняла, и вообще, выглядело так, будто она просто выскочила в магазин за сигаретами, например. Вроде бы, перед этим она разговаривала по телефону — но это не точно. Заморочили их на славу, словом. Времени они назвать не смогли, и в этот раз морок не причем, они оба в тот момент были заняты своими делами и не обратили внимания, но по всему выходит, удрала Викентьева еще до того, как была объявлен разгон “Тишины” по домам.

— Получается, мадам подалась в бега, ориентировочно, после провала малолетней ведьмы Ирины? — прожевав, задумчиво уточнила Ольга.

— Получается, так, — блеснул лысой головой Бронислав. —

Кстати, об Ирине. Мы на обратной дороге заскочили к ней домой — по тому адресу, что она назвала, это по пути. Там действительно живет чета Святиных с детьми, но...

Старший из Азоров скривился, а Славик, и без того непривычно тихий, посмурнел.

— Оба пьяные, и перегаром разит, крепким, застарелым. В доме срач, а по двору выводок детворы бегаёт в десяток душ — не уверен, что там все их, но половина точно. Такие же чернявые, как Ирина ваша. Где их старшая дочь шляется, трепетные родители не знают, и саму дочь вспомнили с трудом. Причем — ни малейшего следа воздействия, всё собственными усилиями и с помощью зеленого змия. Прошлись по соседям — последнюю пару лет, а может и чуть больше, Ирина дома появлялась не часто. Так, помаячит — и снова нет её.

Макс потеснил Бронислава возле мяса, перевернул шампуры как-то по своему (Рогволодович только хмыкнул), и перехватил эстафету рассказчика:

— По всему выходит, что эта неведомая ведьма-наставница подобрала оборвыша, накормила, напоила...

— Придела, — добавила я, вспомнив, что одета Святина была прилично, да и вообще... Вполне ухоженной выглядела. Аккуратные ногти, чистые волосы... Самая обычная молодая девушка из семьи среднего достатка.

Это, конечно, если ее коллекцию бижутерии не считать — там, думаю, побрякушек на приличную сумму наберется, даже без учета “начинки”.

Макс кивнул.

— Словом, из грязи вытащила и показала другую жизнь.

Макс задумчиво нахмурил брови, и глядя сугубо на мясо, сказал:

— Лен, ты не могла бы Аду попросить, чтобы она Ирину попробовала разговорить? На сугубо отвлеченные темы: чему ее учили, куда выводили, кому показывали...

Я пожалала плечами: не вопрос! Надо — разговорит. Только хорошо бы знать, зачем.

И Макс без наводящих вопросов пояснил:

— Есть у меня предположение, что Святина эта — одноразовая. Не то чтобы совсем, но... под конкретную акцию. И для этого дела специально подбирали максимально неблагоприятную, чтобы, во-

первых, от великой благодарности смотрела в рот и без лишних мыслей делала, что прикажут, а во-вторых, чтобы некому было поднять шум, когда своё отработает.

Я вспомнила, что Елистратов еще в квартире бросил в сердцах это слово, я тогда об него споткнулась, потому что не поняла, но потом у меня эта деталь в памяти затерлась. А у Макса, получается, нет.

Азоры слушали молча и внимательно. А Макс говорил, осторожно подбирая слова и глядя больше на угли, чем на людей:

— Я еще во время допроса, когда блоки эти вылезли, подумал, что нормальных учениц так не воспитывают, а после поездки к Святиным только убедился.

Мы обдумывали поступившую информацию в тишине, и в ней особенно хорошо был слышен треск углей в мангале и шум двигателей — вернулись машины, ездившие в город. Ворота открылись, и на территорию вплыли в сгущающихся сумерках оба внедорожника. Завернули на парковку, мигнули огнями стоп-сигналов. Одна за другой хлопнули дверцы, и в потемках стали видны две рослые фигуры с термо-сумками на плечах.

Бронислав достал телефон — и на парковке заиграла бодряя мелодия.

— Да, Бронислав Рогволодович?

— День, вы несите сразу в столовую и начинайте, нас не ждите — мы уже ужинаем. Обязательно у Ады Константиновны уточните, будут они есть полезную еду или на сегодня вкусной обойдутся. И планы на завтра согласуйте.

— Есть, Бронислав Рогволодович! — отозвались в трубке, и обе фигуры протопали к гостевому терему.

Мы дружно проводили их взглядами — вот ребята поднялись на крыльцо, дверь открылась, уронив на тесовые доски прямоугольник сливочного света, и закрылась, приняв внутрь добытчиков и сделав вечернюю темень плотнее.

Мирослав задумчиво хмыкнул, и прочертил снег невесть откуда взявшимся прутиком:

— А что, по срокам сходится... Смотрите, соседи сказали, что Ирина не живет дома два года с небольшим, а нападение на “Тишину” было чуть больше трех лет назад. Какое-то время ведьмам понадобилось, чтобы найти одаренную девочку, достаточно

молоденькую и в сложной жизненной ситуации. Еще какое-то время было необходимо, чтобы втереться ей в доверие — вряд ли они ее из дома сразу забрали, скорее, приручали постепенно. Но если твоя теория верна, то выходит, что местные ведьмы давно это всё планировали, и только натаскивали исполнителя, на которого можно будет свалить вину.

— Угу, — согласился Бронислав, стаскивая зубами с шампура остатки последнего куска мяса. Прожевал его, вытер губы и руки салфеткой, и поправил Мира, — Только не “местные ведьмы”, а “часть местных ведьм”. Вряд ли эта таинственная наставница работает в одиночку, скорее всего, у нее есть соратница или даже соратницы — но уж точно она действует не с официального одобрения Ведьминого Круга. Запрещенное применение силы, привлечение внимания к общине, а уж подобное экстравагантное обращение с ученицами... За такие шуточки приличные средневековые колдуньи, не моргнув глазом, ставили товарок на костер, а потом кострище солью засыпали.

— Полагаете? — Макс коротко, остро взглянул на Бронислава.

— Уверен, — меланхолично отозвался тот. — Закон есть закон, и даже если обходить его взялась глава общины — она не могла делать это открыто.

Макс беззвучно хмыкнул: он, по-видимому, допускал и такое развитие событий.

Я же склонялась к мнению Бронислава. Ну, не может некое сообщество состоять сплошь из подонков! Все люди разные, и обязательно найдутся среди них и приличные. А среди подонков уж всяко найдется тот, кто с радостью использует столь явное нарушение правил кем-то в своих интересах. Нет, не будет никто здравомыслящий так подставляться, верша во всеуслышание незаконные дела, в которых к тому же по завершении должны образоваться трупы из своих же.

Такие вещи делаются тихо, группой надежных единомышленников...

— В общем, если подвести итог, всё выглядело так, — подал вдруг голос Славик, и я вздрогнула от неожиданности, отвыкла уже, проштрафившийся племянничек в последнее время всё больше помалкивал. Но Всеслава скрестившиеся на нем взгляды не смутили, и он продолжил, — Некая группа ведьм планировала захватить источник магическими методами, раз уж не вышло силовыми. Для этого они

растили исполнителя, которого потом, с большой долей вероятности, собирались пустить в расход. Насильные блоки гробят будущее ведьмы, а для этой ее наставница просто не планировала будущего.

Макс невесело кивнул, подтверждая, что пока согласен.

Славик продолжил:

— Потом в “Тишине” появились мы. Столичные инвесторы представляли для ведьм угрозу: с корпорацией трюк с подавлением воли не провернешь, слишком много людей, отвечающих за принятие решения, придется подчинить. Причем, людей которые даже не здесь сидят — а значит, влезть придётся на территорию другой общины.

Ольга смотрела на племянника с умилением и гордостью: ну, какой же умничка!

— Допустить сотрудничество было нельзя, поэтому “Азоринвест” постарались скомпрометировать.

— И ты этому с радостью поспособствовал, — поддакнул Бронислав с добродушнейшим видом.

— Вместе с Еленой Владимировной, — огрызнулся “виновник торжества”, которого, похоже, родственники уже допекли.

— Не трогай Елену Владимировну, — вполне корректно, но с намеком попросила я..

— Да ну вас! — скуксился Славик.

Макс как раз принялся раздавать новую порцию мяса, и Всеслав потянулся за шампуром, но садисты-родичи его остановили:

— Ты дальше рассказывай, рассказывай!

В этот раз ехидной выступал Мир — причем, сам он так смачно вгрызся в мясо, что даже мне было очевидно: издевается!

— А что тут рассказывать? — буркнул Азор-младший. — Мы из Чернорецка сразу не уехали, а потом всплыли анализы твоих детей, и стало очевидно, во-первых, что и не уедем, во-вторых, что мы альтеры, и, следовательно, интерес проявляем не к базе, а собственно к источнику. И противной стороне...

— Очень противной! — встряла я, не выдержав, и рядом хихикнула Ольга.

— И противной стороне, — с нажимом повторил Славик, — Пришлось форсировать события, и выпускать...

— Кракена! — на этот раз от моей реплики закашлялся кто-то из мужчин.

— И выпускать недостаточно подготовленного исполнителя, — закончил Славик с невыносимой укоризной в голосе.

Но я поднапряглась — и вынесла.

Возвращение Игоря раколова Филлипыча положило конец потусторонним разговорам, и я, пошептавшись интимно с Максом, скинула ему на почту добытое видео, и отбыла в номер.

Спать пора, потому что, уснул бычок!

Едва слышный стук в дверь раздался, когда я уже вырядилась в пижаму, смыла физиономию и готовилась отдаться сну, которого после прошлой ночи и очень насыщенного дня был откровенный недобор. Дети в три носопырки сопели на раскладном диване, Адку я выслала отсыпаться куда подальше с ее головой и вообще никого не ждала. Но стук повторился, и соблазн прикинуться спящей пришлось отринуть — количество важных событий на единицу времени начинало зашкаливать, и мало ли что там случилось...

За дверью случился Мир. Щурясь от коридорного света, я вопросительно вскинула брови, и господин Азор догадливо сообщил:

— Все в порядке, — и тут же расплылся в улыбке. — Я просто хотел пожелать спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — проворчала я, невесть чего стесняясь. Вчера вот после душа в безразмерном халате — не стеснялась, а очень даже наоборот, чувствовала себя вполне себе воинствующей амазонкой, а сегодня нате — стесняюсь.

Загадошна ты женская натура...

В один номер со мной и детьми он не напрашивался, и за это я была ему благодарна. Морально я была пока что не готова к тому, чтобы дети обнаружили меня утром в постели с мужчиной. Детям-то может и все равно, по кому скакать, но я не готова — и все тут!

Да и вообще события сменяли друг друга, а отношения с еще недавно совершенно чужими людьми эволюционировали с такой скоростью, что от этого кружилась голова и хотелось рывкнуть: “Тпру! Стоп! Все притормозили, разошлись на исходные позиции и дали бедной матери трех детей время прийти в себя!”.

Какое-то смешное время назад я — мать-одиночка, а теперь у моих детей есть отец, тетя, дядя, многочисленные бабушки-дедушки и прочие родственники, ведьмы-альтеры и даже отдельно взятый оборотень...

— Не так, — прервал мои горестные размышления Мир, помотав головой. Ухватил меня за руку и вытянул в коридор, чтобы припереть к стене, прижавшись всем телом, и поцеловал. Глубоко и жарко, до мурашек по позвоночнику, до ослабевших коленей, до звенящей пустоты в голове.

— Вот так, — удовлетворенно произнес он, — Надо желать спокойной ночи.

Хм. Что-то в этом есть! Ну-ка попробуем!

Привстав на цыпочки и вцепившись от души в плотный свитер, я продемонстрировала господину Азору, что не он один тут умеет кружить головы.

Когда поцелуи стали уж совсем невыносимо обжигающими, а воздуха стало катастрофически не хватать, мы оба синхронно притормозили, с сожалением понимая, что не время и не место. Я разжала пальцы, невесть когда вцепившиеся в пепельно-русые лохмы, и погладила чуть шершавую мужскую щеку, ненароком коснувшись уха, в котором едва заметно виднелся след от сережки.

Мир потерял носом о мой висок и выдохнул в ухо:

— Ну? Что тебе Ольга про меня сегодня насплетничала?

— Что тебя не интересуют женщины, — честно синтезировала я.

— Чего-о?! — оскорбился Мирослав, я-не-такой, Радомилович.

— А что? Интересуешься? Хм, любопытно... как часто и в каком количестве?

Просто Мир расширил глаза и открыл было рот, чтобы начать толкать речь в свое оправдание, но в итоге только возвел глаза к потолку: “Женщины!”.

— Я серьезно, — буркнул он потом, и на мгновение сквозь взрослую устоявшуюся личность проглянул лохматый пятнадцатилетний мальчишка с рюкзаком из металлолома и упрямым взглядом.

— Серьезно — так серьезно, — вздохнула я и снова зачем-то погладила не дающую мне покоя мочку уха. — Возможно, этот вопрос стоило задать раньше, чем знакомить тебя с детьми, но... что, если у нас не получится?

Отличный секс — это, конечно, прекрасно, но что есть между нами помимо секса, общей тайны и трех детей? А вдруг он носки разбрасывает? Или там тубик с пастой не закрывает?.. почему-то на

этих двух пунктах список вероятных смертельных прегрешений в моей голове исчерпывался, но я списывала это исключительно на нехватку опыта совместной с мужчиной жизни.

Что будет, когда вся эта наша нынешняя идиллия посыпется, как карточный домик? Пропадет новизна эмоций, тот самый “драйв и кипиш”, и дети покажутся обузой, а мать их станет не такой уж и нужной...

— Может, и не получится, конечно, — медленно и задумчиво произнес Мир, и я удивленно вскинула на него глаза. Я ожидала заверений и обещаний, а не... — Ни на одни отношения нельзя дать гарантии. Но ты уверена, что не будешь жалеть, если даже не попытаешься? Я вот знаю, что буду.

Он прижался лбом к моему лбу, как когда-то, давно, в прошлой жизни, полной беззаботных глупостей.

— Как бы ни сложились отношения между мной и тобой, я знаю одно, Лен, и это факт — я не брошу детей.

Что ж, решила я, вполне себе гарантия!

И, прогнувшись в сильных руках, потянулась за новой порцией “спокойной ночи”.

То ли кто-то старался плохо, то ли все волнения дня оказались сильнее, но пожелания не сработали. Засыпала я медленно, и заснув, провалилась в вязкую тревожную муть, иногда всплывая на ее поверхность. Снился мне Колобок, ушедший от Бабушки и Дедушки, и застрявший на Медведе, Терем-Теремок, избушки Лубяная и Ледяная, посторонние тетки, на это все претендующие, и во сне я твердо была уверена, что уступать им никак нельзя, они из другой сказки. Из какой — не знаю, но из другой точно, велено не пущать!

И я беспокойно “не пущала”, иногда бдительно поднимаясь к самой границе с явью.

Чтобы в очередной раз вздрогнуть и проснуться от острого ощущения чужого присутствия.

Надо мной кто-то стоял.

Я дернулась всем телом, пытаюсь откатиться, но запуталась в одеяле и простынях.

Огромная фигура, подсвеченная снизу холодным белым светом, склонилась ко мне.

Глава 11

— Лен, всё в порядке! — шепнул пришелец голосом Мирослава и вырубил фонарик на телефоне, но я всё равно успела заметить кровь у него на лице.

— Мир! — мысли путались то ли спросонья, то ли с перепуга, то ли от облегчения. — Что?..

Я запнулась от обилия первоочередных вопросов.

Что ты здесь делаешь? Что случилось?

— Что у тебя с лицом?

— Что с лицом? — растерялся Азор. — Я просто зашел проверить, всё ли у вас в порядке.

— У тебя кровь, и вообще... — выпутываясь из одеяла, не слишком удобно ворчать, особенно, если нужно помнить о том, что рядом спят носики-курносики, ушки-на-макушке.

Я справилась, сунула ноги в тапки, намотала одеяло на плечи, нашарила телефон и закончила мысль:

— И вообще, идём в коридор!

Дверь тихо закрылась, отделяя нас от Мирославовичей, и я бескомпромиссно ухватила Мира за подбородок, игнорируя его попытки отвернуться и развернула лицом к себе.

Так и есть — по всей физиономии кровавые разводы. Никаких открытых ран вроде не видно, зато в ноздрях виднеется запекшийся кровавый ободок, почти черный в скудном дежурном освещении. Судя по всему, кровь шла носом, а остальное — просто разводы.

Под моим взглядом Мирослав шмыгнул носом и попытался вытереть его ладонью, подтвердив мои выводы.

— Я думал, стёр, — виновато улыбнулся он. — Извини, что разбудил и испугал, просто хотел проверить, всё ли с вами в порядке...

Сурово оглядев его с ног до головы, я отметила тонкие спортивные штаны и футболку, в которой Мир, кажется, спал, мокрые пятна на этой футболке, а еще взъерошенность, и потребовала:

— Рассказывай!

— Лен, правда, уже всё нормально!

Не в добрый момент он взялся меня успокаивать, ох, не в добрый!

— Мирослав Радомилович Азор, у тебя двадцать секунд, чтобы быстро рассказать мне правду, а потом я начну убивать!

— Ночью на “Тишину” напали ведьмы, пытались зачистить Ирину, нападение отбито, никто из наших не пострадал, — вняв угрозе, Мир уложился даже в меньшее время, честь ему и хвала.

Я качнулась с носков на пятки, запихивая в себя все, что хотелось сказать. Голова шла кругом и в процессе пухла, ум заходил за разум и только матерный словарный запас чувствовал себя в своей стихии, подтягивая всё новые и новые резервы.

Господи, когда это всё закончится?

Какую ночь я проведу дома, без экстренных побудок и немедленных эвакуаций в любые дебри, только быстро?

— Подробности! — вытолкнула я наружу единственное цензурное слово в своем лексиконе.

Вместо ответа, Мир, глядевший на меня тревожно, вдруг сгреб меня в охапку. Поверх моего одеяла прямо, сгреб, притянул, поцеловал в макушку и утешающе сообщил:

— Лен, что бы ты там себе не навидумывала — выдыхай, УЖЕ всё хорошо.

Сквозь волосы, кожу и череп эти слова как-то быстрее просочились к мозгу.

И пока я нерешительно примеряла на себя это состояние — “уже всё хорошо”, Мир взял меня за руку и повёл. Я шла не очень охотно — у меня в незнакомом номере остались спать маленькие дети, которые вообще-то обычно спят хорошо, но ведь могут и проснуться, и тогда непременно испугаются. Одеяло сползло и волочилось за мной королевской мантией, а под ним я была в пижаме, но я шла.

А Мир вёл меня за руку и рассказывал:

— Когда ты ушла спать, Елистратов скинул дяде видео с камер, решили, что завтра установим личности, добудем контакты и свяжемся с Кругом. Поговорили и разошлись. А ночью была магическая атака — судя по всему, пытались через нашу защиту пробиться к Святиной и избавиться от свидетеля. Может, и получилось бы — охрана у ее дверей ничего не почувствовала, хотя ведьму в это время ломало и коржило. Но сначала туда прибежала твоя Адка, следом за ней твой Макс, и охрана подняла тревогу.

— К черту Святину! — прошипела я, потом опомнилась, что на

базе сейчас гостей нет, а те, что есть, не спят, и рывкнула уже в полный голос. — К черту Святину, почему у тебя кровь?!

— Так я же тебе и говорю! — возмутился Мир. — Этого всего я не видел, потому что сразу на улицу побежал, нападающих искать издалека они действовать не могли, значит, обосновались где-то поблизости.

— Нашёл? — обреченно предположила я.

— Нашел! — хвастливо подтвердил он.

Первый же попавшийся нам навстречу охранник был пойман и отправлен Мирославом сторожить детей. Бедный парень даже не попытался сопротивляться, выслушал приказ, сообщил в рацию, что меняет объект, и отправился, куда послали.

Мне сразу и ощутимо полегчало. Настолько, что я додумалась спросить:

— А куда мы идем?

— На совещание, — невозмутимо отозвался Азор. — По-моему, это логично.

Действительно, и не поспоришь — раз все проснулись, надо совещаться. Логично.

— Может, ты хоть переоденешься? — без особой надежды спросила я. — На тебе футболка мокрая!

— Это штаны на мне мокрые, — возразил Мирослав, — А футболка на мне почти сухая!

Развернуть его силой и отбуксировать в номер, переодеваться, я не успела: мы пришли в малый конференц-зал.

Там уже были все в сборе — Макс, Азоры и примкнувшая Адка.

Вспомнилось, как я совсем недавно переживала, достаточно ли прилично я выгляжу после бессонной ночи для встречи столичных гостей?

А теперь вот стою в том же самом помещении в пушистых тапочках и пижаме, одеяло изображает армейскую плащ-палатку, и ничего, не переживаю. То есть переживаю, но вовсе даже о другом — о пустяках мне думать некогда.

Бронислав Рогволодович поднял взгляд от того, что рассматривал на общем столе:

— Отправь кого-нибудь позвать Ольгу.

Ну да, логично, если уж меня разбудили — то и Ольгу надо звать.

Славик отдал распоряжение в рацию и пробормотал что-то про баб, без которых планировали все решить по-мужски. Я взглянула на него с состраданием: а ведь такой молодой! Мог бы еще жить и жить!

Но потом подумала и забралась на стул тихонечко, постаравшись закуклиться в одеяло: ноги мерзли.

Тяжело, наверное, Всеволоду с Мирославом — в подчинении сплошные родственники, в том числе и старшие.

Потом вспомнила фото Мира осьмнадцати годков от роду: конь стальной, серьга в ухе, взгляд сразу возвышенный и наглый... М-да. Всеволоду, даже, наверное, потяжелее...

— Лена, хотите кофе? — участливо прервал мои размышления Бронислав.

— Хочу, — мрачно призналась я. И еще мрачнее добавила: — Но не буду!

Ночь же еще впереди. Ее же еще доспать в планах числится.

Жизнь — боль! И даже кофе это откровение не запить!

В ожидании Шильцевой, я достала телефон — посмотреть, что там, какие настроения в народе. Мир, подошедший с двумя кружками, поставил одну передо мной:

— Чай. Ромашковый.

Я почувствовала себя окончательно несчастной: ну что за день такой, а?! Что я такого сотворила перед небесами, что он, и без того омерзительно гнусный, окончилась ромашкой?!

Нет, отчасти это компенсировалось тем, что Мирослав вытащил меня из кресла и уселся в него сам, устроив меня у себя на руках и тщательно упаковав в одеяло, но...

Ромашка.

Адка давилась хихиканьем, Елистратов откровенно ухмылялся:

— Пей, Лена, пей!

И этих людей я считала своими друзьями! Своими близкими!

Мир только головой покачал и пригубил свой кофе.

Я страдальчески закатила глаза и полезла проверять чаты.

В основном, официальном проверять было нечего: там со вчерашнего вечера висело сообщение Елистратова М.М. “Уважаемые коллеги, в связи с претензиями к нашей базе от санитарно-эпидемиологической службы, работа “Тишины” временно приостановлена. Мне точно так же, как рядовым сотрудникам,

неизвестна причина подобного рода требований. В ближайшие дни мы — Цвирко А.Д., Завгородняя М.А. и Колобкова Е.В. — будем интенсивно заниматься решением этой проблемы. Просьба отнестись с пониманием, и не забрасывать административный состав вопросами, на которые у нас пока нет ответа. Как только появится какая-то информация, все сотрудники будут оповещены”. И висела блокировка.

Это сообщение я видела еще вчера, мельком, и оно объясняло, почему мой телефон до сих пор не взорвался от входящих.

Над ухом хмыкнул Мир, оценив стиль руководства Макса, и отхлебнул кофе — на меня повеяло запахом, ради которого можно было убить, без преувеличений. Я сглотнула, мотнула головой и продолжила раскопки. Как у всякой организации с более-менее устойчивым кадровым составом, чатов у нас было больше одного.

В ожидании появления Ольги, я с немалым удовольствием просветила Азоров о наиболее популярных версиях случившегося, гуляющих в народе.

Их было немало, но в одном они были удивительно единодушны: виноваты во всем они, столичные захватчики. В чем конкретно виноваты — начинались разногласия. Но что Азоровы — не сомневался никто.

Адка, которой я пожертвовала свой чудесный успокоительный чай, хихикала, Азоровы фыркали — в зависимости от крепости нервной системы, более или менее возмущенно, Макс просматривал видео с камеры наблюдения.

Раньше ему было просто некогда: в “Тишине” осталось от силы четыре человека, а текущее обслуживание требовало внимания. Так что, когда я пошла спать — владелец бизнеса пошел работать.

Решив, что от одного ма-а-ахонького глоточка кофе вреда не будет, я решительно извернулась внутри своего кокона и отобрала у Мира кружку. Напиток раскатился благословенной горечью по языку, и мне стало полегче. Вернув Азорову чашку, я из интереса пролистала чат в поисках Викентьевой — последнее её сообщение датировалось позавчерашним днем...

Мир утешающе сунул мне свой кофе.

Я сглотнула. Ну... от двух махоньких глотков непоправимого тоже не случится, верно?

Пока Ольга пришла, кофе мы прикончили, честно разделив его на

двоих.

Шильцева заняла первое попавшееся кресло, притянула к себе ближайшую ничейную кружку кофе, сделала глоток и, кажется, проснулась.

Обвела нас всех взглядом и хриплым вороньим голосом спросила:
— Что случилось?

Совещание началось.

Нападение случилось около четырех утра. Именно в это время в комнату, где содержали свидетельницу Святину, ворвалась Ада, напрочь проигнорировав мнение дежурящего охранника. Он даже не понял, что подотчетный объект погибает прямо у него на глазах, и в позу эмбриона она свернулась не во сне — проклятие на смерть скрючило несчастную дурочку, лишило ее голоса и дыхания, и медленно убивало.

Сообразив, что к чему, охрана подняла тревогу, и на улицу, искать проклинательницу, понеслась ударная группа — во главе с Мирославом Радомиловичем (который проснуться успел, а одеться нет, и я напомнила об этом укоризненным взглядом).

— Нападавших точно было не меньше трех. Действовали грамотно, сработанно, — в этом месте Бронислав посмотрел на Аду. — Честно говоря, хрена бы наши успели, если бы не Аделаида Константиновна.

Глаза Ольги красиво округлились:

— В смысле? Вы что, хотите сказать, что она, одна и необученная, удержала натиск малого круга?

— Ну, во-первых, — рассудительно отозвался Бронислав, — Они действовали дистанционно, и расстояние было приличное, это здорово ослабляет воздействие. Во-вторых, держать оборону всегда энергетически легче, чем атаковать. Но всё равно, результат впечатляет.

Все, кроме Макса, посмотрели на Адку. Елистратов отложил телефон, и теперь сосредоточенно рылся в планшете.

— Я не сама, — смутилась честная моя. — Мне Максим Михайлович помог.

Меня это не удивило: помог и помог, чего б не помочь хорошему человеку, не помешать плохим?

А вот Азоры впечатлились. В их систему магических знаний подобное не укладывалось.

Макс поморщился. Он явно предпочел бы, чтобы это маленькое

обстоятельство не упоминалось.

— Я дал Аделаиде Константиновне разрешение... право... Не знаю, как это у ведьм работает, но для них это много значит.

— Хорошо работает, — пробормотал у меня над ухом Мир. — Если они три года его добиваются.

— Хорошо работает, — вставил свои пять копеек Всеслав. — Одна троиخ отбрила!

Всеслав рассматривал Адку, как будто впервые видел, и та явно начинала сердиться. Но одернула Славика, как не странно, не она, а Макс:

— Всеслав Всеволодович, не надо так смотреть, я как дал разрешение — так и отзову, не надо думать, что через Аделаиду Константиновну, как через хозяйку места, сможете получить, какие-то преимущества...

Я бы могла с уверенностью сказать, что через Аделаиду Константиновну Всеслав Всеволодович сможет получить только кондратий на свою голову, причем куда быстрее, чем думает, но встревать не стала.

Славку, кажется, не по-детски задевала готовность в любом его движении углядеть намерение на подлость. Иначе он не разозлился бы так явно. Но удержал себя в руках, ответил вполне нейтрально:

— Максим Михайлович, нас право на источник волнует только в юридическом смысле. Мистические тонкости играют роль только для ведьм. От Аделаиды Константиновны нам точно ничего не нужно.

Они так и буравили друг друга взглядами, и я сочла необходимым сказать “брейк”:

— Макс, а как ты вообще у Ирины оказался? Адка — почувяла. А ты же говорил, что магию не чувствуешь?

— На шум прибежал, — Макс еще некоторое время побуравил Славика взглядом, и только потом перевел его на меня. — Услышал суету, и...

Бронислав, наблюдавший за всем этим представлением с каким-то странным выражением, которое я бы назвала ностальгическим, продолжил, будто его никто не перебивал, рассказывать, как доблестно Мирослав и парни из охраны ловили ведьм, но не уловили, потому что пути отхода те подготовили заранее, и бились до последнего — отводили глаза, путали в трех соснах, глушили ноктовизоры... и давили,

давили эту несчастную дурочку тоже до последнего. Отступились только тогда, когда парни вплотную подошли — сыпанули какой-то дрянью, от которой парней повело, и уехали. Почему не добились Святину — не ясно, но охране было худо. В головах как будто что-то сбилось: дезориентация в пространстве, распознавание свой-чужой засбоило, да еще и кровь пошла. У кого носом, а у кого и из ушей. Могли бы брать добычу тепленькой.

— Не могли, — Ада задумчиво хмурила светлые брови, и толкала пальчиком в ручку чайной кружки. — Они что-то такое сделали... После этого колдовать стало нельзя.

Я встрепенулась, и Ада поспешила ответить на невысказанный вопрос:

— Нет, не вредно — просто не получится.

Я кивнула благодарно, и немного успокоилась.

— А Ирина? Что она говорит?

А еще важнее — что думает теперь о своей наставнице? Всё так же готова сделать что угодно по первому ее слову, или включилась голова и мозг заработал?

— Ничего она не говорит, — Бронислав, разумеется, ответил только на озвученную часть вопроса. Мыслей он не читал, хотя кто их, альтеров, знает? — Без сознания ваша Ирина.

Ясно. Ну, хоть живая, и на том спасибо.

— Лен, — позвал меня Мир. — А твой продажный гаишник, он как, может посмотреть, что за машина уехала отсюда около четырех утра?

— Почему это он продажный? Он совершенно бесплатный, — я спохватилась, что мои защитные аргументы звучат еще хуже, чем исходные обвинения, и перешла к собственно просьбе. — Дорог здесь в принципе немного, машины тоже не частят... может быть, и вычислим, если они где-то попадут в камеру. Утром позвоню, спрошу.

Мужики еще обсуждали варианты идентификации нападавших, а я думала совсем о другом. О том что Макс, услышав шум и суету, не на улицу бросился, ведьм ловить, а в совершенно противоположном направлении. И на Славика очень уж вызверился.

А я, между прочим, так и не знаю какое впечатление на Аделаиду, взрослую барышню, Константиновну, произвел мой шеф во время незабываемой встречи в его квартире...

Так что, девицу Аделаиду в ближайшее время надлежит отловить, и впечатления её прояснить. По возможности, конечно, аккуратно — всё это, по здравом размышлении, совершенно не моё дело. Никак меня не касается. Так что я только проясню для себя, сколько мне валерьянки надо впрок запасти, и всё, и вмешиваться не буду.

— В конце концов, у нападения был и положительный эффект, — бодро выдал Бронислав, и я вернулась в переговорную. — Оно подтверждает нашу теорию о том, что нам противостоит малая часть ведьминской общины Чернорецка. И раз уж эта часть кровно заинтересована в том, чтобы мы не предоставили Кругу живого свидетеля...

Брониславовская мысль была ясна. Да и логично: это нас блоки затейницы-наставницы — проблема, но если за него возьмется другая такая же умелица, кто сказал, что она его не скovyрнёт?

Как по мне, ночная феерия сил Зла как раз и говорит нам — скovyрнёт, ой как скovyрнёт!

Мысли были вязкими и тягучими, причу-у-удливыми, со-о-онными...Объятия поверх одеяльного кокона — горячими и надежными. У колобчат под дверью дежурила охрана — я знаю, Мир ее при мне туда поставил. Разговоры отдалились и стали неинтересными...

— Я вечером дал задание своим, подождем, может, к утру кого важного опознаем, — монотонно журчал Бронислав.

— Не надо ждать, — голос Макса был глухим темным, как шум елового бора. — Я уже опознал.

На середину стол по полировке скользнул планшет, и когда Мир подтянул его к нам, я любопытно высунула нос и приоткрыла один глаз, а Мирослав, сама забота, Радомилович, повернул гаджет так, чтобы мне было удобно.

С экрана, с официального служебного фото, на меня стальным взглядом смотрела давешняя холеная брюнетка, нынче не в шубе, а в серой форме, а подпись скромно сообщала страждущим, что это есть начальник отдела полиции номер три Управления МВД по городу Чернорецку, полковник полиции Черета Татьяна Федоровна.

Сон как рукой сняло.

— Максим, Макс. У тебя бензопила есть?

— Не давайте ей бензопилу! — на два голоса завопили Всеслав и Адка, один — потому что напридумывал себе про меня несусветных

глупостей, вторая — потому что хорошо меня знала.

Я укоризненно посмотрела на бестолковую молодежь: этот вопрос всего лишь выражал мое мнение о развитии событий, и моё же к ним отношение емко, образно и всемерно.

Можно подумать, я действительно стала бы просить мотопилу. Во-первых, вы представляете, сколько эта дура весит? Это ж поднимать надо! При моем-то росте-весе! Во-вторых, я прекрасно знаю, где она хранится — хозяйственный склад за конюшнями, вторая дверь налево, ключи в конюшне на стене со сбруей, под запасным седлом — и если мне понадобится, я просто пойду и возьму!

Ведьма. Ведьма — мент. К такому жизнь меня не готовила, дамы и господа!

Я была морально готова к владелице эзотерического магазина, и врач-педиатр у меня удивления не вызвал, и даже та, инстаграмная, красивая, как профессиональная содержанка, укладывалась в живущие в моей голове стереотипы. Очень ведьминское занятие, кружить мужчинам головы, если подумать.

Но ведьма — полковник? А ведьмы-генерала у них там, случайно, нет?

Что нам с этим делать, любезные дамы и господа?

Я представила, какой характерец должна иметь дама, чтобы не только выжить в мужской профессии, но и дослужиться до полковника, и взгрустнула.

Кажется, когда боженька распределял врагов, я урвала себе самых шикарных.

Лучше бы за красивыми ногами стояла.

И хорошо, все же, что мы в тогда, при попытке похищения, в полицию не обратились...

— Это, лихо, конечно... — присвистнул Бронислав Рогволодович.

— Не представляете даже, — мрачно отозвался Макс, откидываясь на спинку стула. — Я ее не только опознал, я ее знаю. Не то, чтобы прямо лично, но в своих кругах персона известная.

— И чем же она известна? — сэбэшник же наоборот подался вперед.

— У нее между своими репутация редкой стервы. Но правильной. Городок у нас тесный и... все всё про всех знают. Может, не в деталях и без подробностей, через вторые руки... но про самых важных людей все

в теме, мало ли...

Все присутствующие многозначительно покивали.

— Так вот. Лет эдак несколько назад, что-то около семи, может, чуть побольше, был такой случай. Черета тогда только в заместители начальника отдела выбилась, но уже понятно было, что эта далеко пойдёт. И была у нее там романтическая история с кем-то из мужиков. Любовь-морковь, всё такое, вроде бы к свадьбе дело шло. У него погоны пожиже были, но им, вроде, не мешало. А потом вскрылась одна не очень приятная ситуация с участием жениха. И могла Татьяна Федоровна его прикрыть. И вроде даже не очень бы рисковала. Я подробностей не знаю, но он, вроде, на то и рассчитывал, что, случись что, невеста поможет соскочить. А она его посадила. Еще и постаралась так, чтобы ему на полную катушку вlepили. Обостренное, поговаривают, чувство справедливости. — Макс призадумался, и добавил, — Ну, или мстительность.

Мы глубокомысленно молчали. Вязалась эта история с рейдерским захватом, поджогом леса, похищением детей и попыткой убийства или не взялась? Справедливость, она ведь разная бывает...

— Да и вообще. Железная женщина. Так что, хоть верьте моему чутью, хоть нет, если кто в Круг из этих дам входит — то она — так точно!

— В Круг — это хорошо, — пробормотал Бронислав, медитируя на фотографию как заправский ведун, резко переквалифицировавшийся из альтера.

— Как только узнать, входит ли она еще и в число тех из Круга, кто нам палки в колеса вставляет? — Славик старательно хмурился.

— А мы к ней наведемся — и спросим! — подмигнул двоюродному внуку Мирославский дядюшка.

— А она нам так и скажет? — скептически уточнила Ада.

— Если встретимся, авось и скажет. Ибо пока что, деvуля, заметь, все эти дамочки ловко от нас удирали и хвосты всячески заметали. Так что... плюс мы же не постесняемся, мы же и другим визит нанесем. Это осиное гнездо палкой только ткни посильнее, сами всем роем набросятся — и виновные, и невиновные, а там разберемся.

Я не знала, радовало меня это заявление или огорчало.

— Альтеры направо, все остальные — налево, — шутливо

скомандовал Бронислав, когда мы выходили из малого зала. Что в переводе означало, те, у кого есть всякие читерские батарейки могут и поработать, а остальные отправляются досыпать.

И я поудобнее перехватила кое-чей локоток, намекая, что удрать не дам. Альтер он там или не альтер, а переодеться в сухое надо!

Охранник у детских дверей при нашем приближении приободрился, но тут же сник, когда мы направились вовсе даже к соседнему номеру. И у меня родилось смутное подозрение, что того, кого он охраняет, суровый мужик побаивается куда больше, чем неведомой супер-опасности.

— Мы рядом! — утешил его сострадательный Мир, и, слегка впихнув меня в свой номер, тут же, без предупреждения, обхватил ладонями мое лицо и впился поцелуем в губы.

Опомнилась я, когда нахальный палец забрался под пижаму и чувствительно сжали грудь.

— Ты что делаешь?! — проснулся рассудок, и я встрепенулась и попыталась вернуть все, как было. За стеной дети без присмотра, в коридоре — охранник, и вообще!

— Переодеваюсь, — нагло заявил господин альтер и, подцепив край футболки, показательно ее с себя стянул.

Нежное женское сердечко екнуло и рухнуло куда-то вниз. Десять из десяти за стриптиз!

— А для этого надо сначала раздеться, — окончательно размурлыкался Мирослав, кошачья мартовская натура, Радомилович, и его руки снова каким-то чудесным образом оказались под моей пижамой.

— Мне-то не надо! — трепыхнулась я.

— Так и будешь в пижаме ходить?

— Нет, но... эй, хватит, у меня здесь одежды нет!

— А зачем она тебе? — вкрадчивый голос кружил голову, поцелуи обжигали, прикосновения путали мысли и атрофировали дар речи.

И мир вокруг сужался до одного только... Мира. Сильного, горячего, такого желанного.

Добегаешь ты, Колобкова, ой добегаешь...

— Лен, а Лен?... Лена-а?...

Мое имя пережегалось с покусываниями и зализываниями, и коктейль был просто сокрушительный, поэтому я в ответ могла только

промычат что-то вопросительное.

— Лен, ты выйдешь за меня замуж?

Вся томная нега скатилась с меня как с гуся вода, я подскочила, приподнялась на локтях и возмущенно уставилась на бессовестного разрушителя интимной атмосферы.

— Мир, это свинство! — искренне возмутилась я. — Ты у кого этой ерунды нахватался, у родственников?

— Лена, ну ты же понимаешь, что все равно придется, — альтер нависал надо мной черной тенью и даже не пытался отодвинуться. На такую заявочку я бы, может, даже и обиделась, если бы не откровенное веселье в синих глазах, различимое даже во мраке.

— Кто сказал? Мама с папой?

— Лена!!!

— Лена такого не говорила!

Мир шумно выдохнул и навалился на меня всей тушей, я успела только задавленно пискнуть, а потом вдруг все кувыркнулось, и я оказалась верхом на мужских бедрах. Пользуясь случаем, придиричиво оглядела торс на предмет повреждений, а то мало ли что там скрыл этот мистер “Кровь? Где кровь? Нет никакой крови!”. Отыскала наливающейся синячище и одарила бойца укоризненным взглядом.

— Лен, я серьезно, — шершавые ладони огладили мои ноги, переместились на пятую точку и чувствительно оную сжали.

— Мне и так хорошо, не хочу я ни в какой замуж! — заканючила я. — Там надо борщи по воскресеньям варить, без конца выслушивать вопрос “ну, когда за четвертым-пятым-шестым?” и носки гладить!

— Боже, носки-то зачем?

— А я откуда знаю?! Но свекровь моей подруги утверждает, что любая уважающая себя жена должна гладить мужу носки!

Взгляд мужчины подо мной был полон недоумения.

— Лена, — проникновенно произнес он. — Я торжественно клянусь — не надо, ради всего святого, гладить мои носки!

— А борщ? — не сдавалась я, с удовольствием скользя пальцами по рельефному животу.

— Борщ я люблю, — закручинился Мирославушка. — Со сметанкой...

— С пампушками, — подсказала я.

— С чесночком... — синие глаза мечтательно затуманились, но

Мир тут же потрянул головой, дернулся, и я охнула от того, как мужское тело прижалось ко мне в стратегическом месте. — Так, стоп, ты мне зубы не заговаривай! Я ей про замуж, она мне про борщ с носками!

— Мир, ну правда, зачем? — я навалилась на него грудью и пристроила подбородок на собственных руках, позволяя чужим гладить меня вдоль всего тела. — Потому что “так надо”?

— Потому что мне хочется.

И руки скользили, гладили, ласкали, сжимали...

— И да, потому что надо. Мне — надо. Мне надо нагнать четыре года упущенного времени. И пусть я не могу вернуться в прошлое, зато я могу повернуть время вспять.

— Это что за альтеровские штучки?

— Нет, — Мир тихонько рассмеялся. — Это наши с тобой штучки. Обратный порядок. Дети. Свадьба. Любовь. Ухаживания. Знакомство.

— То есть, через пару лет я узнаю, что ты вовсе не Мирослав, а какой-нибудь там... Здебор?

— Не смей упоминать это имя при моих родственниках!

— Плохие ассоциации? — озадачилась я.

— Нет, — Мир помотал головой. — Нельзя подкидывать им идеи...

Я рассмеялась, а Азор, сообразив, что со мной наверху каши не сварить, снова подмял меня под себя.

— Ну?

— Ладно, — вздохнула я. — Уговорил...

Склонившееся надо мной лицо озарилось улыбкой и я мстительно закончила:

— ...я подумаю!

Зря. Очень зря, да.

Хотя... с какой стороны посмотреть.

Растекшись по кровати, как блинчик по сковородке, я пыталась собрать мысли в кучу и одновременно, против воли, проваливалась в какое-то подобие полудремы, чувствуя себя выжатой до предела, но при этом парадоксально... наполненной. Будто все разбросанные кусочки жизни встали в пазл, в целостную картинку. И все теперь правильно. Все так, как и должно быть.

Уха коснулись горячие губы, ласково прихватили мочку.

— Выйдешь?

— Выйду, выйду! В окно от тебя выйду!

Над ухом рассмеялись, сгребли меня в охапку и пристроили на широкую мужскую грудь.

Сколько там времени? Шесть? Семь?

Вот-вот колобчата проснутся и надо как-то заставить себя выползти из объятий и из кровати, и я обязательно это сделаю, но вот полежать так еще минуточку, еще вот секундочку...

Вибрация телефона на тумбочке показалась оглушительной. Мы вскинулись оба, но для меня тревога была ложной, и я упала обратно, пока Мир потянулся за мобильным.

— Пап, а чего не в пять утра? — выдохнул почтительный сын в трубку вместо приветствия.

— Кто ж звонит в такую рань? — озадаченно пророкотала трубка густым и узнаваемым голосом Радомила Рогволодовича.

— У нас все нормально. — Я попыталась под шумок выскользнуть из-под Мира и одеяла и таки отправиться исполнять свой материнский долг, но мужская рука напряглась, удерживая. — Было нападение ведьм, но...

— Да меня Броня уже поставил в известность, — перебил будущий — мамочки мои! — свекр.

— А что тогда звонишь?

— Звоню сообщить, что мы с матерью выезжаем.

— Пап, ну мы же обсуждали! Дайте человеку прийти в себя!

— А мы не к вам! — объявил Рогволод, судя по голосу, крайне довольный собой. — Мы, знаешь ли, в заповедник! Тыщу лет с матерью по России-матушке не путешествовали, а там, между прочим...

Я тихонечко полезла под одеяло и оттуда буркнула:

— Не стоит, у нас тут дикая антисанитария! — и, подумав, добавила: — И никакого сервиса.

Мир хрюкнул и тут же закашлялся, пытаясь скрыть смех.

А в трубке тем временем, глубоким шепотом похожим на парходный гудок, прозвучало:

— Сын, я-то бы и повременил, но мать твоя, женщина...

А затем там прозвучало что-то отдаленно похожее на удар газетой по макушке, Радомил сделал голос нормальным и полным достоинства, попрощался и отсоединился.

Но не успел Мирослав положить телефон обратно, как зазвонил

мой. Я озадаченно вскинула бровь, изучив высветившееся имя, и приняла вызов.

— Лен, не разбудила? Вроде вы в это время не спите уже? — уточнила мама бодрым голосом. — Мы тут с отцом подумали и решили, ну чего до весны ждать? В общем мы билеты купили, сегодня выезжаем. Ты не переживай, мы в гостинице остановимся, мешать не будем, только поможем, если чем надо... а если нет, — голос ее дрогнул, но она справилась и вернула его в жизнерадостную тональность, — то заповедник посмотрим. Ты там уже столько времени живешь, а я только удосужилась почитать. Уникальное место, оказывается!..

...когда я положила телефон и перевела взгляд на Мирослава, то первым, что я сказала было категоричное:

— Мир, мы выезжаем!!!

— Куда?

— Куда — неважно. Главное — отсюда!

— Лена, — Мирослав ласково поцеловал меня в макушку. — Не все проблемы в жизни можно решить бегством.

— Но эту-то — можно! — упрямо настаивала я.

Мирослав, умный куда деваться, Радомилович подтянул меня поближе и прошептал:

— Да ладно, если нам повезет, то наши проблемы нейтрализуют друг друга.

— А если нет? — мой голос звучал почти жалобно.

— Тогда выезжаем, — согласился мужчина, которого я начала подозрительно подозревать в идеальности.

Официальное утро началось с драки. Стасик с Олей выясняли, чья машинка приехала в “Тишину”, а чья — потерялась по пути в переездах. Ярик ни с кем не дрался, он увлеченно расковыривал шнур от телевизора.

Пришлось вставать и вмешиваться, пока СМИ не травмировали юный любознательный организм, попутно уговаривая организм свой собственный, что два часа сна — это не “кошмар”, а “нормально, бывало и хуже”.

Надеяться на помощь не приходилось — у Адки нынче были те же два часа сна, плюс магическое противостояние с превосходящими силами... Н-да, не будет мне подмоги, не появится из-за холма

кавалерия!

Дав синицам команду одеваться, и зевнув так, что челюсть чуть не выскочила из сустава, я неосмотрительно заглянула в зеркало в ванной — клянусь, случайно, просто из туалета мимо шла.

В зеркале показывали какую-то стремную бледную тетку, и, видимо, я ей тоже не понравилась, потому что взгляд у этой зеленоватой особы определенно был недобрый.

Я честно попыталась нарисовать поверх нее что-нибудь жизнеутверждающее, но в номере что-то загрохотало, и я тут же переосмыслила приоритеты.

Мирослава, конечно, жалко — но с Максом мне еще работать. Думать надо, чьи нервы беречь в первую очередь!

Завтракали тем, что бог послал. Бог послал толковых, исполнительных ребят из “Азоринвеста” — есть мы их, конечно, не стали, и даже не понадкусывали (но тут еще всё впереди), зато с аппетитом подъели кулинарные изыски, доставленные из круглосуточного общепита.

— Ты чего вскочила? — шепнула я Адке, у которой глаза съезжались в кучу, и веснушки проступили отчетливей, а других последствий бурной ночной жизни вроде бы не виделось.

— У меня работа, — непримиримо отозвалась она, фокусируя зрение и вовремя отбирая у Ярика безнадзорную горчицу. — А ты чего?

— А у меня — дети, — я бездумно повертела емкость в руке, и вытряхнула ее на хлеб.

— А! Давай меняться? — и ее предложение утонуло в моем сдавленном вопле.

Из глаз, носа и рта вырывался огонь, который не сразу, но удалось залить молоком.

Да твою ж раскрою!

Какое счастье, что завтракали мы малым семейным кругом, в в отсутствии Азоров, Макса и прочих нелюдей!

Всё. Я проснулась. Кофе для бодрости мне, пожалуй, уже не нужен!

— Ночью Святина пришла в себя, мы попытались с ней поработать, но результатов особо не достигли.

Мирослав деловито вводил меня в курс дела, а Ольга, успевшая обзавестись новым телефоном, что-то сосредоточено в нем строчила.

- Святину интеллектуально сохранна. Дядя Бронислав допускал, что... возможны варианты, но нет. Обошлось. Она в здравом уме, всё, что ей говорят, понимает, но не верит. — Мир подумал, и поправил сам себя, — Не хочет верить. Свернулась в клубок, лежит, ревет. Даже мне её жалко стало.

Мир выглядел немного смущенным от такого признания — видимо, в его вселенной сур-р-ровым мужикам жалеть бестолковых соплюх, встрявших в дурную компанию и наворотивших дел, предосудительно.

Мы обговаривали последние детали перед звонком, когда телефон в руках Макса дернулся в режиме вибровзвонка.

Все взгляды скрестились на Елистратове, а медведь молча принял входящий от — я успела заметить — незнакомого номера.

— Алло.

— Здравствуйте, Максим Михайлович, — этот глубокий, сочный женский голос был мне не знаком, но догадаться, кому он принадлежал, труда не составило. — У вас на базе всё в порядке?

Параллельно мобильный Бронислава затрясся, как припадочный, и на отрывистое «Да!» с поста охраны доложили:

— Бронислав Рогволодович, к базе отдыха подъехали четыре автомобиля колонной, остановились в пределах прямой видимости, ближе не подъезжают, из автомобилей не выходят. Наши действия?

— Ожидаем, — скомандовал Бронислав.

— Здравствуйте, Татьяна Федоровна, — безошибочно опознал Макс.

— Приятно удивлена, — отозвались в трубке. — Мне казалось, мы с вами не знакомы. Так у вас на базе всё в порядке?

— А почему вы спрашиваете, Татьяна Федоровна?

В трубке коротко вздохнули:

— Максим Михайлович, мы у ваших ворот. Не возражаете, если мы войдём?

Мужики обменялись взглядами.

“Если что — справитесь?” — без слов спросил Макс.

“Удержим” — взглядом же ответил Мир.

— Вам откроют ворота, — после этого импровизированного совещания сообщил Макс собеседнице.

И отключился.

А после этого мир, замерший в молчаливом напряжении на время переговоров, сорвался с места. Бронислав дал команду открыть ворота, Мир и Славик разбежались по углам и связывались каждый со своей группой, а что они от них хотели, я уже не видела: я неслась большими-большими скачками в сторону второй переговорной, на ходу звоня Адке и в телеграфном стиле извещая о новостях.

— Мы уже вернулись в номер, с нами охрана.

Смахнуть пыль — поправить ровно стулья — вскрыть упаковку с водой и расставить бутылочки — слава богу, всё на месте! Проверить чайные принадлежности в соседней комнате (а вдруг понадобится?).

Контрольный взгляд от дверей — вроде, порядок, и в спринтерском темпе обратно.

— Максим, большая переговорная готова.

— Спасибо, Лен.

И вот — снова, парадное построение. Макс впереди, я рядом с ним, но на полшага отстаю, за нами — ровной линией Азоры “первого призыва”. Бронислава нет, он где-то со своими терминаторами, контролирует территорию, обеспечивает безопасность...

Терема “Тишины” за спиной, и гости у крыльца, контрастные на фоне снега, словно вырезанные из темной бумаги фигуры.

Словно вывернутое наизнанку дежа-вю, в котором гости застыли в неподвижности у порога, а принимающей стороне досталась динамичная роль.

Я не знаю, чувствовали ли это ведьмы, а я буквально шкурой ощущала, как на нас концентрируется пристальное, вооруженное внимание добрых молодцев из Азоринвеста.

Молчаливое изучение друг друга.

Вместе с Чередой приехали четверо.

Хотя, приехало может и больше — но подошли к порогу они впятером. Ничего, Бронислав приглядит, чтобы никто посторонний на территории случайно не потерялся.

Череда не по форме приехала. Рослая, дородная. Не тучная, но в теле. Очень светлая кожа — и очень яркая помада. Коротенькая шубка поверх делового костюма, темные волосы поверх черного меха.

И вот объективно, как женщина женщину, красивой бы я ее не назвала.

Но королева не может быть не красивой.

— Добрый день, Максим Михайлович.

Вежливое приветствие гостя прервало затянувшуюся паузу.

Ответное приветствие Елистратова — и приглашение внутрь.

Я остро чувала его желание никуда представителей Круга не пускать. Он предпочел бы встречу на нейтральной территории, да и сейчас выяснить отношения на снегу, и выпереть их всех от греха из родного логова, ему помешал не деловой этикет (какой еще этикет, когда у нас тут почти боевые действия?!), а обилие нечеловеческий тайн во всей истории и концентрация непосвященных ушей вокруг.

Большая переговорная приняла всех, как родных — Макс по центру, Азоры справа, ведьмы слева. И сухое Максово:

— Слушаю вас.

А Череда усмехнулась:

— Мы, на самом деле, действительно приехали узнать, все ли у вас в порядке.

На фоне всеобщего напряжения она одна, кажется, и ощущала себя спокойно. Вокруг неё распространялась своя собственная атмосфера, и там, в ней, ей было вполне комфортно.

— Какое беспокойство, — оценил проявленное участие Макс.

— А почему нет? — благожелательно улыбнулась Череда. — Мы к вам регулярно отдыхать приезжаем, почти свои уже, а тут вдруг какие-то странные телодвижения вокруг, персонал разогнали, охрана на воротах с боевым оружием... Базу закрыли, а из посетителей — только чужаки, с которыми у вас недавно был серьезный конфликт. Вот мы и решили убедиться, что вам никто не угрожает. По-свойски.

Она говорила — ах, как она говорила! С иронией, с легкой насмешкой над собой и своими предположениями, которые теперь готова была признать ошибочными, и сразу было видно, что эта умнейшая и интеллигентнейшая женщина пришла с миром.

Вот только...

— Вы бы резких движений не делали, — посоветовал Макс, когда Череда переложила руки удобнее, — А то мы после бессонной ночи к вашей сестре нервные.

Раз — и вскрыл все карты. И у меня от страха сердце ухнуло вниз, сделало где-то в районе таза кульбит и вернулось на место — исполнять обязанности.

— Даже так? — красиво повела бровью эта невозмутимая женщина. — Что ж, давайте начистоту. Ведьмин Круг обеспокоен тем, что приезжие с какого-то перепуга заблокировали доступ к Источнику. Мы здесь три года мирно уживались, никому не мешали, так что какого черта. Мы желаем знать, по-прежнему ли вы, Максим Михайлович Елистратов, хозяин на своей земле. И, самое главное, мы очень недовольны исчезновением наших сестер!

Она помолчала, обвела всех, от Ольги до Макса, взглядом:

— И что, в конце концов, вы хотите сказать вашей “бессонной ночью”?

Макс смотрел на госпожу Череду в упор, без угрозы, просто... с демонстративным отказом от социальной вежливости.

— Сегодня ночью на мою базу отдыха было совершено нападение. Незвестная нам группа ведьм пыталась избавиться от находящейся здесь под защитой Святиной Ирины Борисовны, которая является соучастницей и свидетельницей преступлений, совершенных представителями вашей общины против меня лично и моего окружения.

Ведьма слушала его с каменным лицом, и лишь на имени ведьмы-недоучки позволила себе вопросительно приподнять бровь в сторону своей соратницы — и та в ответ еле ощутимо отрицательно качнула головой.

А Макс продолжил тем же безразличным тоном:

— Вчера надо мной пытались провести ритуал подчинения воли, Татьяна Федоровна. А до того — была предпринята попытка похищения детей моей сотрудницы.

Я холодно улыбнулась, обозначая, что да — я та самая сотрудница.

И если Черета и была удивлена, то разве что в первые секунды. Сейчас она выглядела собранной, хищной и... И хрен его знает, какой еще, но если бы я не была уверена, что она ведьма, я бы зуб дала, что передо мной — волчица. Очень, очень злая волчица.

— Это все претензии к Ведьминому Кругу, Максим Михайлович? — холодно уточнила она.

— Нет, Татьяна Федоровна. “Тихий лес” тоже на совести представителей вашей общины. И имейте в виду, уже этого хватило для объявления войны. Свой лес я никому не прощу.

Медведь смотрел на ведьму, и не хотела бы я оказаться между ними в этот момент. Перетерли бы взглядами, как жерновами.

— У вас и доказательства, я полагаю, есть? — холодным, как скальпель патологоанатома, голосом поинтересовалась она.

— Есть, — ничуть не теплее отозвался он. — И мы бы с удовольствием их вам предъявили еще вчера. Но вас, Татьяна Федоровна, пока отыщешь...

Макс улыбнулся — так, наверное, улыбаются змеи. Ядовито, едко. Не думала, что Елистратов так умеет.

Он достал телефон.

— Приведи, пожалуйста, Ирину к нам.

А я задумалась — кому он позвонил? Если Азорвским охранникам — то интонации не те. Таким тоном не распоряжения отдают. Просят.

А если Аде — то когда они номерами обменяться успели?

Святину привела Адка.

Охранник мелькнул в дверях суровой физиономией, но остался снаружи, а Ада прошла вслед за подопечной в конференц-зал, сопроводила её до самого стола, и отошла, встала за моим стулом.

Который, между прочим, находился рядом с Елистратовским.

Ирина осталась одна, под скрещенными на ней взглядами, и её собственный метался по нашим лицам со смесью паники и безнадежности, пока не зацепился за меня. Не знаю почему — на меня отчаявшиеся глаза не действуют, лучше б на Мира смотрела, он добрее.

— Итак, — голос Череды упал ледяной глыбой. — Назовите себя.

Допрос не занял много времени — что там вообще было допрашивать? Минут в тридцать всё уложилось, и было бы еще быстрее, если бы Черета не задавала уточняющие вопросы.

Больше всего ее интересовали магические детали, она желала знать, как именно Ирина делала, то что делала. “Пальцы так, силу так, слово не скажу!”

Святина то тряслась, как мышь, то дерзила, ее эмоционально штормило и бросало из крайности в крайность. А Черета по мере ответов становилась всё морозней.

Ирина рассказала всё, что мы уже знали, и вздернула нос, стараясь им прикрыть стонущую в душе тоску.

— Проверь, — велела Татьяна Федоровна ближайшей сподвижнице.

— Господин Елистратов, позвольте! — мурлыкнула над Максом та самая инста-дива.

Адка подалась вперед, черты ее обострились, а веснушки проступили на побледневшем лице. Взглядом недоверчивая моя так и впилась поводящую руками гостью, и на месте последней я бы остереглась делать что-нибудь, что Аделаида Константиновна могла бы интерпретировать как нанесение ущерба.

На всякий случай. Лишняя предосторожность — она никогда не лишняя.

Фея закончила водить ладонями вокруг напряженного Макса, кивнула госпоже полковнику и упорхнула на своё место. Макс расслабился, Адка проводила её настороженным взглядом.

Черета молча стиснула зубы, с усилием их разжала. Расслабила руки, сжавшиеся в кулаки (я очень ярко представила в них чью-то шею).

— Значит, вы подозреваете Риту Викентьеву?

— В том числе и Викентьеву, — согласился Макс. — Ночью нападавших было не меньше трех.

Татьяна Федоровна обратилась к Святиной:

— Назови имя своей наставницы.

Она знала, конечно, про блок, но всё равно почему-то посчитала нужным задать вопрос.

Когда Ирина не ответила, Черета продолжила:

— Маргарита Викентьева была твоей наставницей? — светлые глаза впились в Святину, ожидая нет, не ответа, ожидая любой реакции по которой можно будет идентифицировать, истолковать. — Диана Аврелина? Карина Стороженко?

А те два имени, которые прозвучали рядом с Викентьевой — это, очевидно, те самые “пропавшие сестры”.

— Хорошо. Попробуем иначе, — ведьма с волчьим взглядом, не добившись ответов на первые вопросы, не собиралась отступить так просто. — Где ты жила последние два года?

Ирка хлопала ртом, и не могла ответить ничего. По лицу было видно — хотела, и не могла.

Черета смерила ее взглядом, и вздохнула. Пояснила, обращаясь к нам:

— Спазм. Дай ей ручку — руку судорогой сведёт. А если дальше давить — можно и до летального исхода дойти. Сосуд в мозгу лопнет, или сердце не выдержит... Что слабее окажется — то первым и откажет. Блок нужно снимать, а здесь у вас толком не поработаешь, остаточное

что-то чувствуется, даже диагностику делать тяжело. Мы ее забираем.

Слава тебе, господи! Одной головной болью меньше — хоть эту девицу с нашей шеи снимут!

— Простите, но мы не согласны, — я с некоторым изумлением поняла, что это сказала я.

Вот эти вот слова — их произнесли мои губы.

Зачем? Зачем я выступила, чего мне молча не сиделось?

Татьяна Федоровна надменно приподняла брови, и мне захотелось сразу махнуть рукой на невезучую дуру Святину, и пусть делают с ней что хотят, но...

Сказала “А” — декламируй весь алфавит.

— Вы Викентьеву уже нашли? А двух других, этих... Аврелину и Стороженко? Допросили? Всех причастных выявили?

— Я лично гарантирую безопасность свидетельницы, — Очень Неприятным Тонем сообщила Черета. — Если с ней что-то случится, Ведьмин Круг признает все ваши претензии, как обоснованные.

— Это всё замечательно, но прежде чем передавать вам девушку, я хотела бы прояснить некоторые вопросы, — я отрыла в недрах и запасниках свой собственный Очень Неприятный Тон. По долгу службы мне им пользоваться доводилось нечасто — сервис же! — но это не значит, что вовсе в наличии не имелось? — Ада, проводи, пожалуйста, Ирину в комнату, нам нужно оговорить некоторые детали.

— Сама дойдёт, — отозвалась послушная моя. И скомандовала Святиной, — Скажешь охране, что ты пока под замком.

И, что характерно, та и не подумала послушаться. Развернулась и деревянной походкой, как сомнамбула, побрела на выход.

Наша сторона стола вся сидела с каменными лицами, но Мирославу, по моим ощущениям, было весело, у Ольги выражение было прямо-таки ангельское, и если я хоть что-то понимала в Азорах, это означало крупную гадость в заначке, мнение Славика меня не волновало, а Макс испытывал что-то, похожее на глубокое моральное удовлетворение — каждую шпильку, которую мне удастся вогнать в собеседниц, он встретит с полным одобрением.

Я немного воспряла духом внутри себя: я не филантропичная дура, я ради премии перед начальством выслуживаюсь!

Дверь закрылась, и снова внимание хищниц с противоположной стороны сконцентрировалось на мне.

— Татьяна Федоровна, прежде чем мы передадим несовершеннолетнюю под вашу опеку, мы хотим знать, что её ждёт, я сложила руки перед собой и приготовилась к долгим пляскам вокруг обоюдных интересов.

— Этой несовершеннолетней почти восемнадцать, так что не вижу здесь особых сложностей. Она достаточно взрослый человек, чтобы понимать, что она делала, и достаточно взрослый человек, чтобы отвечать наравне с остальными.

Взгляд у Череды был железный, стальной.

— Впрочем... — она позволила себе улыбнуться одними губами. — Если “Тишина” отказывается от своих претензий, Ведьмин Круг не будет настаивать. В этом случае, разбирательство будет касаться только преступлений против внутренних законов, в которых Святина не замешана.

Вот как? Вот, значит, как? Ну-ну!

В голове стало пусто и звонко, и это этого прояснились мозги:

— Знаете, Татьяна Федоровна, а у меня другое предложение! Вы лично берете Ирину под опеку, вправляете ей мозги и учите отличать “право” от “лево”, а хорошее от плохого и учите всему, что следует знать ведьме на самом деле — а я, в свою очередь, не стану выдвигать претензий против вашей коллеги, передавшей медицинские данные моих детей в третьи руки. Она эти сведения Викентьевой передала или вам?

Выстрел был сделан наугад, но я наитием ощутила: попала!

— У вас и доказательная база имеется? — уточнила Черета.

— С доказательной базой у нас не очень, — я простодушно улыбнулась, — Я человек простой, моё дело — заявление написать, а доказательства пусть следователи ищут. Свидетелей того, что была попытка похищения, у меня полный двор соседей, по времени это произошло вскоре после сдачи анализов... Кстати, нам сказали, что состояние здоровья у детей — хоть в космонавты отдавай. Как вам версия: детей собирались похитить на органы, а ваша соратница — информатор и поставщик.

— Бред, — устало прокомментировала Черета.

— Бред, — кивнула я. — Широкой общественности очень понравится.

— Елена Владимировна, — Татьяна Федоровна явно собиралась

воззвать к моему разуму, — вы понимаете, что создаете опасный прецедент? Ведьма, нарушившая закон, должна понести наказание.

— Совершенно с вами согласна, — кивнула я. — И чтобы она наказания не избежала, я думаю, следует привлечь к делу как можно больше внимания со стороны прессы. Подать жалобы во все инстанции, добиться безостановочных проверок лаборатории, чтобы начальство хорошо подумало, а стоит ли держать на работе эту сотрудницу, а она почувствовала себя максимально неуютно... Что еще можно предпринять в нашей ситуации, Ольга Радомиловна?

Я повернулась к Шильцевой.

— Прежде всего, следует установить ее личность. Это не сложно — Бронислав Рогволодович отследит связи сотрудников лаборатории, и идентифицирует ведьму в течении пары дней. Потом, нужно озаботиться грамотным адвокатом, — охотно отозвалась она. — Потребовать проверки деятельности конкретной особы отдельно, и всей лаборатории — отдельно. Версия с трансплантацией хороша. В конце концов, мы не можем знать, что на самом деле похитители собирались делать с моими племянниками, нельзя исключать и столь чудовищных мотивов. Их следует осветить со всех сторон, собрать статистику, поднять все недавние случаи исчезновения детей в регионе... Или лучше по стране? Отследить случаи, когда имелась связь с медицинскими учреждениями. Массовая истерия — дело трудозатратное, но... — Ольга сделала постное выражение, — Виновные должны понести наказание!

На ее лице крупными буквами читалась нехитрая мысль: “Вы либо трусы наденьте, либо крест снимите”.

— Вы понимаете, что хотите вручить силу человеку без твердых нравственных ориентиров?

— А как с нравственными ориентирами у той дамы, что подставила моих детей под Викентьеву? Или у самой Викентьевой? Как обстоит с нравственными ориентирами у вас, Татьяна Федоровна? Рейдерский захват три года назад — он как с нравственностью монтируется?

Она смотрела на меня пристально, в упор, а я вдруг поняла, что мне... всё равно. Пусть делает что хочет. Я устала.

— Дарья Игнатовна, возьметесь?

Я удивленно повернулась в направлении ее взгляда. Дама в годах, с косой, уложенной в узел, склонила голову:

— Возьмусь, Татьяна Федоровна. А вы, голубушка, имейте в виду: я с вашей девкой цацкаться не буду. Как до нее учениц воспитывала — так и ее учить стану. В мое время про ювенальную юстицию не слышали, так что если не устраивает — лучше сразу на запечатывания дара соглашайтесь. Ничего, и с печатями жить можно!

— Меня устраивает, — отозвалась я.

В конце концов — наставница из ближнего окружения главы Ведьминого Круга — это ведь удача, верно?

— Что ж, если с этим всё, мы бы хотели осмотреть место происшествия. Надеюсь, никто не возражает?

Мир и Макс переглянулись.

— Мирослав Радомилович, покажите, — кивнул Елистратов.

Все разом начали вставать, застучали ножками отодвигаемые стулья.

Мир с обаятельнейшей улыбкой обвел дам взглядом:

— Откуда желаете начать? Снаружи или изнутри?

— Снаружи, пожалуй, — приняла решение Черета.

Все двинулись на выход, а меня перехватила Дарья Игнатовна:

— Подопечную вашу позовите, сразу учебу и начнем, — и, хехекнув, сама себя поправила, — Вернее, нашу уже!

Я нашла взглядом Аду, и кивнула ей — мол, давай, возвращай пленницу. Она ответным кивком дала понять, что сейчас всё будет, и отстала, доставая телефон.

А Дарья Игоревна продолжила разговор:

— И хорошо подумайте, кому эту вашу в обучение отдавать будете! — она подбородком указала, кого имеет в виду, но я так-то и не сомневалась, что речь о Константиновне.

— Вообще-то, Ада уже большенькая, — если честно, я растерялась. — Она сама как-нибудь решит, нужно ли ей образование, помимо университетского...

— А зря! Я б такую взяла. Ох, и стервозная же девка! — Дарья Игнатовна одобрительно сощурилась и даже языком прицокнула. — Я таких люблю, сразу видно, характер есть — толк будет!

Я так опешила, что даже обидеться не успела — Карга Игнатовна отбыла догонять группу, а я осталась переваривать внезапную характеристику Аделаиды свет Константиновны.

Нет, ну она котик же, нежный котик! Я совершенно серьезно, Ада

очень ранимая!

Мимо один из азоровских парней повел Ирину на улицу.

— Пойдем, — Адка потянула меня за рукав. — У нас там мелкие охрану терроризируют.

Выражение лица у нее было такое довольное, что я поняла: всё слышала!

Я покачала головой — вот ведь, коза! Прихватила её под локоток, и поинтересовалась:

— А скажите-ка мне, дражайшая госпожа Звенская, чего это вы так за девицу Святину болели?

— Да нужна она мне! — фыркнула Адка. И, чуть смутившись, призналась, — Просто... Ну а чего они чужой добычей распоряжаются?! Они эту Ирину за руку ловили? Они её отбивали? А туда же — подайте им на блюдечке с голубой каемочкой! Ага, сейчас же, два раза! Мы ее с бою взяли — нам и решать, как с ней поступать. И нечего тут!

Я старалась не улыбаться и, тем более, не ржать вслух под это бесконечное бухтение. Нет, кажется, Дарья Игнатовна где-то в чем-то отдаленно права!

Я-таки увязалась за ведьмами и альтерами, но ничего интересного для себя в их осмотрах и высоких материях не нашла, заскучала, и на обратном пути решила развлечь себя назревшим вопросом.

— Как же вы это допустили, Татьяна Федоровна?

Череда невесело прищурилась:

— Вы, Елена Владимировна, наверное думаете, что Ведьмин Круг — это организация с иерархией и субординацией, и глава со всей полнотой власти?

Я настороженно молчала, но да, примерно так я и думала. Соратницы ее тоже молчали, но насмешливо.

— Отнюдь. Нет, многие так думают, но на самом деле, это община, — она выделила голосом последнее слово. — Общность людей, живущих в одном месте и объединенных неким общим признаком — ведьмовским даром. Я скорее на положении сельского старосты. А в остальном...

Ведьма дернула углом рта:

— Каждая сама по себе, хаос, стихия и дурь в башке. Одна курит

религию, и ладно бы православие — так нет же, язычество. И наше, славянское ее не устраивает, у нее в голове скандинавские боги табунами ходят. Вторая думает, что магия — это что-то вроде математики, что там чувствовать? Подставляй значения в формулы, и вперед, умножай-сокращай! Третья считает, что да, как высшая математика, высшая математика — это красиво! И пока ты выбираешь, кого из них первой в дурку тащить, вспоминаешь, что эти, вообще-то, как раз самые адекватные! — ноздри ее свирепо раздувались, а глаза пылали.

Сподвижницы отворачивали физиономии и давились смехом в воротники — то ли сказано было как раз о присутствующих, то ли эти самые присутствующие просто знали, о ком.

Череду же явно прорвало. Что называется — наболело:

— А когда пытаешься их собрать, чтобы какой-то вопрос решить, начинается! “Ой, а мне мама такое не разрешает!”, “А моя бабушка делала не так!”!

— “Я не приеду, мужу обещала ужин приготовить”, — вставила свои пять копеек одна из ведьм.

— “У меня младшую пронесло, я сегодня не могу! Девочки, кто-нибудь заговор от поноса знает?”, — подхватила эстафету другая.

М-да, чем-то мне это напоминало детсадовский чатик в нашей младшей группе.

Миф о тайной зловещей ведьмовской организации рушился на глазах, правда неотвратимо поднимался в полный свой рост: ведьмы — это женщины.

До меня ме-е-едленно доходил масштаб катастрофы.

Лучше бы это была зловещая организация. С ней, по крайней мере, понятно как бороться.

— Глава Круга у ведьм не то чтобы совсем уж баба на чайник, но власть её весьма условна. Не хочешь слушаться — не слушайся. Собрала вещички, детей в охапку, мужа подмышку — и до свидания. А то и здесь же, на месте, собрала под руку единомышленниц и заложила новый Круг. Мы не повязаны общими финансами или совместным имуществом, Елена Владимировна. Просто сила наша тесно связана не с землей даже, а с местностью, где мы живем. И месту нужна хозяйка. Глава круга, хозяйка шабаша, как хотите назовите — это она и есть.

Череда усмехнулась, и очень эта была ведьмовская усмешка.

Она больше не полыхала раздражением, и ее задумчивость, вольно или невольно передалась окружению, а я задумалась — это особенность главведьмы, или просто у госпожи полковника такая мощная харизма сама по себе?

— Викентьева, примерно как и вы, Елена Владимировна, считала, что у нас есть четкая иерархия и структура. Ей было так проще воспринимать. С молодыми такое бывает, они слишком современные, думают, что живут разумом, а на деле — живут мозгом, — она мазнула меня взглядом, проверяя, понимаю ли я разницу.

Я не то чтобы понимала, что подразумевает Черета (почему-то фамилия охотнее ложилась мне на образ роскошной брюнетки, чем официально-паркетное “Татьяна Федоровна”), сформулировать различие я бы не взялась, но где-то на уровне ощущений улавливала.

— Она несколько раз бросала мне вызов, — хрупкая морозная веточка крутилась в белых пальцах, а глава круга, заметив мое изумление, усмехнулась. — Нет, не подумайте, не было никаких магических поединков. Сейчас у нас это делается не так. Ведьма хозяйка своему кругу, пока за ней идут сестры. Пока у нее хватает на это авторитета. А Викентьева — отличный управленец и организатор. И дважды во время советов в Кругу она, дождавшись, пока я скажу свое слово, выдвигала свои предложения, и ставила их на голосования. Это были отличные, толковые идеи, и подожди она ко мне с ними до Круга, я бы согласилась с таким порядком действий, — Черета тонко улыбнулась, — Но она не хотела в советницы. Она рвалась в хозяйки. Оба раза ее предложения провалились, Круг проголосовал против. Рита так и не поняла — ведьмы голосовали не за проект. Голосовали за человека.

Мы шли по тропинке от источника к теремам и свежий снег скрипел под ногами — некому было почистить дорожки.

— В первый раз я просто щелкнула её по носу: назначила ответственной за обсуждаемый вопрос и обязала осуществлять не мой план, а её собственную идею. Достаточно прозрачный намек, вы не находите, Елена Владимировна?

И я вынуждена была признать, что да, куда уж прозрачней.

— Во второй... Во второй раз я сослала её к вам.

Я настолько опешила, что чуть не споткнулась. В смысле? Сослала соперницу к источнику?

— Не спешите удивляться. Видите ли, природа источника такова, что с ним ничего нельзя сделать обманным путем. К примеру, нельзя приворожить вашего Елистратова, и выманить у него права под приворотом — любое противоправное действие в отношении хозяина, закрывает ведьме доступ к источнику навсегда.

Я растерянно молчала. Н-да. Это многое объясняло, конечно, но...

— А как же тот рейдерский захват? На что вы рассчитывали четыре года назад? Или обряд на Макса у него в квартире...

Черета тонко улыбнулась:

— Елена Владимировна! Если бы — я повторяю, если бы! — я решила поступиться законностью ради интересов общины, которую представляю, то я бы обязательно действовала опосредованно, через третьи руки. А когда эти третьи руки передали бы мне права на источник, я бы выступала добросовестным участником сделки, — в темных глазах плескалась ирония, — Но я, конечно, на такое никогда не пойду, это противоречит закону и моим убеждениям.

Я скривилась, и удержала вопрос “Татьяна Федоровна, вам нимб не жмет?” за зубами. И так ясно, что не жмёт, он там отлично уживается, прямо между рогами, сразу над короной. Спросила я другое:

— А что ей мешало обработать Макса без приворотов?

— Ни “что”, Елена Владимировна, а “кто”, — от проникновенного голоса собеседницы мурашки по спине бежали. — Вам напомнить, кто уволил горничную и официанток, слишком откровенно добивавшихся внимания владельца “Тишины”? А напомнить, с какими формулировками?

Не надо про формулировки! Я помню! Но мне тогда нужна была репутация стервы! Это было по работе!

— Кстати, одна из тех девочек была из наших, — добила меня Черета. — Так что Викентьева лишней раз глаза на него не рисковала поднять. Хотите, поделюсь характеристикой, которую она на вас составила? — и с явным удовольствием поделилась: — Авторитарна, злопамятна...

Да... А я-то считала себя неплохим начальником!

— Нетерпима к неповиновению, — добила Черета мстительно.

— Да это прямо что-то среднее между бернским зенненхундом и питбультерьером, — буркнула я.

— Сравнение не лишено смысла, — миролюбиво согласилась

Татьяна Федоровна. — Сидели на своем Елистратове, как собака на медведе: и сам не гам, и другому руку по плечо отгрызу!

Титаническим усилием воли я подавила желание огрызнуться и отстоять свое славное имя, и вернула разговор к прошлой теме:

— Слушайте, а почему вы просто от нее не избавились?! — и это был прямо крик души.

Вот я бы так и поступила!

— Шутите? — она больше не смеялась, говорила предельно серьезно. — Разогнать всю толковую молодежь, и нянчиться с общиной до старости? Вы думаете, я так за место главы держусь? Ошибаетесь, Елена Владимировна — власти мне и на работе хватает. И власти, и ответственности. И интересы мои тоже, по большей части, там. Найдись толковая преемница — я бы охотно спихнула ей эту безумную кодлу. Но Викентьева не дотягивала. Может, со временем бы доросла...

Разговор этот меня все же слегка расстроил, и я отстав от ведьм, поравнялась с Миром и увязавшейся за нами Адкой.

— Слушайте, я что правда нетерпима к неповиновению? — с надеждой на утешение возопила шепотом я.

— Ну, конечно, нет! — ласково, как несмышленьшу, объяснила Ада. — Я вот тебя всегда слушаюсь — и всё отлично!

Где-то в этом согласии чувствовался подвох.

— И что, правда мстительная?

— Кто ей сказал такую чушь? — удивленно спросил Мир у Адки.

— Понятия не имею! Никто бы не посмел! — невозмутимо отозвалась эта... ведьма!

Спелись! Успели!

Я пыхнула паром на морозный воздух и гордо отправилась спасать охрану от колобчат.

Иногда я занималась тем, что медитировала на детей. И вместо того, чтобы заняться какими-то своими делами, пока — о счастье! — все трое нашли себе безопасное занятие, поглотившее их целиком и не требующее вмешательства взрослых в лице мамы, я просто сидела и смотрела на них. И ловила от этого какой-то нереальный кайф.

Прямо сейчас у меня в общем-то и дел-то никаких не было.

Странное ощущение. Прямо противоестественное какое-то. Я, вроде, уже приловчилась за последние пару недель, что вечно надо куда-то

бежать, кого-то спасать и вообще какой-то ахтунг творится.

И вдруг — тишина. Тишина в “Тихине”. Тишина в квадрате прям-таки.

И дети.

Олюшка сосредоточенно рассматривает книгу. Розовая лента развязалась, голубая пока держится. Круглая щечка подсвечена солнцем из окна и в этом теплом свете кажется натуральным персиком — так бы и укусила. Светлый пух растрепанных косичек тоже сияет в этом свете нимбом, но и без него понятно, что перед нам ангельское создание, которое очень любит животных. Поэтому искренне радуется, чтобы в книжке дракон сожрал рыцаря, а не наоборот.

Ярослав строит башню. Башня уже дошла ему до носа и до трагедии остаются считанные кубики, но пока его надежды и мечты не рухнули вместе с огорчительно неустойчивой конструкцией, можно полюбоваться сосредоточенным выражением лица, по-мужски сурово сдвинутыми бровями и тем, как он закусывает губу и тщательно примеривается, прежде чем заложить очередной “кирпич”.

Стас поглощен битвой. У него война не на жизнь, а на смерть между бегемотом и человеком-пауком. Бегемот опасный “хищник”, по крайней мере, по мнению одного юного натуралиста, поэтому хлипкому человеку приходится непросто. Волосы у бойца взъерошены, пуговица на рубашке оторвалась, общий вид удалой и бандитский.

И я медитирую, размышляя о том, как лучше готовить рыцарей — в доспехах или без, и какая трагедия будет меньше — если башня рухнет сама, или если ее собьют в пылу боя бегемоточеловеки. В первом случае — трагедия отдельно взятого конструктора, во-втором, драка. Но зато без строительных разочарований!

Неожиданно — обошлось!

Ярик на редкость разумно решил, что лучшее — враг хорошего, выше головы не прыгнешь (то бишь не построишь), а битва бегемотов с человеками очень требует его, Яриковского, участия. Теперь я точно знала, что башня рухнет обоим на головы, но это будет повод для смеха, а не трагедии.

Чуть скрипнула дверь, я обернулась и с изумлением уставилась на возникшего в проеме Макса. Вот уж кого меньше всего ожидаешь обнаружить в игровой комнате!

Дорогой шеф, кажется, сам не верил, что по собственной доброй

воле сюда явился, поэтому медлил на пороге, ожидая нападения и благовидного предложения для того, чтобы ретироваться.

Но тройняшки на дядю Макса отреагировали более чем флегматично — то есть никак. Им всяких веселых дядь за последние дни было за глаза и за уши (а сколько еще будет!), поэтому даже мои неугомонные всеобщей любви чуток переели и на людей бросаться уже не спешили.

Максим Михайлович решился и бочком-бочком по стеночке, приблизился ко мне и присел рядом.

— Ну что там? — спросила я.

— Да все там, — вздохнул с облегчением Макс. — Уехали. Текущий конфликт, вроде как, разрешен. Ирину забрали, лес восстановить помогут, со своими нарушительницами разберутся сами, и ты знаешь — я верю. Разберутся. Меня такой расклад устраивает, мне знаешь ли вот только за ведьмами гоняться еще не хватало.

Я хмыкнула. Конечно, зачем тебе сразу столько ведьм, ты сначала с одной управься!

— А по поводу доступа к источнику это они уже пусть с Азорами разбираются, у меня эта маета вокруг ручейка уже в печенках.

— С Азорами? — я удивленно вскинулась, оторвалась от рассеянного созерцания детской возни и уставилась в упор на Макса.

— С Азорами, — кивнул тот. — Я продам им землю.

— Продашь “Тишину”?! — ахнула я и без преувеличений схватилась за сердце.

Елистратов посмотрел на меня как на дурочку.

— Часть “Тишины”. Тот кусок, на котором находится источник. И пусть дальше делают с ним, что хотят.

— Макс, ты серьезно?

— Лен, вот это вот все — оно мне надо? — проникновенно и вкрадчиво спросил меня шеф. — Лично мне этот источник — до лампочки, а разборки вокруг него — тем более. Ты думаешь, что на заключении перемирия все закончится, что ли? Ведьмы из города никуда не денутся, а у меня на воротах сейчас охрана “Азоринвеста”. Это раз. А два...

Макс чуть-чуть помолчал, разглядывая колобчат — уловил-таки, кажется, наконец основы детомедитации.

— Мне совесть не позволяет сидеть жопой на месте, от которого

зависит благополучие самой уязвимой части населения — стариков, беременных и детей. По крайней мере, в отличие от ведьм, альтерам источник нужен для жизни, а не для власти или искусства. Так что...

Я молчала. Я переваривала.

— Зато, — куда веселее добавил Елистратов. — Совесть вполне позволяет мне ободрать твой “Азоринвест” на этой сделке как липку! А то мне, знаешь ли, еще лес восстанавливать, хоть убытки покрою.

— Чего это мой?! — возмутилась я. — Ничего он не мой! И вообще — я-то тут при чем?!

— Просто хотел, чтобы ты знала, — хмыкнул Макс. — Мирославу Радомилевичу только не говори пока. Цену понабиваем.

Как этот непостижимый человек догадался, что набивать цену мы будем дружным фронтом — я не знаю! Разве ж то можно было понять по моим кристально честным глазам?

...а что? В конце концов, лес ведь и правда восстанавливать!

Азоры получают землю.

Что они с ней будут делать? Ей ведь надо будет управлять. Кто-то должен будет этим заниматься. Такое ценное приобретение первому попавшемуся Славику не доверишь, правильно ведь?

В груди разливалось тепло, на губы против воли лезла улыбка.

Мы еще не разговаривали о том, как мы будем жить дальше. У нас просто не было ни времени, ни возможности. Но сейчас, в этот момент, у меня зародилось четкая, ясная, почти забытая уверенность — все будет хорошо.301e29

— Макс, а Макс... — протянула я. — А что это у вас там, дорогой ты мой человек, с Аделаидой Константиновной такое происходит?

Медведь насупился, забубунился, стал грозен не в меру, могуч, brutalен и все прочее.

— Извини, Лена, но это не твое дело! — и поднялся, чтобы направиться к выходу.

— Не мое, конечно, совершенно не мое, — покладисто покивала я, осторожненько за рукав его прихватив. — Но если ты Адку обидишь, я тебя мирославовичам скормлю без сахара. Ибо детям много сладкого вредно. Понял?

Понял, конечно. Как тут не понять...

А в дверях он разминутся с Мирославом. Свято место пусто не бывает, подумалось мне, когда Азор опустился на нагретую скамью

рядом со мной.

От него пахло морозом и солнцем, и я не отказала себе в удовольствии ткнуть носом в холодную щеку и потереться, вдыхая этот аромат глубоко-глубоко.

— Лен, а давай дом купим?..

— Давай.

— ...мы вчера просто пока ездили, я объявление увидел на одном. Как раз по пути и снаружи вроде ничего так. Съездим посмотрим, а там... — Мир оборвал сам себя, запоздало сообразив, что уговоры были уже избыточными.

Брови сдвинулись на переносице, а мне на лоб легла холодная рука.

— Лихорадка, — печально констатировал господин альтер. — Бредит. Скорую, вызовите скорую, мы ее теряем!

Я расфырчалась, отстранилась и нахохлилась. Можно подумать, я вот уж прямо настолько вредная! Если замуж согласилась, чего ж от дома-то отказываться теперь?

Мир разулыбался и притянул меня обратно, подоткнув себе под бок. Сеанс парной детомедитации объявляется открытым!

— Родители звонили. Прибудут через два часа. Твои?

— К ужину.

— Что будем делать?

— Ты все еще наивно полагаешь, что бегство — плохой вариант?

— Увы.

— Тогда держать оборону. Ты на острие атаки, а я за твоей спиной помашу всем ручкой и скажу, что мне пора детей укладывать спать! И случайно усну вместе с ними, представляешь? И совершенно случайно дня на три. А там глядишь, если ты останешься жив, то уже и попроще будет!

В битву бегемота с человеком-пауком вмешалась кукла Маша. Кукла Маша в руках девочки Оленьки была больше бегемотопуков раза в четыре, поэтому легко всех построила и усадила пить чай. Башня нависала над чаепитием дамокловым мечом, но держалась. Три светлые макушки возились, высаживая игрушки в круг. В какой-то момент их стало многовато и чаепитие стало куда больше походить на клуб анонимных пострадавших от детского произвола.

— Ты знаешь, — задумчиво произнесла я, — я всегда ужасно, вот очень сильно-пресильно хотела большую семью.

Мирослав понимающе хмыкнул, а я представила, во что к ужину превратится “Тишина”, и скорбно добавила:

— Дура была!

Эпилог

В одиннадцать прибывала Иулия Всеволодовна.

Она же — Юлька, она же девица Иулия.

Не одна прибывала, с целым поездом пассажиров.

Девицу Иулию надлежало встретить, поезд отпустить.

По мнению отдельных лиц, у поезда, доставившего Иульку, других дел быть не может, самое важное он в своей судьбе уже выполнил, но жизнь раз за разом доказывала иное, и поезд таки отбывал в неведомые дали, а Иулька оставалась одна на перроне. К этому времени ее следовало непременно перехватить, уже на второй минуте Юлькиного воздействия горожане начинали дышать через раз, падать в обморок, а наиболее стойкие осмеливались подойти и заговорить. Этих бессердечная девица добивала отработанными равнодушно-убийственными взглядами. Так что, совсем немного задержавшись, можно было застать перрон, усеянный трупами обоого полу.

Все Азоры как Азоры, водят машины, а Иулия путешествует поездом (концентрацию погибших и безнадежно травмированных в нем страшно представить!).

И можно изгаляться в остроумии сколько угодно, но я таких красивых людей ни до, ни после нее не видела. Ей даже завидовать не получалось: посмотрела, отнесла в графу “совершенство” и смирилась.

За право забрать Юльку с поезда мы с Адкой немного поспорили и даже подрались: победителю в этой битве предоставлялась уникальная возможность только сегодня, только сейчас сбежать из дурдома, который представляла собой “Тишина” тридцать первого декабря утром.

Безнадежно читерствуя и взывая к авторитетам, я зубами вырвала победу и подрастающего поколения, запрыгнула в Тигрик и утопила педаль.

Выехав на трассу, сбавила скорость, и дальше поехала чинно, как большая: самое главное я уже сделала — вырвалась! Дальше спешить некуда, времени у меня с запасом.

Впервые Славкина сестра-двойняшка случилась в нашем доме в первый год семейной жизни. Появилась на пороге с огромным

чемоданом, и я тогда отметила, что да, девка-то красивая, естественно, она приехала отдохнуть с обширным гардеробом, и только мимолетно удивилась, почему к нам, а не в “Тишину”, но дом большой, комнаты мне не жалко.

В своих заблуждениях я оставалась дня три, а потом заметила, что Юлька как обходилась джинсами и парой футболок, так и обходится, а вот Мирославичи щеголяют в костюмчиках, которых я им не покупала. Да и Ада нам такого вроде бы не дарила...

Она быстро обжилась, железной рукой отжала себе треть кухонных дежурств и с неотвратимостью ледокола вписалась в семейный быт.

— Юль, а может, тебе будет лучше в “Тишине” — обеспокоенно уточнил муж. — У нас всё-таки дети, собаки, а там к источнику ближе...

— Я там всех поубиваю, — мрачно сообщила девица Иулия, и на этом вопрос был исчерпан.

Мирослав плясал вокруг племянницы на цыпочках, не зная, чем угодить и вгоняя меня диссонанс: все мои органы чувств утверждали, что у нас гостит стальная наковальня, а поведение мужа намекало, что трепетный цветочек.

Я промаргивалась, присматривалась — да, наковальня.

“Да нет же!” — кричал Мир всем своим видом. — “Цветочек!”

“Но... но наковальня же!” — пыталась привести картину мира к единому знаменателю я.

Мир недоуменно вглядывался в поисках наковальни и уверенно сообщал что видит цветочек.

В итоге, я плюнула и смирилась. В конце концов, у всех свои слабости, и если у меня есть котик, то почему бы у него не быть цветочку?

И только тихо изумлялась, наблюдая, какие хороводы водит вокруг Иулии всё многочисленное семейство, опекая, холя, лелея и не давая в обиду. Стоило Иулии Всеволодовне взять на работе лишнюю смену, начинался Содом и Гоморра. Все неистовствовали, негодовали и угрожали выгоранием.

По моим наблюдениям, у нас она останавливалась в большей мере для того, чтобы сбежать от любимых родственничков. На мою территорию лезть с непристойными плясками и песнями никто не смел.

Иулия Всеволодовна Азор, врач-реаниматолог, сама кого угодно

была способна дать или не дать в обиду. А уж как взлелеять могла — м-м-м, любо-дорого посмотреть.

— Ты сейчас к нам или в “Тишину”? — спросила я, когда мы утрамбовали в багажник еще один огромный — кто б сомневался! — чемодан. Спорим, новый год она будет встречать в джинсах и водолазке?

— А что в “Тишине”?

— Бедлам, — емко охарактеризовала я. — Раньше у нас как было? Мы заранее, как большие, готовили базу к новогодним праздникам, вальяжно выбирали дизайн декора, не спеша его развешивали... А в этом году Мир с Максом решили, что на праздники “Тишина” будет принимать только своих, и что в итоге?

— Что? — по мере рассказа Иулия взбодрилась, веселья в ней стало больше, чем усталости, но и усталости тоже было изрядно.

Хм, что, неужто, не одну смену лишнюю взяла, а, упаси боже, две?

Да не, быть такого не может! В семействе тогда бы до небес стон стоял!

— А то! Не подумай такого плохого слова, как “шантаж”, но Ольга Радомиловна шипела в телефон, что если кто-то прикоснется к избушкам гирляндами, она выкрасит азоровскую часть “Тишины” самой неоновой из всех неоновых красок.

Юлька хохотнула, я тоже посмеивалась. На эту битву я взяла самоотвод — украшать я не люблю, я люблю лежать кверху пузом на диване, и чтобы всё вокруг мерцало и переливалось.

— Терема мы украсили, уличные деревья Адка тоже отвоевала, а остальное... Тридцать первое декабря на дворе, а мы ждем, пока Оля вернется из командировки, чтобы развесить гирлянды! Так ты куда, в “Тишину”, или отдохнуть?

— Пожалуй, приобщусь к всеобщему безумию! — определилась Иулия.

Сказать по правде, возвращения Ольги из командировки я ждала с нетерпением. Ибо отбыли они туда вместе моим благоверным, и было это две недели назад.

В “Тишине” дым стоял коромыслом. Отличный, вкусный, кедровый дым: топили бани.

Гостей на базе не было, все свои, но и свои делились на гостей и

персонал, и дежурный администратор, Лида Балоева, пыталась быть везде и разом, но получалось у нее так себе, могла бы хоть у Мирославичей поучиться — уж они-то прекрасно справлялись, да так, что казалось, будто во дворе их мечется не меньше девяти.

Где-то фоном Ольга-большая (“Я не большая! Я старшая!!!”) энергично командовала украшением домиков (слава богу, наконец-то! Прибыли!).

Дети при виде нас радостно слились в одного супермирославича, потом расщепились на трех обычных и повисли... на Юльке.

Я бы, может, и вмешалась, спасая усталую родственницу, но она сама их прикормила — так что теперь вкушала последствия. Семилетки восторженно облепили двоюродную сестрицу, и вопили, перекрикивая друг друга, как они закончили вторую в жизни четверть, и какое представление у них было в школе, и что Ольку взяли снежинкой, а она не хотела, она хотела снегурочкой, а её не взяли, и они все обиделись, и пришли в костюме змейгорынча одним на троих, а их за это хотели выгнать с утренника, а они не ушли, а...

Глазки у первой красавицы азорьего семейства медленно, но уверенно съезжались в кучу.

Школа от моих разбойников стонала стоном. Регулярные записи в дневниках типа “были без второй обуви, затоптали потолок” стали семейной обыденностью.

Когда нас первый раз вызвали в школу, мы с Миром шли с внутренней готовностью защищать детей. Классный руководитель отвела нас к директору, тот вызвал психолога и достал чайные чашки.

За чаем нам изложили проблему и предложили план её совместного урегулирования, а в конце встречи выдали список секций, со словами “С этими руководителями я знакома лично и могу поручиться”.

На прощанье классная руководительница призналась, что дети у нас чудесные, она их обожает, и вообще, давно столько не смеялась.

Дома Мир отпаивал меня коньяком. В общем, школу мы сменим, только если сменим континент, а идею со “змейгорынычем”, я уверена, классная руководительница им сама и подсунула — в одном папином свитере и с двумя руками на троих особо не разбежишься и елку повалить куда сложнее!

Так что утренник прошел без эксцессов.

Тихонько посмеиваясь Юлькиным отчаянным попыткам

расшифровать сразу три потока информации и никого не обидеть, я отправилась на голос Радомиловны. Вот сейчас ка-а-ак, найду, ка-а-ак выясню, где мой муж и чем это он две недели без меня занимался, что теперь искать не спешит!

— Правый хвост длиннее, подтяни! Еще чуть! Нет, сантиметра на три отпусти! Ага, так отлично, крепи!

Игорь Новицкий покорно подтягивал и отпускал, а мне вспомнилось, как однажды я искала его за какой-то надобностью.

...В конюшне было сумрачно — лошадям яркий свет ни к чему. Характерный запах, конские вздохи и звук скребка по плотной шкуре — Игорь действительно был тут, хотя кони и не входят в сферу его обязанностей, но он их любит и “умеет готовить”, в отличие от человек.

— Игорь Филипович! — Ольга внезапно обнаружилась там же, хотя уж ей-то тут и вовсе нечего было делать. — Я умею ездить верхом!

— Не дам! Кони незнакомые, под седло выезжены не очень, наш задний двор — это вам не манеж. Не дам, даже не просите.

— Ну, дайте!

— Нет. Убьетесь — вам потом ничего, а мне Михалычу отчитываться! — аргументы Новицкого были безупречны.

— Ну, проконтролируете, чтобы всё было в порядке! — раздраженно фыркнула Ольга, нетерпеливо притопывая сапожком.

— У меня работы много!

“Ага, и именно от нее ты спрятался в конюшне” — могла бы сказать Ольга, но откуда бы ей знать такие детали? Она сказала другое:

— А-а-а-а! Где там ваша работа?!

Пижонистая курточка полетела на сено, а Ольга, прихватив скребок, решительно вошла в денник, привычным, каким-то будничным шлепком понуждая орловского рысака подвинуться, и выговаривая серому в яблоках, что конюх у него совершенно бездушная скотина.

Игорь упорно делал вид, что его происходящее не касается.

Я осторожно, задом-задом выбралась из конюшни, молясь всем святым, чтобы меня не увидели, и чуть не вскрикнула, налетев спиной на Мира.

Тот, зажав мне рот, дернул за руку наружу:

— Валим отсюда! Если Олька нас увидит... Ходу, ходу! Она вообще не переносит, когда в ее личную жизнь вмешиваются!

И вот странно. Вроде бы, ничего "такого" мы и не увидели. Но и я, и Мир однозначно идентифицировали это как "личная жизнь", и щеки у меня горели.

Теперь Игорь тридцать первого декабря покорно таскал стремянку и коробки с гирляндами, хотя мог бы прекрасно проводить предпраздничное время где-то еще в свой законный выходной.

Я улыбнулась — они ничего не афишировали, но, похоже, катание верхом прошло удачно!

Объездила.

Когда холодные ладони закрыли мне глаза, я улыбалась.

— Подглядываешь? Ай-яй, как нехорошо!

Развернуться внутри объятий и ткнуться носом в пальто, а потом приподняться на цыпочки, обнять за шею и потянуться к губам — это ли не счастье?

— Где тебя носило, нелюдь?

Мир хохотнул:

— У меня к вам аналогичный вопрос, Елена Владимировна! Не желаете ли для обсуждения пройти в ваш кабинет? — родные руки прижали к себе, нахально стиснули пятую точку...

Смеяться и целоваться, целоваться и смеяться — мой любимый способ времяпровождения!

Мир тянул меня за собой с целеустремленностью танка, а я шла за ним следом и не могла принять серьезный вид: губы растягивались в улыбке, и всё тут!

Нас перехватили у самого крыльца. Накинулись, завизжали, залюбили — и всё это, разумеется, не меня, а папу. Мама что, мама каждый день перед глазами, а вот папы не было дома целую вечность! Четырнадцать дней — это же как до края Вселенной... Счастливый щебет в уши, болтающиеся в воздухе ноги, облепившие мужа ровным слоем мирославичи — ах, сколько счастья с обеих сторон, ах, как им друг друга не хватало!

— Дети, гостинцы от зайчика я вам уже передал, больше пока нет! — смеялся Мир, но где там.

Ничего-ничего. В следующую командировку я ему детей с собой заверну. В качестве индикатора наличия источников альтеровской силы. И папе помощь, и мама отдохнёт...

Коварное планирование коварных планов немного утешило, но всё

равно... обидненько!

— А пойдём, мы тебе покажем, как тут всё украшено! Мы помогли, да!

Мир посмотрел на меня поверх детских голов голодными, несчастными глазами, но спустил на землю Стаса, затем Ольгу Мирославну, и пошел, куда тащили. Они ж помогли!

Я тоже пошла.

Хоть меня и не звали.

Хоть я там и не нужна.

Никто меня не люу-у-уби-и-ит!

— О, а куда это вы все собрались? — весело выкатилась нам наперерез тетя Тома, как всегда, румяная и пахнущая сдобой, и дети дружно (надо всё-таки приучить их как-то говорить по очереди, или хотя бы один текст на всех) принялись разъяснять, куда, и зачем, и сколько всего они там напомогали.

— Понятно, — тетя Тома печально вздохнула. — Я-то думала, вы мне пряники украшать поможете... Они как раз остыли! Вместе глазурь сделаем, вместе краски выберем...

Тройняшки замерли. Несколько секунд растерянно переглядывались, потом умоляюще уставились на отца...

— Ну, что поделаешь, — грустно сказал он. — Я всё понимаю. Идите...

Дети со счастливым визгом умчались впереди тети Тома, а невысокая толстуха лукаво нам подмигнула и с достоинством пошла за ними.

Мы замерли, напряженно прислушиваясь к удаляющимся звукам, а затем наперегонки рванули в мой кабинет.

Тетю Тому привезла Адка.

Злопамятная моя так и не поладила с местным Кругом, хотя и Череда, и Дарья Игнатовна поглядывали на молодую ведьму алчно.

Уж как мы девицу ни уговаривали, как ни изоцрялись в аргументации (и сакраментальная “обезьяна с гранатой” была еще из мягких!), она уперлась намертво и ни в какую.

Тогда, четыре года назад, Макс почти сразу обозначил намерения и ухаживал с присущей ему основательностью. Пару раз подвез Адку по делам войны за жилье — и внезапно вопрос, который мы решали четвертый год, вдруг рассосался “сам собой”, и вот уже Аде вручают

ордер и ключи, и домик, пусть и неказистый, но свой, ждёт владелицу.

Выбить более-менее удобное расположение по отношению к городу не удалось даже Макс, и жить там Ада не стала, слишком неудобно добираться в университет, но Елистратов и тут показал себя молодцом: подсуетился, и нашел долгосрочных квартиросъемщиков.

Потом, выбрав ночь потемней, он потащил Прекрасную Даму на развалины бабкиного дома. Перекинувшись, побродил туда-сюда по заросшему молодой порослью подворью — и нашел-таки, что искал. Схрон с ведьмовским Адкиным наследством. Кое-какие побрякушки, записи матери. Я тогда с удвоенной силой принялась склонять девицу с ученичеству, а она с удвоенной же силой — упираться. Вообразила, коза, что сама со всем разберется!

С чем-то да разобралась.

И пары месяцев не прошло, как у Адки появилась хмельная счастливая дурнилка в глазах, а чуть погодя — колечко на пальце, вместе со статусом невесты. И на этом дело застопорилось. Переехать к жениху она отказалась категорически, жила с нами, в свежкупленном доме, который перестраивался ударными темпами, о будущем заговаривала неохотно, при любом упоминании свадьбы мгновенно глохла и меняла тему. Словом, отчаянно трусила, а чего именно — не признавалась.

Мир запретил мне её трогать на обе темы: и на ведьмовскую, и на оборотневую. Сказал, придёт время — само всё решится.

Я нервничала, злилась, но вняла. Адка перестала шараться и психовать от любого слова, и лето мы прожили спокойно. А в начале осени Макс заявил, что раз уж от ведьм его нынче защищают альтеры, а от альтеров — я, то он наконец-то может отдохнуть, как человек. Потому что он от нас всех невыносимо устал. Взял невесту в охапку и усвистал на свою любимую-ненаглядную Камчатку.

Вернулись они через две недели. Макс раздавшийся, чуть прибавивший в весе, как всегда после таких поездок, с сытостью во взгляде, а Адка — задумчивая и с официальной наставницей, оставшейся где-то там, в краю вулканов и гейзеров.

Улетала с категорическим нежеланием даже думать о свадьбе, а вернувшись, подседа ко мне с этим разговором сама.

Ревновала я жутко, хоть и понимала, что с Адкиными страхами эта незнакомая мне женщина справляется куда лучше, чем я, что

наставница Аде нужна, а с местными у нее доверия нет и не будет.... Но никакая местная Дарья Игнатовна меня так не пугала, как это неизвестная “тетя Тома”, потому что никакая Дарья Игнатовна в жизни не сумела бы увести у меня Адку. Я старалась держать себя в руках, но... я ж Колобок. Колобка в руках попробуй, удержи!

Так продолжалось до тех пор, пока она не прилетела к нам. Внезапно, без предупреждений. Адкино приглашение не приняла — остановилась в “Тишине”. И пока я выдумывала благовидный предлог, чтобы позвать ее на чай и как следует расспросить, кто она и чем дышит, постучалась ко мне в кабинет сама.

Мы пили чай, разговаривали и меня отпускало. Нечего нам с ней оказалось делить. Разные у нас роли и разные места в жизни дорогого нам обоим человека.

Так они и мотались, то Адка к ней, то она к нам и по сей день.

Не скажу, что я ее возлюбила, но перекашиваться лицом по диагонали при звуках имени перестала.

А после сегодняшнего выступления и вовсе готова была пересмотреть мнение!

Кабинет — на ключ, ключ в карман, сама — к мужу в объятия.

Скучала-скучала-скучала!

Хотя две недели назад, собирая благоверного в командировку, дожидаться не могла, пока отчалит!

Но у нас так всегда: первый день после его отъезда я хожу по дому королевой и наслаждаюсь одиночеством, свободой и личным пространством.

Вечером разваливаюсь в кровати строго по диагонали, морской звездой — потому что могу! Всё моё! Вся кровать!

Но уже чувствую некоторое неудовольствие, потому что никто и не оспаривает моих посягательств, а что это за победа, если противник не явился на поле боя?

В общем, к моменту его возвращения я обычно дозреваю до состояния “люблю-нимагу”, и у нас снова любовь, счастье и медовый месяц.

Командировки у Мира частые, но, слава богу, как правило короткие, и нынешние две недели — это, действительно, целая вечность. Как до края Вселенной!

Мир везде, повсюду, и мы целуемся и тискаемся, как подростки,

дорвавшиеся друг до друга в отсутствие родителей. И в этом горячем сумасшествии заходим существенно дальше, чем планировали, и чем прилично солидной супружеской паре с тремя детьми. Поэтому когда я прихожу в себя, обнаруживаю себя на столе и под мужем, мои вещи оказываются разбросанными по всему кабинету, а одежда Мирослава хоть и лежит компактно, но одним неряшливым комом. Естественно, ничего, что выглядело бы прилично и не слишком пожеванным хотя бы издали, там нет.

— Ерунда, — Мир благостен и задумчив. — В моем кабинете есть что-то из повседневного...

У Мирослава действительно есть свой кабинет в “Тишине”, только он рядом с Максовым, а это же на целый этаж дальше идти! Естественно, ни одному из нас такая глупость в голову не пришла бы, мы заперлись в моем.

Азоры Максово предложение приняли быстро, даже не торговались, безмерно этим всех нас удивив. А потом внесли еще и свое — “Тишину” не делить. “Азоринвест” заключил с Максом контракт на обслуживание их земельного участка, так что для всех простых смертных перемены владельцев и вовсе остались незаметны.

А на уровне управления двое удивительным образом спелись, хотя вот уж к этому меня судьба не готовила. Мне казалось, Макс тот еще одиночник, но, видать, Азорское обаяние оно и викингов способно прошибить. К тому же Мир особо в дела не лез, он перетянул на себя любимое дело — и занимался по удаленке тем, чем ему нравилось заниматься, заявив, что никаким Славикам это больше не доверит. Искал источники. С этим и связаны были периодические командировки.

Мы снова тискались, уже не для продолжения, а просто так, для удовольствия, и я вдруг вспомнила важное:

— Мир! Слушай! Хочешь, я тебе тайну выдам?

— Тайную? — он кусал меня за ушко, и ему было явно не до откровений.

— Очень! — хихикнула я. — Но я, правда, сразу предупредила, что тебе всё разболтаю!

Мир, наконец осознав, что я серьезно намерена общаться, со вздохом уступил. Уселся на мой стол, притянул меня к себе.

— Ну? — поцелуй закончился легким укусом.

— Что — ну? — я фыркнула и куснула его в ответ. — В общем,

Адка того!

— Чего — того?

Я снова хихикнула непонятливости мужа — как будто тут много вариантов! Хотя, конечно, много. Но мог бы и догадаться!

— Всё — того! Если верить подсчетам, то в этот раз она с Камчатки не только тетя Тому привезла! Скоро шевелиться начнёт!

— Серьезно? Давно пора! — Мир призадумался, — Лен, а нам не пора?..

Я закатила глаза:

— Мирослав Радомилович, кто недавно требовал, чтобы я не оставляла кошку с детьми наедине? Вот когда им можно будет доверить хотя бы рыбок, без страха что залюбят — тогда и поговорим!

— Всё-всё-всё! — Мир пригладил мою вставшую дыбом шерсть, — “Залюбят” — это да, “залюбят” — это аргумент... — и повеселевшим тоном продолжил, — Вот на Адкином и потренируются! Будем приводить ненадолго, приучать маленькими порциями!

— Совести у вас нет, господин Азор! — фыркнула я. — Такие бесчеловечные эксперименты над ставить над живыми людьми!

— Ага, — осклабился упомянутый Азор. — Я вообще ужасный экспериментатор!

С этими словами меня крутнули, развернули, устроили на столе...

Гм, нет, ну против таких экспериментов я не возражаю!

Если быстренько подняться со второго этажа на третий и добыть из шкафа в кабинете Мира джинсы со свитером, можно сделать вид, что именно за этим мы и исчезали!

Именно так Мир и заявил Адке, с пакостной улыбкой поинтересовавшейся:

— А что это вы там делали?

— Переодеваться ходили!

Аделаида Константиновна оглядела нас сначала с ног до головы. Потом с головы до ног. С глумливой улыбочкой заключила:

— Ну-ну! — и великодушно изволила заняться своими делами.

На Мирослава налетела Юлька, на меня — Ольга-большая (старшая, старшая!), и я, наконец полноценно вовлеклась в предпраздничную подготовку.

А потом меня сзади за плечи ласково приобнял Макс, и шепнул на

ухо проникновенно:

— А вот если бы кто-то из горничных вот так, на рабочем месте, с мужиком...

— Так ведь не с мужиком! — взнегодовала я. — Вот если бы кто-то из них с законным мужем...

Я призадумалась на секунду, и призналась:

— То я бы ей первая голову откусила.

Макс гнусно заржал, взъерошил мне волосы (чудовище лесное, страшное!), и пропел:

— Вы, Елена Владимировна, оштрафованы! — и удалился, и даже по спине было видно, как он доволен собой.

Какой кошмар.

Новогоднее настроение безудержно поползло вниз.

Я мать троих детей!

Мне детей кормить!

Глаза защипало, губы задрожали.

За что?

Я шмыгнула носом, понимая, что вот-вот не удержу, и начнется слезоразлив.

За что?!

По щекам предательски поползло горячее, я запрокинула голову, в дурацкой попытке загнать слёзы назад, но они текли и текли, и горе было огромным и черным, как заповедный лес.

За что-о-о?!

Я рыдала, размазывая по слёзы по лицу рукавом пальто.

Кто-то что-то спрашивал, вокруг мельтешили люди, кто-то меня тормошил:

— Лена, Лена, что случилось?

— Лен, да ну ё-моё, я же пошутил!

— Елена Владимировна, что вам принести?

— Колобок, твою мать, где враги?

— Так, а ну отошли все! — рявкнула Юлька голосом, от которого на конюшне шарахнулись в денниках кони.

Типичная первая красавица, ну.

Меня железными пальцами ухватили за рукав и поволокли на буксире. Ступеньки, крыльцо, приемная, ступеньки, о — мой кабинет!

Девушка Иулия приземлила меня на посетительский стул, всучила в

руки кружку с водой, и отчеканила:

— Пей!

Человека, который отдает приказы таким голосом и нависает над тобой, аки ангел мщения, дешевле послушаться, и воду я нервно выхлебала.

— Что случилось?

— Ме... ме... — всхлипнула, — Меня Ма-макс ош-ошт-оштрафовал!

— За что? — жалостью в ее голосе и не пахло. Одним едким, как медицинский антисептик, любопытством.

— За... за-а... за непристойное пове... де-дение на рабо... бочем месте!

— О, господи.

Юлька вытащила из угла второй посетительский стул, развернула его спинкой вперед, и оседлала. Руки сложила на спинке, на руки сложила подбородок.

— Лен. Ты с зарплаты живешь?

Я растерянно хлопала глазами.

— У тебя муж сколько зарабатывает?

Я молчала.

— Дальше. Он тебе на свадьбу пакет акций дарил? Я знаю, что дарил, это традиция — обеспечить матери своих детей пассивный доход на любой критический случай.

Я молчала.

— Лена. Чего ты ревешь?

На этот вопрос у меня тоже не было ответа, но зато глаза снова защипало.

— Отставить рёвы! — рявкнула Иулия.

Помогло.

В дверь кабинета кто-то поскребся.

— Мы заняты!

С той стороны кто-то шарахнулся и, судя по звуку, врезался в стену коридора.

— Юль, это я! — просительно прозвучал голос Ольги.

— И я! — вторил ему Адкин, воинственный. — Мужики ушли!

— Лен, — Иулия даже ухом не шевельнула в сторону двери. — Скажи мне, у тебя когда в последний раз месячные были?

И пока я, вцепившись в телефон, судорожно искала соответствующее приложение, встала и прошла к двери.

— Входите! — великодушно запустила гостя хозяев.

— Лен, что случилось? — Ольга метнулась ко мне и присела на корточки перед стулом.

— Лен, что случилось? — Адка ужом ввинтилась мимо Ольги.

У меня задрожали губы:

— У меня задержка!

— Ну, ничего страшного, может, там ничего еще и нет! — засюсюкала Ольга.

— Так, подвинься, — деловито попросила Аделаида свет Константиновна, встала “ноги на ширине плеч”, подпернула рукава и уставилась на меня странным расфокусированным взглядом.

— Всё там есть, — буднично объявила она, собрав глазки вместе. — Срок поменьше, чем у меня, а точно не скажу — к доктору иди, я еще не доучилась. И вот что, мать!

Она сурово смерила меня взглядом сверху вниз:

— В этот раз, чтоб не больше двоих! Трех выхаживать мы уже приловчились, а если больше — то каюк!

Поглощенная собственными новостями и переживаниями, я не сразу заметила, что Ольга больше не с нами. Что она сидит, уставившись стеклянным взглядом в смартфон, где открыто приложение аналогичное моему.

Иулия отследила мой взгляд, и сощурилась. Адка тарацилась на Ольгу и старалась не дышать.

Когда тишина сгустилась до состояния геля, Ольга отмерла, обвела нас глазами и объявила:

— А я, девочки, замуж выхожу.

Мы замерли, стараясь не отсвечивать: Ольга Радомиловна в растрепанных чувствах бывала страшна.

— Пойду, — она встала с колен и отряхнула джинсы. — Сообщи. И получу предложение.

Упс! Докатались...

— Это невозможно! — вдруг взвилась Ольга, развернувшись от дверей, — Это невозможно!

— Да ладно тебе, это не смертельно! — не знаю, чего Ольга бушевала, но раз бушевала — следовало поддержать.

— Я хотела, чтобы он дозрел сам! А теперь получается — под гнетом обстоятельств, — рывкнула Ольга и горестно объявила, — Приеду домой — убью гинеколога.

— Гены свои убей, — бессердечная Юлька сострадания не ведала. — Вы с дядюшкой Мирославом из одной партии!

Ольга жახнула дверями так, что задрожали чашки в шкафу.

— Ага...Ага, — Юлька задумчиво побарабанила пальцами по спинке стула, — Ад. А она действительно беременна?

Адка неуверенно пожала плечами:

— Ну... Да.

Она явно не была уверена, можно ли разглашать такую информацию, но раз Ольга сказала всем сама, наверное, она бы не возражала?

— Ага, — она снова выбила ногтями дробь по дереву. — И ты, получается, тоже?

— Ну да, — теперь пожатие плеч было уверенным и означало “А что такого-то?”

— Ага.

“Эк её переклинило!”, рассеянно отметила я, прикидывая, как ловчее свалить будущие хлопоты на мужа под соусом “Ты же так об этом мечтал!”

Юлька решительно встала.

— Вот что. Ад. А посмотри-ка и на меня!

— А на тебя-то чего? — я подняла на девицу Иулию растерянный взгляд.

— Я вас боюсь, — мрачно объявила она. — У вас тут поветрие! Вдруг, это заразно?!

П.С.: Через некоторое время УЗИ уверенно показало у меня один плод, у Ольги — один, а вот у Адки — двое, как заказывала. Хотя... Вспоминая мой опыт, тут уместнее сказать “Но это не точно!”

Конец